МД10 — 1065

МД10 1065

Изданіе студентовъ.

132

ОЧЕРКИ
ПО
Синтаксису др. Церковно-славянскаго и русскаго языковъ.

Курсъ лекцій, читанныхъ студ. 2, 3 и 4 курсовъ славяно-русскаго отдѣл. истор. фил. фак. И. В. У. профес. Е. Ѳ. КАРСКИМЪ въ 1912|13 ак. г.

ВАРШАВА
Типо-Литографія Ф. РЕГУЛЬСКІЙ и К-о, Видокъ 24.

1913.

МДІО 1065

Изданіе студентовъ.

ОЧЕРКИ
ПО
Синтаксису др. Церковно-славянскаго и русскаго языковъ.

Курсъ лекцій, читанныхъ студ. 2, 3 и 4 курсовъ славяно-русскаго отдѣл. истор. фил. фак. И. В. У. профес. Е. Ѳ. КАРСКИМЪ въ 1912|13 ак. г.

ВАРШАВА
Типо-Литографія Ф. РЕГУЛЬСКІЙ и К-о, Видокъ 24.

1913.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
965656

Очерки

по

СИНТАКСИСУ

ДР.-ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО ЯЗЫКОВЪ

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ФЕЛИКСЪ РЕГУЛЬСКІЙ и Кº
Видокъ 24.—Тел. 206-83.
ВАРШАВА.

1913.

Въ курсахъ др. ц.-славянскаго и русскаго языковъ мы разсматривали съ вами звуки и формы словъ, употребляемыхъ въ этихъ языкахъ. Но если бы мы на этомъ остановились, то задача наша по изученію языка была бы далеко не окончена. Дѣло въ томъ, что языкъ, какъ средство общенія между людьми и передачи нашихъ мыслей, не состоитъ изъ звуковъ и формъ словъ, а изъ рѣчи; эта же послѣдняя только искусственно, но не естественно можетъ быть расчленяема на отдѣльныя слова, а послѣднія въ свою очередь на звуки. Въ этомъ случаѣ полную аналогію можно подыскать въ мірѣ органическомъ: можно изучать ткани, изъ которыхъ состоитъ тѣло человѣка, или отдѣльные его органы; но все это еще не представитъ изученія человѣческаго тѣла. Для послѣдняго требуется указать роль этихъ тканей и отдѣльныхъ частей тѣла въ цѣломъ организмѣ, ихъ значеніе. То же и въ языкѣ, знать звуки и ихъ измѣненіе, знать формы словъ - еще не значитъ знать языкъ. Послѣдній мы постигнемъ лишь тогда, когда обстоятельно уяснимъ себѣ значеніе какъ отдѣльныхъ звуковъ, такъ и особенно формъ словъ, ихъ отношеніе къ нашей рѣчи, изъ которой они для первоначальнаго изученія были выхвачены. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно такъ называемыхъ формъ словъ, напр., склоняемыхъ и спрягае-

мыхъ. Внѣ рѣчи онѣ пустые звуки, дающіе намъ лишь нѣкоторое смутное представленіе о томъ вещественномъ содержаніи, заключающемся въ корнѣ слова, которое имъ соотвѣтствуетъ. Возьмемъ, напр., слово конь. Что о немъ можно сказать. Со стороны значенія - лишь то, что корень его содержитъ представленіе о лошади; въ отношеніи звуковъ - то, что здѣсь выпало б /* кобнь, ср. кобыла/, передъ н; въ отношеніи морфологическомъ объ этомъ словѣ можно сказать, что оно имѣетъ основу на -io, и только. Но это ли намъ нужно при изученіи языка. А какова роль этого слова въ рѣчи. На послѣдній вопросъ, да и на нѣкоторые вопросы морфологіи, напр., какой это падежъ, мы рѣшительно не можемъ отвѣтить, пока разсматриваемъ это слово въ отдѣльности, а не въ связной рѣчи. Другое дѣло, если сказать: "*къде есть конь мой*". Здѣсь никто не затруднится опредѣлить роль слова конь, какъ именительнаго падежа и носителя извѣстнаго признака въ данной рѣчи; или: "помяну Олегъ конь свой". Каждому ясно, что конь здѣсь винительный падежъ и обозначеніе того предмета, котораго частично касается извѣстное дѣйствіе. Или: "отбѣгоша конь своихъ" - родит. множ.ч. аблятивный для означенія удаленія. Здѣсь приведена форма, представляющая въ ц. слав. и др. русс. языкѣ сходное окончаніе для разныхъ падежей. Но можно взять и такую форму слова, которая является единичн **сво-**

емъ родѣ, а между тѣмъ внѣ рѣчи она все же будетъ непонятна. Передъ нами слово "возьмись". Оно, повидимому, повелительное наклоненіе, обозначающее приказаніе, распоряженіе, напр., "возьмись за руку", но то ли значеніе имѣетъ эта форма въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ: "отколѣ ни возьмись, навстрѣчу моська имъ", "возьмись онъ за это дѣло, вышло бы иначе" и т.п. Да и наши представленія о падежахъ склоняемыхъ словъ, о формахъ глагола возникли только изъ анализа рѣчи. Внѣ ея существуютъ лишь отдѣльныя слова, совершенно самостоятельныя: столъ, стола, столомъ и т.д., и лишь въ рѣчи они поставлены въ то или другое отношеніе другъ къ другу.

Такимъ образомъ для построенія зданія ц.-славянской и русской грамматикъ въ фонетикѣ и морфологіи мы имѣемъ только матеріалъ различнаго качества и прочности; знаемъ, какъ онъ прилаживается другъ къ другу, но не имѣемъ еще представленія о томъ, какое мѣсто дать ему въ цѣломъ зданіи грамматики; мало того, даже не составили себѣ плана цѣлаго строенія. Этотъ послѣдній уже опредѣляется синтаксисомъ. Значитъ, синтаксисъ долженъ опредѣлить значеніе разрядовъ словъ и ихъ формъ, а также ихъ сочетаній для образованія рѣчи.

Объ эти задачи кажутся совершенно простыми, но, какъ увидите изъ разбора входящихъ сюда понятій, дѣло довольно сложно.

Что такое рѣчь.

Если не захотимъ придать рѣчи очень широкаго значенія языка, то опредѣлимъ ее какъ совокупность предложеній, выражающихъ извѣстную мысль. Самое меньшее синтактическое цѣлое и есть предложеніе. Въ предѣлахъ его и можно говорить о рѣшеніи поставленныхъ выше задачъ. Но что такое предложеніе - этотъ вопросъ, какъ ни кажется онъ простъ, еще до сихъ поръ не рѣшенъ удовлетворительно. Отвѣтить же на него такъ или иначе необходимо, такъ какъ разсуждать, напр., о сочиненіи словъ или ихъ подчиненіи возможно только въ предложеніи.

Большинство нашихъ грамматикъ повторяетъ въ этомъ случаѣ опредѣленіе Ѳ.И. Буслаева, основанное на авторитетахъ западной науки своего времени, что "предложеніе есть сужденіе о предметѣ, выраженное словами"; что "подлежащее означаетъ предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи", а "сказуемое обозначаетъ признакъ, приписываемый предмету" /ср. въ У изд., II, стр. 21,25,23/. Но какъ показалъ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи по русскому синтаксису А.А. Потебня, это опредѣленіе не выдерживаетъ критики /ср. Записки^2, I, 60-75; въ изложеніи И.Бѣлоруссова, 19-23/. Прежде всего логическое сужденіе и грамматическое предложеніе не могутъ быть смѣшиваемы. Въ первомъ идетъ рѣчь о соединимости или о несоединимости двухъ понятій, причемъ часто не обра-

щается вниманіе на порядокъ ихъ сочетаемости: субъектъ можетъ быть предикатомъ и наоборотъ; въ грамматическомъ предложеніи подлежащее-предметъ и сказуемое-признакъ часто не составляютъ двухъ понятій, особенно въ безличныхъ предложеніяхъ /гремитъ/, да и не могутъ замѣнять одно другое; часто въ грамматическомъ предложеніи больше одного сужденія. Далѣе, логическое подлежащее и грамматическое не всегда совпадаютъ одно съ другимъ: часто грамматическое подлежащее не тотъ предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи. Логически одно и тоже: "Я имѣю книги" и "у меня есть книги"; "Паллада любитъ Улисса" и "Улиссъ любимъ Палладою"; но съ грамматической точки зрѣнія эти предложенія далеко не одинаковы, а между тѣмъ предметы, о которыхъ говорится въ приведенныхъ парахъ одни и тѣ же. Не стану продолжать разсужденій въ этомъ родѣ дальше /съ ними необходимо познакомиться по Потебнѣ/; замѣчу лишь, что на основаніи ихъ нельзя не притти къ заключенію, что единственно правильнымъ съ синтактической точки зрѣнія опредѣленіемъ предложенія будетъ такое, которое имѣетъ въ виду не содержаніе предложенія, а лишь его форму; другими словами не придаетъ значенія содержанію понятій, обозначаемыя словами, образующими предложеніе, а касается лишь способовъ соединенія этихъ словъ, ихъ грамматической стороны.

Дѣло въ томъ, что значительная часть словъ въ

рѣчи имѣетъ два значенія: I/ вещественное, реальное, заключающееся въ корнѣ слова, принадлежащее слову всегда, даже внѣ предложенія, и 2/ формальное, грамматическое, опредѣляемое тѣми или другими суффиксами, особенно флексивными. Эти суффиксы и указываютъ на то положеніе, какое занимаетъ данное слово въ отношеніи къ другимъ словамъ въ рѣчи вообще, въ частности въ предложеніи. Подобный же чисто формальный характеръ имѣютъ и нѣкоторыя отдѣльныя слова, лишенныя собственнаго значенія и употребляющіяся только для связи однихъ словъ съ другими /связка, предлоги, союзы/. Наконецъ, есть слова, имѣющія только вещественное значеніе безъ всякаго формальнаго /нѣкоторыя нарѣчія/. Соединеніе словъ, имѣющихъ вещественное значеніе, для выраженія мысли о предметѣ и составитъ логическое сужденіе; послѣднее свойственно всѣмъ языкамъ, какого бы строя они ни были. Но чтобы такое сужденіе стало грамматическимъ предложеніемъ, требуется еще выраженіе тѣмъ или другимъ способомъ формальной связи между указанными вещественными словами. Это положеніе станетъ еще болѣе яснымъ, если мы разсмотримъ главныя части предложенія.

Разъ предложеніе выражаетъ мысль о предметѣ или по Вундту - расчлененное представленіе, то въ немъ долженъ быть такой предметъ, который поясняется и служитъ исходнымъ пунктомъ, отъ котораго пред-

ставляется возникающимъ извѣстное дѣйствіе, или которому приписывается то или другое качество и состояніе. Такой предметъ называется подлежащимъ, а приписываемое ему качество, состояніе или возникающее отъ него дѣйствіе называется сказуемымъ. Простѣйшее предложеніе и состоитъ изъ грамматическаго соединенія подлежащаго и сказуемаго. Это соединеніе и выражается формальными частями словъ - окончаніемъ именительнаго падежа и согласуемымъ съ нимъ глагольнымъ окончаніемъ. При такомъ пониманіи предложенія не представится никакихъ трудностей при разборѣ его: подлежащее - именительный падежъ поясняемаго предмета мысли; сказуемое - признакъ, возникающій отъ подлежащаго, или качество, приписываемое ему и соединенное съ нимъ при помощи глагольнаго окончанія /связки/. Нѣтъ именительнаго падежа и подразумѣвать его нельзя, предложеніе будетъ безличное; нѣтъ признака или дѣйствія, производимаго подлежащимъ, и подразумѣвать его нельзя, но все же мысль выражена - будетъ одночленное предложеніе.

Изъ литературы предметы:

W. Wundt. Die Sprache, 2 изд. 1904 г. I и 2 т.

Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. 4 изд. 1909 г.

Е.Ѳ.Буддіе. Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи, какъ основа ученія о синтаксисѣ. "Извѣстія" 1910 г. № 4. Тутъ и подробная литература предмета.

Здѣсь и ниже вездѣ еще слѣдуетъ принимать во вниманіе:

W. Vondrak. Vergl. Slav. Grammatik. II Band. Formenlehre und Syntax. Göttingen. 1908.

Его же. Altkirchenslavische Grammatik. 2 изд. Berlin. 1912, гдѣ немало мѣста удѣлено и синтаксису.

Н.К. Грунскій. Очерки по исторіи разработки синтаксиса слав. языковъ. СПб. Юрьевъ 1911 г.

Не мало матеріала для всѣхъ отдѣловъ имѣется у E. Ogonowski /Studien Lemberg. 1880 - по малор. нарѣчіи/ и у меня /Бѣлорусск. "Очерки Синтакс. Бѣлор. нарѣчія". Варш. Унив. Извѣстія 1912, Сент. и слѣд./.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію разныхъ видовъ предложеній и ихъ состава, этой простѣйшей формы рѣчи, коснемся еще нѣсколькихъ общихъ вопросовъ, съ которыми намъ постоянно придется сталкиваться; имѣю въ виду - вопросъ о частяхъ рѣчи, понятіе о родѣ и числѣ.

Говорить о частяхъ рѣчи можно только съ чисто формальной /грамматической/ точки зрѣнія /ср. Овсянико-Куликовскій, Синтаксисъ русскаго языка, 34-49/, такъ какъ матеріальное, лексическое значеніе разныхъ разрядовъ словъ часто бываетъ одно и то же /бѣлый и бѣличка, ходить и хожденіе и т.п./. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ /предлоги, союзы, частицы/ матеріальное содержа-

ніе словъ совершенно не чувствуется, а есть только чисто формальное ихъ значеніе. Значитъ, и при распредѣленіи частей рѣчи мы должны держаться той же точки зрѣнія, что и при разсмотрѣніи частей предложенія.

Кромѣ различія съ чисто внѣшней стороны /склоняемыя или спрягаемыя слова, измѣняемыя по родамъ или не измѣняемыя, измѣняемыя вообще во флексіяхъ или неизмѣняемыя слова/, вообще говоря, мало существеннаго, такъ какъ многія изъ неизмѣняемыхъ въ настоящее время словъ прежде измѣнялись /дѣепричастіи/ или представляютъ отдѣльныя категоріи измѣняемыхъ словъ /нарѣчія/, части рѣчи прежде всего въ настоящее время различаются по тому, имѣютъ ли онѣ въ своей основѣ обозначеніе какихъ-либо признаковъ или же указываютъ лишь на формальныя отношенія между словами въ рѣчи; отсюда знаменательныя части рѣчи и служебныя. Подраздѣленія перваго разряда обусловливаются тѣмъ, какъ тѣ или другія свойства, качества, признаки относятся къ предмету, съ которымъ мы ихъ ставимъ въ связь. Посредствомъ органовъ чувствъ мы получаемъ отъ разныхъ предметовъ тѣ или другія ощущенія; вслѣдствіе особенностей нашей мысли мы эти впечатлѣнія возвращаемъ вызывавшимъ ихъ предметамъ, и смотря по тому, какое отношеніе устанавливается между признакомъ и предметомъ, такая будетъ и часть рѣчи. Если извѣстнымъ словомъ обозначаемъ предметъ какъ совокупность всѣхъ признаковъ, его составляющихъ, будь они разнородные или однородные, существующіе са-

мостоятельно или только какъ признаки другихъ предметовъ, получится имя существительное. Оно обыкновенно измѣняется по падежамъ и числамъ. Если извѣстнымъ словомъ обозначается лишь признакъ, пассивно пребывающій въ томъ или другомъ предметѣ, то это будетъ имя прилагательное. Современныя прилагательныя обыкновенно измѣняются по родамъ, числамъ и падежамъ; въ старину были и такія, которыя по родамъ да и падежамъ не измѣнялись /сугубь, различь и под./. Если признакъ производится дѣятельностью предмета, то такое слово будетъ глаголъ. Есть нѣсколько глаголовъ, не обозначающихъ явнаго признака, а имѣющихъ чисто формальное значеніе /быть, существовать/. Глаголы измѣняются по лицамъ, числамъ, временамъ, наклоненіямъ, залогамъ и видамъ. - Признакъ въ прилагательномъ и глаголѣ можетъ имѣть разную степень, обнаруженіе его вызываться разными причинами въ разныхъ мѣстахъ и при различной обстановкѣ и неодинаковымъ образомъ: все это обозначается опять особой частью рѣчи, развившейся больше изъ существительныхъ и пригалательныхъ, именно нарѣчіемъ. Значитъ, нарѣчіе обозначаетъ признакъ признака, даннаго въ предметѣ или производимаго его дѣятельностью. Нарѣчія не измѣняются. - Перечисленныя части рѣчи знаменательны, потому что въ основѣ ихъ лежитъ признакъ предмета или признака. Имъ противополагаются части рѣчи, содержащія либо только указанія на предметы, признаки и ихъ отношенія, либо только формальнымъ

образомъ установливающія связт между предметами. Къ первому разряду здѣсь принадлежатъ мѣстоименія, которыя въ общихъ чертахъ лишь указываютъ на признаки, выраженные именами существительными и прилагательными, которыя они замѣняютъ. Измѣненіе мѣстоимѣній вполнѣ соотвѣтствуетъ заступаемымъ ими частямъ рѣчи. Отъ мѣстоименій происходятъ и нѣкоторыя нарѣчія, выражающія лишь точку зрѣнія на признакъ, который могъ бы быть обозначенъ прилагательнымъ и глаголомъ /такъ, тамъ, когда, тогда, гдѣ и т.п./. Ко второму разряду принадлежатъ предлоги и союзы - первые больше устанавливающіе связь между глаголами и именами; они болѣе точно опредѣляютъ грамматическое значеніе именной формы; союзы соединяютъ и раздѣляютъ слова и предложенія. Къ нимъ, а также къ нарѣчіямъ примыкаютъ такъ называемыя частицы /ли, не, бы/, въ настоящее время утратившія всякое матеріальное значеніе, да и въ формальномъ отношеніи играющія роль менѣе замѣтную даже въ сравненіи съ союзами. Къ частямъ рѣчи обыкновенно причисляютъ междометія. Это названіе однако не можетъ быть къ нимъ примѣняемо, такъ какъ они не слова, передающія впечатлѣнія, полученныя отъ предметовъ и не формальныя, служебныя части рѣчи, указывающія болѣе точно на отношенія между словами, а лишь несложные звуки, обозначающіе невольно вырвавшееся у человѣка при впечатлѣніи отъ предмета чувства. Впослѣдствіи роль междометій стали исполнять и нѣкото-

рыя знаменательныя слова, сильно ослабленныя въ своемъ матеріальномъ значеніи. Междометія и не составляютъ никакихъ членовъ предложенія.

Въ числѣ частей рѣчи еще указываютъ имя числительное. Въ настоящее время оно, дѣйствительно, составляетъ особую группу между служебными и знаменательными частями рѣчи; но такое его положеніе больше обусловливается его матеріальнымъ содержаніемъ /на что мы не обращаемъ вниманія/; въ старину часть числительныхъ чувствовалась какъ имена существительныя, часть какъ прилагательныя и часть какъ нарѣчія /три, третій, трижды/.

Болѣе подробно о каждой части рѣчи скажемъ впослѣдствіи при разсмотрѣніи ихъ роли въ предложеніи.

Родъ именъ.

Литература:

Delbrück: Syntax, I, 89-I33.

Буслаевъ: Грамматика, II, I93-I97, 207

Miklosich: Syntax^2, I7-37.

Jagić: Beiträge, 24-27.

Овсянико-Куликовскій: Синтакс., I0-I5.

Родъ - особенность склоняемыхъ частей рѣчи; эта грамматическая категорія состоитъ въ томъ, что всѣ имена и мѣстоименія распредѣляются по тремъ разрядамъ: одни принадлежатъ мужескому роду, другія - женскому, третьи - среднему. Раздѣленіе словъ по родамъ къ славянскимъ языкамъ перешло отъ общаго индоевропейскаго

періода, гдѣ развилось въ древнѣйшую эпоху. Первоначально, вѣроятно, было два рода соотвѣтственно двумъ поламъ одушевленныхъ предметовъ. Въ эпоху миѳическаго міросозерцанія народъ и неодушевленные предметы представлялъ живыми и поэтому надѣлялъ ихъ особенностями одушевленныхъ половъ. Естественно, что роды въ эту пору составляли не только грамматическую категорію словъ, но и часть, принадлежность матеріальнаго содержанія предметовъ. Съ теченіемъ времени анимистическое воззрѣніе на предметы начало падать: различіе между лицами и вещами стало выступать довольно опредѣленно, одушевленные предметы перестали смѣшиваться съ неодушевленными; естественно, что и категорія рода перестала чувствоваться въ числѣ признаковъ предмета, а обратилась въ чисто грамматическую особенность. Когда родъ сталъ формальной и чисто условной особенностью слова, то оказалось, что нашлись такія слова, которыхъ по ихъ матеріальному содержанію нельзя было причислить ни къ тому ни къ другому роду /neutrius generis/: они и стали словами средняго рода. Со временемъ къ тѣмъ или другимъ родамъ были пріурочены соотвѣтствующія суффиксы, напр. основы на -о муж. рода, на -а жен. р., -ent средн. р. и.т.д.; но продолжавшееся сознаніе пола у одушевленныхъ предметовъ, дѣйствіе аналогіи и разныя другія причины, иногда чисто индивидуальныя у извѣстнаго народа, произвели немало разныхъ отступленій отъ старины и не перестаютъ производить ихъ до сихъ поръ.

Въ южно-великорусскихъ, напр., говорахъ въ настоящее время сильно развита тенденція къ утратѣ средняго рода и замѣнѣ его женскимъ. Подобная утрата средняго рода уже произошла, напр., въ языкахъ французскомъ и литовскомъ. Во множественномъ числѣ въ современномъ русскомъ языкѣ, вслѣдствіе совпаденія падежныхъ окончаній разныхъ основъ, почти совершенно утрачено различіе по родамъ. Уже изъ общаго индоевропейскаго безъ родовыхъ отличій перешли нѣкоторыя мѣстоименія /я, ты, себя, мы, вы/; на славянской почвѣ утратили родъ: къто и чьто: первое безразлично относится ко всѣмъ одушевленнымъ, второе - ко всѣмъ неодушевленнымъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

По какимъ признакамъ происходило распредѣленіе словъ на славянской почвѣ по родамъ, неизвѣстно. Можно указать немало случаевъ, когда и предметамъ одушевленнымъ родовое отличіе сообщается далеко не по полу; особенно въ названіяхъ животныхъ нерѣдкость употребленіе одного имени для самца и самки. Такъ въ русс. языкѣ при "конь" и "кобыла" имѣемъ "лошадь", кляча" - жен. р. и для словъ муж. рода; при "пьсъ", "сука" - общее "собака" въ литературной русс. рѣчи жен. рода, а въ бѣлор. нар. и малор. - мужескаго; при "гусакъ", "гусыня" имѣемъ гѫсь муж. р., а въ русс. народн. говорахъ /бѣлор.,малор./ женскаго; то же въ другихъ славян. языкахъ /польск. gęś, чеш. hus/; "мышь" жен. р. для обоихъ родовъ, но въ русс. народномъ и муж. рода;

тоже въ сербо-ховатскомъ; "лебедь" русс., чешск. /labut´/ - жен.р.; польск. /łabędź/, болг. /лебед/ - муж. Даже характерное древнеславянское окончаніе для средняго рода - ѧ - ѧте /дѣтѧ, прасѧ и т.д./ уступаетъ понемногу мѣсто окончаніямъ другихъ родовъ или даже перестаетъ служить типичной особенностью средн. рода. Такъ въ русс.яз. ед.ч. оно почти вытѣснено производными на - енокъ /поросенокъ/, малор. "люблю дівча молодую", словин. mlada dekle. По формѣ средній родъ ласкательныя на - ко /Иванушко, сѣрко/ и малор. фамиліи на - енко /Шевченко, Короленко/, но всѣ они теперь слова муж. рода. Очевидно, при утратѣ рода средняго вліяло представленіе о естественномъ полѣ предметовъ.

Иногда, впрочемъ, сверхъ ожиданія, естественный полъ не оказывалъ вліянія даже въ очевидныхъ случаяхъ употребленія неподходящаго рода. Такъ приводятъ здѣсь слѣдующіе бросающіеся въ глаза примѣры: "ни въ малѣ поболѣ словесемь супруга своего", гдѣ "супругъ" ихоу или "новаѧ твоѧ хоть", гдѣ "хоть" мужъ /Miklos. 21/. Таково же словин. deklič puella, русс. нар. дѣвчóночекъ - дѣвушка. Нѣсколько иного характера такіе случаи какъ "отъ своей родителя отъ матушки" Рыбн.I, 289, гдѣ родитель остается словомъ мужскаго рода, а мѣстоименіе согласовано съ его синонимомъ "матушка".

Наибольше колебаній въ родѣ представляютъ названія лицъ, окончивающіяся на - ā. Въ древнѣйшую

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

пору славянскихъ языковъ они очень часто допускаютъ формальное употребленіе въ женскомъ родѣ /что видно изъ согласованія съ ними прилагательныхъ/, хотя они и обозначаютъ лицъ муж. пола. Таково прежде всего "слуга" servus. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ оно женскаго рода: "слоугамъ беспрѣстани жегѫштамъ Супр., избъранꙑѩ слоугꙑ ів., слоугꙑ пилатовꙑ рѫгаахѫ сѧ ѥмоу ів. слоугꙑ моѩ подвизалꙑ сѧ бꙑшѧ Остр. Ев.; но съ другой стороны: съ ѥдинѣмъ слоугоѭ Супр.; въ древнерусс.яз. оно было въ муж. родѣ; въ теперешнемъ русс.яз. оно обыкновенно муж. рода, хотя въ діалектахъ, особенно, когда идетъ рѣчь о женщинахъ, оно можетъ быть и женск. рода; въ былинной рѣчи оно часто въ жен. родѣ: дамъ тебѣ слугу вѣрную. Въ подобномъ же положеніи находятся "ближика", "воевода", "владыка", "старѣйшина", "пьѩница", "сѫдии": ближикꙑ моѩ οἱ πλησίον μου, двѣ воѥводѣ Сб. Свят., старѣишинамъ ѥретичьскомъ Супр., сѫдиѩ осѫжденꙑѩ ів., ѫжика твоѩ ів., во владꙑкахъ иодовахъ Остр. Ев.; съ другой стороны: ѫжикѫ моѥго Слѣпч.Ап., съ аггельскомъ владꙑкоѭ Супр., старѣйшина житарьскии Пят. Мих. И здѣсь русская народная рѣчь часто допускаетъ согласованіе по формѣ: дѣтинушка пріѣзжая, калика перехожая, удалая скоморошина, судья праведная и т.п.; но и молодой скоморошина и т.д. Съ другой стороны, ясное представленіе половыхъ отличій бы-

ло причиной того, что народъ въ подобныхъ словахъ мѣнялъ даже окончаніе /младъ юношъ, два юноша/, или по крайней мѣрѣ находилъ возможнымъ склонять ихъ по образцу словъ мужескаго рода; отсюда бѣлорусскія: съ собакомъ, съ судздзёмъ и т.п.

Большое разстройство въ грамматическомъ родѣ подъ вліяніемъ представленія о полѣ, а также о матеріальномъ значеніи родственныхъ словъ произошло въ именахъ существительныхъ съ суффиксомъ - ишко, - ище, обозначающихъ слова уничижительныя, уменьшительныя и ласкательныя. Въ старинномъ русскомъ яз. такія слова были средняго рода: сынишко мое грам. 1525, за то службишко 1645, съ попадьишка моего, было коровище и т.п. Вслѣдствіе безударности конечнаго о вм. ко стали говорить ка, а подъ вліяніемъ рода словъ неуменьшенныхъ и неувеличенныхъ и родъ ихъ измѣнился: домишка старенькій, погная бабище и т.д. Лишь тѣ слова подобнаго образованія удержали свой прежній родъ, которыя утратили увеличительное или уменьшительное значеніе. топорище, судьбище, торжище и т.п.

Представленіе о полѣ иногда заставляетъ мѣнять родъ даже у словъ средняго рода. Въ литературной рѣчи въ настоящее время избѣгаются подобныя отступленія, но они бывали въ прежнее время: проснулся ты, мое дитя Жук.; отрочча порфирородно въ царствѣ сѣверномъ рожденъ Держ.; отъ "дитя" твор. и "дитя-

тею" по жен.роду допускаетъ и литер. рѣчь. Въ народной рѣчи "дитя", "чадо" измѣняютъ свое окончаніе, съ перемѣной значенія, и по другимъ родамъ: бдю милую дитю, брось ты свою чаду въ огонь - пламень и т.д. /ср. Буслаевъ, 195 - 196/.

Слова, оканчивающіяся на ѧ изъ ѥ, имѣвшія въ др. церковнослав. языкѣ порядочно представителей и въ мужескомъ родѣ, въ новыхъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и русскомъ обнаруживаютъ склонность къ переходу въ женскій родъ. Причиной этого является большинство словъ женскаго рода съ подобнымъ окончаніемъ. Такъ цсл. сѧжьнь муж.р., въ русс. жен.; лишь въ говорахъ наблюдается и муж. рода; также и "печать" въ цсл. было муж.р., "грѣтань" тоже; въ русс. оба жен. рода; даже "путь" на нашихъ глазахъ въ народной рѣчи переходитъ въ женскій родъ: съ тоя пути, съ дороженьки Рыбн. I, 171. Колебаніе въ родѣ наблюдается и у нѣкоторыхъ названій городовъ, относящихся сюда: Рязань въ Лав. лѣт. встрѣчается и въ мужскомъ родѣ: Рязань весь. Особенно интересны случаи употребленія Іерусалимъ и Вавилонъ въ жен. родѣ, объясняемые буквальнымъ переводомъ съ греч. языка или латинскаго, гдѣ при нихъ стоятъ или подразумѣваются πόλις и urbs: иерслмь, избивъшиѧ пркы Остр.Ев., вавѵлонь великаѧ библ. 1499 г. изъ Вульгаты, гдѣ Babylon magna.

Имена числительныя отъ 5 до 10 въ древнюю по-

ру языка считались именами существительными и поэтому были женскаго рода: дроугꙋ пѧть, дроугꙋ шесть, приемъ седмь тꙋ хлѣбъ Зогр.Ев., приобрѣте дроугꙋ пѧть талантъ Остр. Ев. ὀκτὼ πέντε τάλαντα; въ ту десять лѣтъ, польск. oną pięć и под. Но матеріальное значеніе числительныхъ какъ собирательныхъ словъ было причиной того, что при тѣхъ же словахъ сказуемое, измѣняемое по родамъ, ставилось въ среднемъ родѣ ед.ч., или во множ. числѣ: осмь доушь спасено бысть Шишат.А., кыянъ одинѣхъ изгыбло десять тысячь Лавр.лѣт.; слышавъше десѧть начѧша негодовати Остр. Ев.; цѣлоуѭ стꙋю и мирьскꙋю шесть съборъ Сб.Свят. 1073. Послѣдніе обороты въ теперешней рѣчи господствуютъ; употребленіе числительныхъ въ женскомъ родѣ долго держалось въ равныхъ грамотахъ и актахъ /Буслаевъ, 221/.

Имена прилагательныя /а также мѣстоименія измѣняемыя по родамъ и причастія/ въ своемъ родѣ согласуются съ именами существительными, къ которымъ относятся. Для насъ интересны случаи употребленія того или другого рода, когда прилагательныя стоятъ безъ именъ существительныхъ и послѣднихъ подразумѣвать нельзя. Тутъ прежде всего отмѣтимъ употребленіе средняго рода един. числа въ самомъ различномъ смыслѣ. Этотъ способъ рѣчи сильно распространенъ вслѣдствіе того, что средній родъ не рисуетъ нашему воображенію никакого опредѣленнаго

предмета. Примѣры изъ стараго языка: избави ны отъ лѫкаваго; пилатово глаголати Супр., своѥ творѣ аше іѵ., азъ своѥ вьсе сътворихъ іѵ. Если въ старыхъ же памятникахъ рядомъ съ такими же формами встрѣчаемъ и множеств. число /моѧ вьсѧ твоѧ сѫть/, то это грѫцизмъ; первое, второе, третье, равное тепершнему во-первыхъ и т.д.: помолисѧ трети ѥ ѥ Остр., поиде князь другое изъ Новгорода Новг.лѣт. Иногда эти формы средняго рода въ старинномъ, да и въ новомъ языкѣ играютъ роль существительныхъ: "отъяша тысяцьское у Якуна" Новг. лѣт.; въѣжее - сборъ при въѣздѣ; подушное; дымовое; мороженное, жаркое, добро, зло и т.д.

Рѣже въ подобной роли употребляется женскій родъ: нелегкая принесла, выпытать всю подноготную, ходить за частую, поѣсть въ плотную, пьетъ на пропалую; но вдѣсь въ другихъ случаяхъ легко можно подразумѣвать какое-либо существительное, напр.: духовная, купчая, мировая, оброчная, отпускная, подорожная, рядная и т.д.; вездѣ можно подразумѣвать грамота, книга.

Если прилагательное на ьѣ, или ьскъ служитъ для обозначенія мѣста, города, то оно обыкновенно ставится въ муж. родѣ: Брянскъ, Козельскъ, Смоленскъ, Ярославль, Путивль и т.д. Но въ западныхъ памятникахъ иногда встрѣчаемъ и средній родъ: Смольнеско, Полтеско, что объясняется подразумѣ-

ваемымъ словомъ мѣсто - городъ. Происхожденіе ихъ изъ именъ прилагательныхъ въ настоящее время совершенно забыто.

Нѣкоторыя прилагательныя утратили измѣняемость по родамъ и поэтому имѣютъ общія формы при всякихъ соединеніяхъ: это а/ старинныя прилагательныя на ь - ъ /испълнь есть польза слово се/, б/ сравнит. степень въ русс.яз. /этотъ домъ новѣе, свѣтъ есть слажде Супр./, в/ причастіе въ прошед. времени /господа пришли, травы выросли, зерна отсырѣли/.

Ч И С Л О.

Литература.

Буслаевъ: Грамм. II, 197 - 201, 232 - 234.

Miklosisch: Syntax^2, 37 - 51.

Delbrück: Syntax, I, 133 - 172.

Jagić: Beiträge, 27.

Потебня: Значеніе множ. числа въ русс. яз.

Беличъ: Къ двойств. числу въ старослав. языкѣ. Извѣстія, IV.

Овсянико-Куликовскій: Синт., 15 - 20.

Каждая именная часть рѣчи содержитъ въ себѣ еще указаніе числа. Эта особенность такъ же, какъ и родъ, принадлежитъ къ чисто формальнымъ, но и вдѣсь на употребленіе того или другого числа иногда также оказываетъ вліяніе и матеріальная сто-

рона слова.

Въ настоящее время русскій яз. знаетъ два числа: единственное и множественное; но въ старину ему, какъ и другимъ славянскимъ языкамъ, свойственно было еще двойственное. Въ настоящее время отъ послѣдняго, какъ увидимъ, сохранились лишь ничтожные остатки.

Въ древнѣйшую эпоху языка между числами было строгое различіе: одно не употреблялось вмѣсто другого. Но со временемъ представилась возможность, больше самостоятельно въ отдѣльныхъ языкахъ, употребленія однихъ чиселъ вмѣсто другихъ.

Особенности въ употребленіи единственнаго числа.

Общій индоевропейскій языкъ въ древнѣйшую эпоху зналъ только единственный случай выраженія множественности посредствомъ единств. числа, это - употребленіе словъ сплошныхъ, обозначающихъ массу мелкаго вещества, какъ мука, трава, солома, соль. Употребленіе именъ собирательныхъ для означенія множественности развилось уже на почвѣ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, причемъ въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Случаи совпаденія разныхъ языковъ въ этомъ отношеніи /греч. φρατρία и слав. братия/ рѣдки и могутъ быть объясняемы случайнымъ совпаденіемъ.- Въ частности славянскіе языки выступили на историческое поприще съ богатымъ

запасомъ собирательныхъ словъ, а затѣмъ каждый самостоятельно развилъ ихъ еще не мало; въ русскомъ языкѣ ихъ сказался большой запасъ. Въ старину представленіе множественности въ словахъ собирательныхъ чувствовалось яснѣе даже, чѣмъ теперь. Это видно изъ того, что, хотя опредѣленіе, выраженное, напр., прилагательнымъ, и согласовалось съ такими словами въ единственномъ числѣ, глаголъ - сказумое часто ставился во множественномъ числѣ. Въ настоящее время и глаголъ ставится въ един. числѣ.

Такими собирательными словами, замѣняющими множ число, являются, напр., ц.-сл. и др. русс. братиꙗ господа, знаниѥ /знакомые/, камениѥ, рожденниѥ /родственники/, чѧдь, княжья, русь, латына, богомолья /богомольцы/, вое /воины/, дядья /дяди/ и т.д. Напр. искаста его въ рождени и въ знани Микл. IУ^2, 43; братьꙗ вьса пристѫпивъше падоша на ногоуѥго Супр. братрию, ихъже разлоученниѥмь растрьзаемъ сѧ Григ. Наз.; всака вьзрасть исповѣдающтии Христа скончиваѥми бываху Микл. 49; дѣть моꙗ на ложи суть ib. τα παιδία μου εἰς τὴν αὐτὴν εἰσίν ; латина не поють ib.; молиꙗ и вьсь народъ Остр.; прокъ ихъ ѥдначе не покорѧштесѧ Супр.; сѣдѣахоу чедь крѣпка и многа Микл. 49; рѣша дружина Игорева Лав. лѣт.; приходита всѧ чудьская земля новг. лѣт.; рьци да камениѥ (οἱ λίθοι) се хлѣб и бѫдѫть Остр.; литва начаша бродитися ib.; идуть Русь Лѣт.;

пощади свою государеву богомолью; и нача вое свое дѣлити; съ братьею и дядьею,-Буслаевъ, II, 187-188.

Какъ отчасти можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, эти собирательныя слова разнообразнаго происхожденія: а/ нѣкоторыя развились изъ словъ отвлеченныхъ, напр. "знать", "братство" /Маріинское/, "дворянство", "купечество" и т.п. на -ство /здѣсь на отвлеченное происхожденіе указываетъ суффиксъ: ср. мужество, величество/; "родъ" /ср. родъ -племя, и на роду написано/; б/ другія собирательныя развились изъ конкретныхъ понятій: "дворня" /ср. кухня, слесарня/; в/ въ качествѣ собирательныхъ стали употребляться - прилагательныя въ средн. р. ед. числа: мало, много, порядочно; мѣстоименія: нѣсколько, сколько, столько и под.; числительныя: двое, трое и т.д.; мѣстоименія не измѣняемыя по родамъ: къто, чьто, къжьдо. Примѣры на послѣдняго рода употребленіе также извѣстны старымъ памятникамъ: ѥлико доухомъ божиѥмъ водѧтъ сѧ Микл. 49, къждо ихъ въ срѣдѫ шедъше рѣша ib., что ли збоудоуть се намь, не вѣмь quae nobis accidere possint, ignoramus ib. , вдашася ему городъ нѣколико Лѣт., придоша кыянъ много множество народа ib., съ малъмь отрокъ Жит. Ѳеодосія.

Замѣняютъ множеств. число единственнымъ и нѣкоторыя другія слова, не имѣющія значенія собирательныхъ, и означающія одинъ предметъ. Таковы: ягода,

птица, рыба, гость, бобъ, оводъ, звѣрь, непріятель, комаръ и т.п. Такое употребленіе извѣстно и старому языку и новому: чловѣкоу иштѫштоу добра бисьра καλούς μαργαρίτας Микл. 44, врѣтиште испльнь гада юдовитаго ib., бобомь квашенѣмь питаемь ib., отъ множества овада и комара Жит. Θеод., гость ко мнѣ пущаите, а путь имъ чистъ грам. 1300 /ср. Бусл. 198/, сколько рыбы привалило, въ лѣсу полно земляники. Сюда же принадлежитъ употребленіе ед. числа названія народовъ вмѣсто множественнаго: ходилъ я подъ шведа и подъ турку, Пушкинъ, шведъ, русскій-колетъ, рубитъ, рѣжетъ Пушк.

Наконецъ, един. вм. множественнаго употребляется тогда, когда обозначается какой-нибудь предметъ въ отдѣльности принадлежащій всѣмъ разсматриваемымъ лицамъ: городчане только душою осташася Новг. лѣт., псковичи даша ему на томъ руку /поручительства/ ib.; старцевъ сердце молодѣетъ; стояла въ ружьѣ стотысячная армія, Жук. Въ подобныхъ случаяхъ въ прежнія времена, когда употребляли единственное число, несомнѣнно говорили объ одномъ предметѣ, какъ представителѣ однороднаго множества, а затѣмъ уже такой оборотъ сталъ употребляться въ томъ смыслѣ, какъ у насъ теперь.

Особенности въ употребленіи множественнаго числа.

Такъ какъ въ древнѣйшую эпоху жизни общаго ин-

доевропейскаго языка собирательныхъ словъ не было, или было очень мало, то всякая совокупность предметовъ обозначалась посредствомъ множественнаго числа. Отъ старины подобнаго рода употребленіе перешло и къ славянскимъ языкамъ, хотя въ нихъ оно и подверглось нѣкоторому ограниченію вслѣдствіе развитія употребленія словъ собирательныхъ.

Тутъ сначала конечно слѣдуетъ разсмотрѣть тѣ слова, которыя употребляются только во множественномъ числѣ /pluralia tantum/: они большею частью напоминаютъ названія сплошныхъ предметовъ и вообще предметы, состоящіе изъ однородныхъ частей. Таковы: высѣвки, выжимки, выгребки, подонки, сливки, дрожжи, квасцы, щи, чернила, бѣлила, дрова и т.п. /Потебня, 22/. Нѣкоторыя изъ относящихся сюда словъ очень древняго происхожденія: ни доушà субо бес тѣлеси, ни огнь безъ изгребей Іоан. Экз. Шестодн. - изгреби; таково же дрождиѩ XII и слѣд. в., дръва Супр. Къ предметамъ, состоящимъ изъ однородныхъ частей, относятся: вѣсы, штаны, портки, бѣлор. нагавицы, гусли, клещи, щипцы, ножна, ножницы, сани, бѣлор. грудзи, перси. Въ старину сюда принадлежало еще "кънигы": кънигы рожъства і҃у х҃ва βίβλος Остр. да събѫдѫтъся кънигы ἡ γραφή ib.; сюда же относится бѣлор. "колёса" въ смыслѣ телѣга. Нѣкоторыя изъ словъ разсматриваемой группы вытѣснены единственнымъ числомъ словъ собирательныхъ: таковы наз-

ванія хлѣбныхъ и другихъ растеній, занимающихъ сплошныя пространства, а также сплошныя явленія природы. Однако и здѣсь по памяти о старинѣ нерѣдкость множественное число: бѣлор. кру́пы вм. крупа, малор., бѣлор. и южновел. коно́пли; вліяніемъ подобнаго употребленія обусловливаются и случаи, какъ "хлѣба́, о́зими, сѣна́ /"хлѣба были хороши, сѣна худыя/, снѣга́ /"солнце... безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ"/, народн. жита́ /"взяша полона много а жита́ пожгоша" Ипат. л./, стари леда́ /"вечеру же бывшу и ледомъ воставшимъ и рѣцѣ наводнившимся, зажгоша мостъ на Днестрѣ" /Ипат. л./, морозы /"зима барзо великая была такъ снѣгами, якъ тежъ морозами, и тривала снѣгами и морозами великими близко до святого Георгія" Лѣт. Самов./, дожди /малор. "у чужихъ селахъ дощі́ йдуть"/. Сюда же принадлежитъ туманы /"Западае низько сонце въ пили та въ тума́ни"/ и извѣстное въ Словѣ о п. Игор. пороси /пыль/ /"пороси поля прикрываютъ"/.

Древнему языку было свойственно употребленіе множ. числа именъ собственныхъ народовъ для обозначенія занимаемыхъ ими странъ. Подобное видали у грековъ и римлянъ ἐν Πέρβαις, in Sabinis, тоже въ др.-ц.сл. и русс. языкахъ: пристати въ арбанасѣ venire in Albaniam Miklos., 45, въ арменѣ заточи ib.; изъ влахъ ex Italia ib., ко всимъ странамъ дальнимъ, рекуще къ грекомъ, и угромъ, и ляхомъ, и

чехомъ, дондеже и до Рима проиде Ипат. л., половци же бѣжаша въ половци ib. Въ теперешней литературной русской рѣчи такого употребленiя нѣтъ, но оно извѣстно нѣкоторымъ малорусскимъ говорамъ, не безъ влiянiя поляковъ: Ой я не бувъ у Гуцулахъ, анi уродився Потебн. 34. Но всему русскому языку извѣстно архаическое употребленiе множеств. числа въ названiяхъ частей города, улицъ, селъ и городовъ: Тогды погорѣ Подолье все... Гора... и Жидове Ипат. л.; у Свинусехъ въ селѣ ib.; таковы же Кожемъяки въ Кiевѣ урочище, Сокольники, Хамовники въ Москвѣ, г. Черкасы и т.д. Первоначально здѣсь разумѣлись конечно люди, населявшiе извѣстныя мѣста, а потомъ соотвѣтствующiя названiя перенесены были и на самыя мѣста. - Отъ имени, такъ сказать, населенiя получили названiя "нави" /тотъ свѣтъ/ и "святцы" /церковный мѣсяцесловъ/. Первое слово встрѣчается, напр., въ слѣдующемъ выраженiи: Адама възвождѫ съ собоѭ и иже сѫ были въ навехъ" /ἐν τῷ ταρτάρῳ / Потебн. 36, "изъ навии въскресе" ib. Второе слово-имен. мн. свѧтци отъ свѧтъкъ - святой. - Сюда же относится названiе странъ свѣта, мѣстностей, выраженныхъ множественнымъ числомъ тѣхъ словъ, которыя ихъ обозначаютъ. Употребленiе это было извѣстно старому языку и отчасти продолжается до сихъ поръ: и насади Богъ раи въ Едемѣ на въстоцѣхъ Потебн., 37, и станомъ стаща на запады Иерихону ib., на восходъ ѣхатъ

- быть богатому, ежли на полдни - быть женатому Кир. I. Сюда же относятся названія мѣстъ, какъ Пески, Барки и под.

Очень близко подходитъ къ множественному числу мѣста множественное число времени. Въ настоящее время такое употребленіе ослабѣло, будучи замѣнено единственнымъ числомъ. Такъ вм. наше "на зарѣ" въ старину читаемъ другое: "дѣвечя рано передъ зорями" Сл. о п. И., "въ утрии же день по зарямъ исполцися изяслѣвъ Ипат. лѣт.; въ такомъ же родѣ "кури": "Всеславъ... дорыскаше до куръ Тмутороканя" /теперешнее "до пѣтуховъ"/; вм. нашего "по обѣдѣ" въ старину говорили: "бысть знаменье въ солнци... въ недѣлю по обѣдехъ" Лавр. л.; ужины: "мяса, какъ случится, дадутъ къ обѣду... а у вужины шти да молоко"... Домостр.; смурни; потемки; жары; холода; постриги /Всеволодъ ствари постриги сынови своему Ярославу Лавр.л./; ловы /охота/: а се тружахся ловы, дѣя Поуч. Моном.; бѣлор. дзѣды /поминки/; святки; малор. водохрещи /Богоявл. Господне/; коляды; купала: а миръ отъ Покрова Бѣгъ до Иваня дне, до Купалъ". Грам. 1349 г.; пряшки; дожинки; именины; крестины и т.д.

Особый случай употребленія множ. числа вм. единственнаго для обозначенія состоянія лица или вообще предмета. Тутъ можно отмѣтить нѣсколько типичныхъ случаевъ. Множ. число, во-первыхъ, употре-

бляется для означенія принадлежности къ извѣстной должности, званія, состоянія: посла Олегъ брата своего въ сторожѣ Лавр.л.; иже умретъ смердъ, то князю..., аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за князя не идетъ Русс. Правда; жити во крестьянѣхъ Грам. 1626 г.; сюда же относится ст. великор. "быть въ естяхъ, въ нѣтяхъ". Въ новомъ языкѣ такихъ примѣровъ масса: Илья Муромецъ въ сидня́хъ сидѣлъ", итти въ гости, въ люди, взять въ жены; произвести въ генералы; служить въ гусарахъ; остаться въ дуракахъ и т.д. Множественное при названіяхъ болѣзней, объясняемое множественностью признаковъ: желуди, веснушки, народн. сухоты и под. Отъ глубокой старины ведетъ свое происхожденіе множ. числа для сбозначенія психическихъ состояній, больше сложныхъ, сильнаго чувства /ср. у Гомера ἐν ἄλγεσι - въ горѣ; φρένες - сердца, лат. irae/. Таково множ., напр., въ слѣдующихъ случаяхъ: Ярославъ... на гнѣвѣхъ замысли тяготу кыянамъ Потеб., 66; рязаньскии князи... идуть на лъстехъ къ нему ib.; народн. "въ сердцахъ", "на зарабсткахъ"; "мнѣ во сняхъ ли то горнтъ показалося" Барс.; "въ просонкахъ","въ испыхахъ", "не въ силахъ", "на радостяхъ". Въ старомъ языкѣ особенно было любимо множ. число въ подобныхъ случаяхъ отъ словъ, образованныхъ съ суффиксомъ -ощи: взиграся младенецъ радоштами въ утробѣ моей Мар.Ев.; на войну вы-

шедъ не лѣнитеся ... а оружья не снимайте с себѣ вборзѣ, не розглядавше лѣнощами... Поуч. Влад. Мон.; ничить трава жалощами Сл. о П. И. Подобныя образованія до сихъ поръ живутъ лишь отчасти въ малор. нарѣчіи /любощі, пахощі, радощі/. Сюда же относятся выраженія быть на побѣгушкахъ, потягушки, люлюшки-люли, баюшки-баю, ладки-ладушки - въ дѣтскомъ языкѣ; народное бѣлор. ици ў прачки; итти въ присядки; одѣть пальто на опашки.

Въ иномъ родѣ и другого происхожденія такъ называемое множ. число гиперболическое / majestatis, reverentiae /. Тутъ прежде всего "мы" владѣтельныхъ особъ, пришедшее къ намъ изъ Византіи черезъ Германію и Зап. Русь. Въ старину къ князьямъ обращались въ един. числѣ, да и сами они такъ же говорили и писали, напр.: Господине княже Володимере! приѣхали есмя къ тобѣ ото всихъ ятвязь Ипат. л.; Мстиславова грамота 1130 г. начинается: Се азъ Мьстиславъ.... повелѣлъ ѣсмь ...; но уже въ Западно-русской грамотѣ 1375 г. читаемъ: "мы князь Олександрь Корьятовичь.... чинимъ свѣдочно"... Вскорѣ такъ начинаютъ титуловаться и паны: "А се мы, панъ Гнѣвошъ, староста русскоѣ земли, то познавами нашимъ листомъ... гр. 1393 г. - Похоже на разсмотрѣнное употребленіе авторское "мы". Оно уже древняго происхожденія. Пишущій или говорящій изъ скромности сливаетъ свою личность съ слушателями и читателями. Такое "мы" въ

начальной нашей лѣтописи: "се начнемъ повѣсть сію", "начнемъ сказати безчисльныя рати" Ипат. л. - Съ Запада, и притомъ довольно поздно, пришла къ намъ разница въ обращеніи съ высшими, равными и низшими, т. е. обращеніе "на вы" и "на ты". 2-ое лицо мн. ч. вм. единств. употреблялось въ Германіи уже въ IX в., а 3-ье *Sie* для означенія почтенія вошло въ употребленіе лишь въ XVII в. Въ романскихъ языкахъ vous,votre достигло крайнихъ предѣловъ: этими мѣстоименіями обращались даже къ Богу. У насъ "вы" вм. "ты" стало входить въ обращеніе только въ XVII вѣкѣ, но еще смѣшивалось съ "ты". Инокиня Мареа пишетъ патріарху Филарету "вашему святительству", "сынъ вашъ,вкупѣ же и мой", но "челомъ бью тебѣ Государю" 1619 г.; такое же смѣшеніе и въ "Прикладахъ како пишутся комплименты разные" 1715 г. Великорусская народная рѣчь до сихъ поръ не знаетъ употребленія "вы" вм. "ты", но у малоруссовъ и бѣлоруссовъ такое употребленіе довольно распространено /Потебня, 4 - 6/. Вліяніе подобнаго употребленія и въ такихъ случаяхъ, когда при существительномъ единств. глаголъ употребляется во множ. числѣ /лакей доложилъ: "духовникъ пріѣхали"/, или когда въ вѣжливой рѣчи существительныя ставятся во множ. числѣ вм. единственнаго: Лиза - Фамусову: Пустите ... вѣтренники сами. Опомнитесь, вы старики... /"Горе отъ ума"/.

Разсмотрѣнными условіями употребленія множе-

ственнаго числа объясняются и нѣкоторые рѣдкіе случаи нарѣчій, происхожденіе которыхъ въ настоящее время забыто. Таковъ, напр., покамѣстъ = по ка мѣста; съ тѣхъ поръ, до тѣхъ поръ - въ основѣ чего лежитъ множ. ч. "поры"; таковъ же цѣлый рядъ выраженій на - и безъ предлога и съ предлогомъ по, гдѣ и=ы послѣ к: по-гречески /грьчьскы /, по-русски /роусьскы /, всячески, дружески; акы, такы, пакы; поганьскы, волчьскы /Бонякъ поча выти волчьскы Лавр. л./; во всѣхъ такихъ случаяхъ твор. п. мн. ч. муж. рода или средняго; быть можетъ, при такихъ прилагательныхъ первоначально подразумѣвалось и какое - н. существительное, но потомъ оно было забыто. Вѣроятно, и другія нарѣчія съ окончаніями падежей множеств. числа относятся сюда же: вельми /отъ вель: вельлѣпота/; въ этомъ же родѣ кольми, тольми; народное въ та поры".

Случаи употребленія двойственнаго числа.

Первобытный человѣкъ, наблюдая въ окружающемъ его мірѣ частую двойственность и парность разныхъ предметовъ, естественно противополагалъ ихъ единичности и множественности; для обозначенія этой двойственности въ языкѣ служитъ двойственное число. Оно извѣстно языкамъ семитическимъ и арійскимъ. При чемъ въ древнюю пору, когда кругозоръ индоевропейца былъ не особенно широкъ, двойственное число имѣло значительное распространеніе; со временемъ его упо-

требленіе въ разныхъ языкахъ значительно ослабѣваетъ, а въ нѣкоторыхъ и утрачивается совсѣмъ. Такъ уже у Гомера вм. формы двойственнаго а нерѣдко и рядомъ съ ними, употреблялось множеств. число /δύο πάντες μενέτην ; τώ ἦλθον ; ἵνα εἴδομεν ἄμφω /; въ славянскихъ языкахъ въ древнѣйшій періодъ оно было общеизвѣстно во всѣхъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи, теперь же въ большей или меньшей степени оно употребляется лишь въ словинскомъ и лужицкихъ языкахъ, въ другихъ же имѣются только незначительные его слѣды. Такимъ образомъ въ древнѣйшую пору жизни славянскихъ языковъ двойственное ч. употреблялось а/ когда шла рѣчь о предметахъ парныхъ: исоусовама очима Супр. душима расыпанама Григ. Наз., разврьзоста сѧ слоуха нѥго Ев. Мих., съвѧзати рѫцѣ и нозѣ Супр., прѣклонити колѣнѣ Микл., 40, супруга бяховѣ ів, съ имъ родителѣ его Асс. ев., сьсца боже еси сьсаль Никол. ев.; то же въ русскихъ памятникахъ: въ томъ бѣста родителя святаго Жит. Ѳеодосія XII в., изувате сапога своя Жит. Нифон. 1219 г.; б/ двойств. употреблялось при числительныхъ "два" или "оба", причемъ они часто являются нѣкоторымъ плеоназмомъ и допускаются лишь потому, что употреблены въ греч. оригиналѣ, съ котораго дается переводъ въ славянскомъ: ва оба слоузѣ сотонинѣ Супр., видѣ два брата δύο ἀδελφούς Зогр. Ев., призъва тѣ обанадесѧте оученика своꙗ Остр. Ев.; за мѣхъ двѣ ногатѣ Русс.

прав. ок. 1282, два братеника утекла, уби два сына его.... Лавр. Л.; в/ двойственное употребляется, когда вообще поименовываются два лица или предмета: искоупи оу стражъ тѣлесѣ св ѧ тоую duo corpora Sanctorum duorum Супр., сѫштоу междоу рѣкама Слѣпч. ап.; видѣ стояща мученику Бориса и Глѣба, к тѣма мученикома Борису и Глѣбу Лавр. Л. Однако рано, вслѣдствіе того, что два предмета или вообще парные предметы приписывались не только одному лицу или предмету, но и многимъ, явилась возможность употребленія и множ. числа вмѣсто двойственнаго или рядомъ съ двойственнымъ: на рѫ кахъ възъмѫтъ тѧ Зогр., Савв., Мар., Асс.; отрѧсѣте прахъ отъ ногъ вашихъ ib.; събираѭтъ брѣмена тѧжка.... и възлагаѭтъ на плешта чл҃вска Мар., Асс.; пригыбаѭште колѣна кланѣахѫ сѧ емоу Мар., Зогр., Асс., Сов.; въстанѫтъ чѧда на родителѧ и оубьѭтъ ѩ ib. Подобное употребленіе въ старыхъ памятникахъ довольно обычно, но не исключительно /ср. въ рѫцѣ чл҃вкомъ Мар., Асс., Сов., с҃нъ чл҃вскы прѣданъ бѫдетъ въ рѫцѣ чл҃вцѣ и оубьѭтъ ib., егда же оумы носѣ ихъ Мар. Савв., бѣсте бо очи имъ тѧжьцѣ ; особенно много такихъ примѣровъ съ очи и оуши: ср. Белизъ 1166 - 1167/.. Случаи употребленія парныхъ предметовъ съ подлежащимъ множ. числа положили начало паденію двойственнаго числа въ разныхъ славянскихъ языкахъ, начиная уже съ древ-

нѣйшаго времени; къ тому же вело и расширеніе кругозора славянина: онъ видѣлъ преобладаніе множества въ сравненіи съ парными предметами. Какъ можно было видѣть изъ приведенныхъ раньше примѣровъ, двойств. ч. было свойственно и древнерусскому языку. Какъ это отмѣтилъ проф. А. И. Соболевскій /Лекціи 4, 205/, въ немъ оно изрѣдка даже принимало своеобразные оттѣнки, состоявшіе въ томъ, что въ двойственномъ ставилось не только сказуемое и опредѣленіе, но и тѣ предметы, къ которымъ оно относится: перенесена быста Бориса и Глѣба /вм. Борисъ и Глѣбъ/, на канонъ святого Петру и Павлу /вм. Петра и Павла/; подобное употребленіе извѣстно др.-инд. *mātarāpitarā* /мать и отецъ - но оба въ дв. числѣ/; похожее на это явленіе встрѣчается и въ греч. языкѣ. Въ древнерусс. памятникахъ правильное употребленіе двойств. числа однако рано начало нарушаться; прежде всего отступили отъ старины личныя мѣстоименія, что уже было въ ст.-слав. памятникахъ: рече женама: не боите вы *см* Остр. ев., *коего* духа *есть* вы и т. п.; затѣмъ оступленія распространились и на другія слова. Лишь очи, уши, колѣни, плечи, быть можетъ - бока́, жернова́, рукава́, окорока́ - удержались въ формахъ именит.-винит. до сихъ поръ, но косвенные падежи ко всѣмъ этимъ словамъ образованы по множ. числу; такой же остатокъ двойственнаго: двѣ, обѣ, двѣсти; затѣмъ форма именит.-вин. на - а при числительномъ

два, а въ подражаніе ему при три и четыре: два человѣка, стола. Слѣды двойственнаго сохранились еще въ нѣкоторыхъ архаическихъ образованіяхъ, какъ двоюродный, двуногій, въ нарѣчіяхъ съ суффиксомъ - ма /весьма, нар. дарма: ср. ст.-слав. больма, тольма, бѣхъма, дѣльма/. Въ народныхъ русс. говорахъ съ двойственнымъ числомъ дѣло обстоитъ почти такъ же, какъ и въ литературной рѣчи: въ сѣверновеликор. изрѣдка встрѣчаются лишь формы на ма: песками, рудожелтыма; больше такихъ формы въ бѣлор. нарѣчіи: очима, плечима, дзверима и под. Но зато бѣлорусс. и малорус. нарѣчія не знаютъ формъ двойств. числа при 2 - 4 слов. муж. рода, а имѣютъ двойств. число отъ словъ жен. и средн. рода: двѣ руцѣ, нозѣ, три сялѣ, двѣ ногі и др.

Послѣ этого отступленія обратимся къ разсмотрѣнію членовъ предложенія. Начнемъ съ самой простой формы предложенія - съ одночленнаго предложенія.

Литература.

Буслаевъ: Синтаксисъ, § 200, 155 - 163.

Поповъ: Синтаксич. изслѣдованія, 31 - 42.

Потебня, I - II[2], 75 - 81; III, 403 - 484.

; 346-369.

Овсянико-Куликовскій: изъ синтаксич. наблюденій. Къ вопросу о классификаціи безсубъектныхъ предложеній /"Извѣстія", У, 1146 - 1186/.

Когда мы говорили о частяхъ рѣчи, то пришлось отличить одну такую часть рѣчи, которая собственно говоря не является словомъ, а содержитъ въ зародышѣ тѣ элементы, изъ которыхъ состоятъ слова, отдѣльные членораздѣльные звуки, служащіе однако съ успѣхомъ къ выраженію нашихъ чувствъ: имѣю въ виду междометія. Подобное же находимъ и среди элементарныхъ формъ предложенія. Здѣсь можно взойти къ такому простому виду предложенія, въ которомъ только содержатся указанія на предметъ или явленіе, обыкновенно съ восклицательнымъ оттѣнкомъ. Таковы выраженія: пожаръ! пора! стыдъ! хорошо! и т. д. Такими простыми предложеніями мы выражаемъ указаніе, предложеніе, требованіе, - вообще сильныя ощущенія, овладѣвающія нами въ данный моментъ и притомъ быстро. Выражаются они больше именительнымъ восклицательнымъ /exclamativus/, но не звательнымъ. Впрочемъ съ тою же цѣлью, для выраженія требованія, могутъ быть употреблены и другіе падежи: чаю! вина! ну тебя! вонъ! Тутъ обыкновенно возражаютъ, что всѣ такія восклицанія легко допустить недостающими словами, и получатся полныя предложенія: это есть пожаръ, дайте чаю, хочу чаю, ну убрали бы тебя къ чорту и т. п. Однако если сравнить приведенныя выраженія раньше и сейчасъ то они окажутся не совсѣмъ тожественными: тогда какъ въ первомъ случаѣ они выражаютъ естественное теченіе чувства и его выраже-

ніе, здѣсь уже больше осмысленности и сдержанности. Это то же самое, какъ если при ощущеніи внезапной боли кто-либо закричитъ "ой " а затѣмъ, собравшись съ чувствами, скажетъ: "мнѣ больно." Такимъ образомъ и "пожаръ " несомнѣнно первоначальнѣе, нежели: "это есть пожаръ", и никакимъ образомъ не могло развиться изъ послѣдняго полнаго предложенія. Не знаю, можно ли вмѣстѣ съ Поповымъ /3I/ отнести сюда заглавія, перечисленія. Вполнѣ правъ Потебня /I - II, 2, 79/ признавая ихъ по самому строю новѣе, чѣмъ двучленныя и многочленныя предложенія: "Се повѣсти временныхъ лѣтъ" древнѣе, нежели "Повѣсть временныхъ лѣтъ". Изъ палеографіи извѣстно, что старинныя книги заглавій никогда не имѣли. Дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго, мы приходимъ къ заключенію, что разсмотрѣнный классъ одночленныхъ предложеній первоначальнѣе предложеній съ глаголомъ, *verbum finitum*. Убѣдиться въ этомъ легко уже изъ того что на нашихъ, такъ сказать, глазахъ подобныя предложенія получаютъ глагольный характеръ: такъ - "на" въ малор. и бѣлор. имѣетъ въ множеств. числѣ "нате"; общерусское ну и нуте "нумо"-"полно"-"полноте

Болѣе обычна въ языкѣ другая форма одночленныхъ предложеній - безличныя предложенія или точнѣе безсубъектныя. Сюда относятся такія предложенія, въ которыхъ подлежащаго нѣтъ на лицо и непосредственно подразумѣвать нельзя. Возможность такого рода

предложенiй основывается на существованiи во всѣхъ языкахъ такъ называемыхъ глаголовъ безличныхъ; вспомнимъ греч. ἀστράπτει, νίφει, ὕει, σείει лат. conducit, lucescit, ningit, pluit. При такихъ глаголахъ никакого подлежащаго нѣтъ и подразумѣвать нельзя, и лишь миѳическое мiросозерцанiе первобытнаго человѣка могло бы прiурочить эти дѣйствiя какимъ-либо олицетвореннымъ стихiйнымъ силамъ, напр., Зевсу. Въ дальнѣйшей жизни нѣкоторыхъ культурныхъ языковъ является стремленiе выдвинуть при такихъ глаголахъ какое-то невѣдомое, неопредѣленное, неясно понимаемое подлежащее, что въ нѣм. языкѣ обозначается сред. родомъ es, а во французскомъ il /которое въ данномъ случаѣ также должно быть понимаемо какъ остатокъ средняго р./: es blitzt - il éclaire, es friert - il gèle, es regnet - il pleut и т. д. Въ такихъ языкахъ, съ чисто формальной точки зрѣнiя, и не будетъ безличныхъ предложенiй; по-немѣцки не будетъ безличнымъ предложенiемъ также man sagt - говорятъ. Но въ языкахъ славянскихъ, во главѣ съ ц.слав. и древнерусскимъ замѣтно большое стремленiе къ безсубъектности, вслѣдствiе чего и глаголовъ безличныхъ имѣется порядочное количество: дъждитъ, роситъ /росить въ онѣхъ странахъ тогда много Микл. 352/, подобаѥтъ, русс. гремитъ, сверкаетъ, свѣтаетъ, морозитъ, мороситъ, тошнитъ, болитъ; народн. днѣетъ, заводитъ; рябитъ. И этими глаголами дѣло не

ограничилось: въ разрядъ безличнаго употребленія попали многіе личные глаголы въ 3 л. ед. ч. въ соединеніи съ - ся: чешется /"по всему тѣлу чешется"/, не спится, хочется, "и вѣрится и плачется и такъ легко, легко", хорошо живется, "не даромъ говорится", помнится и т. д. Всѣ эти глаголы могутъ употребляться и въ прошедшемъ, а также будущемъ времени: Рихмана громомъ убило, стекла узорами заволокло, вѣтромъ то дерево сломило, не сахарный: дождемъ не размочитъ. "Когда нужно отвлечь вниманіе отъ дѣятеля, представить дѣйствіе совершающимся само собою, фатально, или - очертить силу, стихійность дѣйствія и т. д., тогда такіе /безличные/ обороты всегда къ нашимъ услугамъ" /Овс. -Кулли., 193/. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ никакого подлежащаго предположить нельзя; иногда лишь прибавляютъ существительные того же корня /громъ гремитъ/, но это ненужный позднѣйшій плеоназмъ. Лишь подъ вліяніемъ нѣмцевъ у нижнихъ лужичанъ въ подобномъ употребленіи явилось wono = es : Wono jo wosym wotbito= es hat acht geschagen. Изрѣдка воно - яно при безличныхъ выраженіяхъ является у малороссовъ и бѣлоруссовъ: чи воно, діду, є тамъ /на небі/ люде ? - Нема сину. Бѣлор. Яно гэто праўда.... Подъ вліяніемъ малорусской рѣчи оно Гоголемъ занесено и въ литературную рѣчь: "Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально..., только знаете въ

такомъ мѣстѣ оно неприлично". Потебня /III, 405/ полагаетъ, что въ малорусскомъ подобное употребленіе развилось естественно. Тѣ изъ указанныхъ глаголовъ, которые могутъ имѣть и личное употребленіе, часто поясняются дополненіями въ соотвѣтствующихъ падежахъ. Примѣры отчасти уже указывались. Дополнимъ: меня рветъ, многихъ тошнитъ на морѣ, его все тянетъ въ кабакъ, эка угораздило меня ѣхать этой дорогой, отъ твоихъ словъ его покоробило, ему не сидится дома, мнѣ почудилось и т. д.

Въ такой же мѣрѣ безсубъектны предложенія, сказуемыя которыхъ выражаются отыменнымъ нарѣчіемъ въ соединеніи съ глаголомъ "быть", имѣющимъ слишкомъ обособленное въ данномъ случаѣ значеніе: при такихъ сказуемыхъ пояснительнымъ словомъ обыкновенно еще бываетъ неопредѣленное - второстепенное сказуемое /такъ называю потому, что оно можетъ быть разложено на цѣлое предложеніе/. Такимъ нарѣчнымъ сказуемымъ бываетъ: нельзя изъ стариннаго НЕЛЬЗѢ /не есть льзѣ дат. п./, народн. и старое нельга; не лѣть /не льзя/, жаль. Примѣры: нельзѣ бѣше дойти до тѣргу сквозѣ городъ Новг. лѣт., ні сѣна людьмъ бяше лзѣ добыти ів., Смородьмь /отъ смрада/ нелга вылести ів. "Нельга" = нельзя въ бѣлорусс.; лѣть ми есть глаголати Савв. кн., лѣтиѫ бѣаше ѣздити Супр.-р.; годѣ ти буди Лавр. л.; жаль бо ны есть брата своего Игоря Ипат. лѣт.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, перечисленныя нарѣчія въ старину чувствовались именами и могли быть даже подлежащими /ср. лѣть, жаль/; въ настоящее время они совершенно утратили свое знаменательное значеніе имени, а вмѣстѣ съ глаголомъ есмь служатъ лишь для образованія неопредѣленныхъ по лицу сказуемыхъ /ср. жаль бо ему мила брата Всеволода Сл. о п. Игор., мнѣ жаль тебя = жалѣю тебя/. И здѣсь, какъ и въ случаѣ типа "свѣтаетъ", никакихъ подлежащихъ по вопросамъ "кто?" "что?" предположить невозможно. Утратили значеніе субъекта со временемъ и слова "пора" /пора спать/,"грѣхъ" /грѣхъ было думать такъ/, "неволя" /неволя ми своее головы блюсот Лавр. л./, "правда" /Благоразумный читатель! Чтучи сео писанія не удивляйся. Правда есть тому всему. Котоших./ и др. /ср. Потебня, III, 463 вд./.

Близки къ разсмотрѣннымъ предложеніямъ и тѣ безсубъектныя предложенія, сказуемыя которыхъ выражаются среднимъ родомъ прилагательнаго съ глаголомъ быть /съ очень ослабленнымъ значеніемъ/;какъ и въ предыдущемъ случаѣ, и здѣсь часто прибавляется инфинитивъ въ качествѣ поясненія сказуемаго. Средній родъ прилагательныхъ, входящихъ въ составъ такихъ предложеній, очень приближается къ нарѣчіямъ: и отвѣчаетъ онъ больше на вопросъ "какъ?" и по формѣ ничѣмъ не отличается отъ нарѣчій. Поэтому, напр., Овсянико-Куликовскій /197/ и называетъ ихъ непредикативными

нарѣчіями. Однако такое мнѣніе несомнѣнное заблужденіе. Какія нибудь "здѣсь жарно", "мнѣ нужно знать это", "было свѣтло" и т. д. - такого же образованія, какъ латинск. dulce et decorum est pro patria mori, гдѣ прилагательное и по формѣ отличается отъ нарѣчія. Еще замѣтимъ, что при неправильно поставленномъ вопросѣ при такихъ сказуемыхъ можно отвѣтить неопредѣленнымъ, не какъ дополненіемъ, а подлежащимъ. Поясню примѣромъ "Кдѣ намъ будетъ мочно обѣима ѣхати": если къ "мочно" приставить вопросъ "что " то "ѣхати" могло бы разсматриваться, какъ подлежащее; но какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, это неправильно: здѣсь вопросъ "что дѣлать" и "ѣхати" - дополненіе. Съ формальной точки зрѣнія "ѣхати" могло бы разсматриваться какъ подлежащее /= ѣзда/, если бы оно по крайней мѣрѣ предшествовало сказуемому. Относящихся къ этому отдѣлу примѣровъ немало и въ старомъ языкѣ и въ новомъ: Идеже не бѣ проходно полку Олександрову Лавр. л.; княже, немочно ти поѣхати къ нимъ Ипат. л.; страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье Божье Лавр. л.; бяше тогда притужно велми Пскову Псков. л. Мнѣ трудно, досадно, тяжело, скучно, убыточно и т. д. Сюда же относится "надобно", развившееся при посредствѣ надобенъ изъ "на добѣ" /доба = часъ, время/: тѣм его людемъ не надобѣ ни которая моя дань.... Ино имъ не надобѣ тотъ оброкъ Грам. 1451 г. Здѣсь еще оборотъ личный. Еще примѣры: ученыхъ много, умныхъ мало; счастливъ

ребенокъ: и въ люлькѣ просторно ему; всѣмъ жалко васъ; и скучно, и грустно, и некому руку подать и т. д.

Къ разсмотрѣнному виду безличныхъ предложеній ближе всего подходитъ оборотъ съ глаголомъ, поставленнымъ въ средн. родѣ причастія страдательнаго залога. Въ литературной рѣчи оборотъ "этотъ не имѣетъ большого распространенія: сколько было выстрадано; прекрасно сказано; какъ мало прожито, какъ много пережито /Надсонъ/; не приказано принимать и т. д.; такой красавицы не видано, не слыхано; сколько слезъ пролито, пока я дождался, чтобы вамъ ее /благодарность/ выразить; денегъ на черный день принесено немало. Изъ народной рѣчи:

У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ послужено:
На печи было въ волю полежано.
Много цвѣтного платья поношено:
По подоконью онучей попрошено;
И сахарнаго куска поѣдено:
У ребятъ корокъ поотымано;
На добрыхъ коняхъ поѣзжено.

За мое же жито да меня же бито.

Разсмотрѣнный оборотъ сродни такому извѣстному латинскому, какъ itur , actum est , turbatum est domi.

Особый видъ безличнаго предложенія составляетъ такое, которое въ качествѣ сказуемаго имѣетъ неопре-

дѣленное, соединяемое чаще съ дательнымъ дополненія: Кому начинать? Мнѣ пѣть; ему ѣхать; итти дождю стрѣлами. Особенно такой оборотъ распространенъ при отрицаніи: не видать тебѣ этого не бывать этому и т.д. Если однако вникнуть въ подобные обороты, то окажется, что неопредѣленное здѣсь не сказуемое, а таковымъ первоначально были формы глагола - быти, опущенныя въ настоящее время при нихъ, или же существующія слишкомъ прикровенно. Вмѣсто стараго: пѣти было пѣснь Игореви" Сл. о п. Игор., "чили въспѣти было вѣщей Бояне" мы скажемъ "не запѣть ли"... Пропуски вспомогательнаго глагола бывали уже въ старину: не знати пештеры Супр. р. /ср. еще Потебня I - II, 2 415/;

быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ зону великаго,
ту ся копіемъ приламати,
ту ся саблемъ потручяти.... Сл. о п. Игор.

Особенно частъ онъ бывалъ при "знати" и "чути", вслѣдствіе чего эти слова у насъ обратились въ нарѣчія: знать солнышко утомлено Жук.; въ лѣсу раздается, на нивахъ чуть Чулк. Прикровенно вспомогательный глаголъ есть на лицо въ такихъ словахъ, какъ: некого, нечего, некуда и т. д., равныхъ: не е кого, не е кому, не е куда и т. д. Ясно, между прочимъ, что въ такихъ случаяхъ мы неправильно пишемъ е вмѣсто ожидаемаго ѣ, какъ въ нѣтъ = не е ту. Примѣры: не-

чего дѣлать, негдѣ жить, некуда итти и т. д. Происхожденіемъ разсматриваемыхъ въ этомъ отдѣлѣ оборотовъ /изъ вспомогат. глагола и неопредѣленнаго/ объясняется одна рѣдкая старинная форма рѣчи, живущая въ остаткахъ и въ современномъ литературномъ употребленіи и довольно распространенная въ сѣверновеликорусс. нарѣчіи. Имѣю въ виду старинные обороты типа: такова правда взяти русину Смол. Грам. 1229 г. Первоначальное строеніе подобныхъ оборотовъ было таково: такова правда есть русину взяти /ср. вода сладка есть пити Даніилъ Заточн./; но со временемъ "есть" опускалось, и существительное являлось приложеніемъ къ неопредѣленному, а затѣмъ могло стать и дополненіемъ къ нему. Такимъ образомъ дополненіе здѣсь какъ бы выражалось именительнымъ падежемъ; винительный тоже возможенъ /дати землю правьдоу Русс.Пр./. Слѣдуетъ имѣть еще въ виду, что это употребленіе обычно только при словахъ женскаго рода. Примѣры: Тобѣ было въѣхавши в Кыевъ брата моего яти и жена моя и домъ мой взяти Ипат. л. ; слѣдуетъ одна гривна платити Грам. 1229, кажо кормити семья Домостр.; изъ народной рѣчи: мнѣ гдѣ взять золота казна Барс. Прич.; будетъ уличка ходить да не широкая ів ; литературное: шутка сказать, рука /и рукой/ подать. Такъ какъ именит. падежъ въ подобныхъ оборотахъ сравнивался съ винительнымъ, то онъ со временемъ могъ появиться при неопредѣленномъ наклоненіи и тамъ, гдѣ раньше онъ не могъ быть подлежащимъ, а всегда былъ до-

полненіемъ: велѣти вамъ дати своя грамота Грам. 1556 г.; дальнѣйшій былъ ходъ - употребленіе такого именительнаго и безъ неопредѣленнаго: взявъ у воеводы отписка 1634 г. Оборотъ именит. съ неопредѣленнымъ въ указанномъ родѣ извѣстенъ др.-инд., греч, и литовскому /Поповъ, 47 - 48/.

Исключительно на славянской почвѣ развился еще одинъ видъ безличныхъ предложеній въ которыхъ на мѣстѣ подлежащаго положительнаго оборота является родительный падежъ въ оборотѣ отрицательномъ, подъ вліяніемъ частицы не и нѣтъ /= не е ту/ - нѣсть /не есть/. Такъ на мѣстѣ греч. ἡ ὠφέλεια οὐδέν имѣемъ: отъ плъти нѣсть польза никоеяже ; или οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον - не бѣ има чѣда ; или ὅτι Ἰησοῦς οὐκ ἔστιν ἐκεῖ - яко исоуса не бысте тоу и т. д. /ср. Jagić-Zeitr ., 18/. Въ старомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ впрочемъ возможенъ и именительный падежъ: οὐκ ἔστιν ἐν ὑμῖν σοφός - нѣсть въ васъ ни единъ же прѣмоудрь ів . Въ новомъ языкѣ, какъ и въ старомъ русскомъ, обыкновенно родительный: земца де Ивашка Муратова на государевѣ службѣ въ Ямѣ городѣ не стало 1593 г.; я говорю, что эдакого скота еще не родилось Фонв.; нѣтъ денегъ; въ комнатѣ никого не оказалось; книгъ у него не имѣется и т. д.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ видахъ безличныхъ предложеній нѣтъ подлежащихъ, ихъ возстановить нельзя безъ измѣненія формы рѣчи; поэтому, вслѣдъ за Овсянико-Ку-

ликовскимъ, ихъ можемъ назвать абсолютно безсубъектными предложеніями. Кромѣ ихъ есть еще цѣлый рядъ безличныхъ предложеній, которыя можно считать лишь относительно безсубъектынми. Въ нихъ на вопросы подлежащаго "кто?" "что?" можно дать отвѣтъ, но онъ не нуженъ; иногда и подлежащее даже есть на лицо, но сказуемое формально не совсѣмъ поставлено съ нимъ въ связь; въ послѣднемъ случаѣ видимъ лишь разныя степени развитія безличности, начиная отъ ея зарожденія.

Къ относительно безсубъектнымъ предложеніямъ, значитъ, слѣдуетъ отнести такія, въ которыхъ указать грамматическое подлежащее можно бы, но нѣтъ надобности: безъ него лучше и рельефнѣе выдвигается сказуемое. Послѣднее обыкновенно выражается здѣсь 3-мъ лицомъ множ. числа, изрѣдка 3-мъ единственнаго и довольно часто 2-мъ единственнаго. Подлежащее въ такихъ предложеніяхъ опускается а/вслѣдствіе ненадобности обозначенія дѣятеля: бысть дороговь Новегородѣ: и купляху кадь ржи по 4 гривнѣ Новг. лѣт., томь же лѣтѣ заложиша церковь ів; просятъ не курить; б/ вслѣдствіе того, что дѣятель неизвѣстенъ, скрытъ, таинственъ: "въ 23 того же мѣсяца пополошишася людье: сългаша бо, яко Святопълкъ у города съ Пльсковици Новг. Лѣт.; кошка, говорятъ, попалась въ когти льву Крыл.; в/ о дѣятелѣ умалчиваютъ потому, что онъ достаточно ясенъ изъ матеріальнаго значенія сказуемаго: И судьи возрят в список з грамоты, и в списку

пишетъ: по великаго князя грамотѣ 1529 г. Въ этой и другихъ подобныхъ грамотахъ при "пишетъ" субъектомъ является лицо, писавшее грамоту, но о немъ умалчиваютъ, потому что здѣсь важно лишь то, что написано въ грамотѣ; это юридическое "пишетъ" обычный терминъ въ массѣ грамотъ /ср. Извѣстія, У, 1171 sq./. Сюда же относится извѣстный примѣръ изъ разсказа Тургенева "Собака": И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчу, завозилось у меня подъ кроватью. Думаю: крыса? Нѣтъ не крыса: скребетъ, возится, чешется.... Наконецъ ушами захлопало!" Всѣ приведенные глаголы здѣсь постепенно раскрываютъ неизвѣстнаго дѣятеля; г/ дѣятеля не считаютъ нужнымъ называть, чтобы сосредоточить вниманіе на сказуемомъ, оттѣняющемъ общераспространенность, обычность, обязательность, необходимость извѣстнаго дѣйствія или явленія. Сюда относятся истины, заключенныя въ пословицы: "по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ"; "тише ѣдешь, дальше будешь"; "любишь кататься, люби и саночки возить"; "а жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка" Лерм.

Относительно безсубъектныя предложенія имѣютъ разную степень безличности, какъ объ этомъ мы уже говорили; къ нимъ приближатся и нѣкоторыя изъ личныхъ предложеній, въ которыхъ связь сказуемаго съ подлежащимъ, выражается формальнымъ образомъ въ согласованіи, начинаетъ ослабѣвать, вывѣтриваться; подлежащее

какъ бы постепенно устраняется. Подробно разныхъ случаевъ нарушенія согласованія мы коснемся въ другомъ мѣстѣ; здѣсь отмѣтимъ только главные пункты. Такъ: а/ сказуемое, измѣняемое по родамъ, и подлежащее имя не согласуются: въ Торжку туча на одномъ часу ровъ учинило и хоромовъ нѣсколько снесло изъ основанья Лавр. л.; особенно обычны подобные обороты, когда сказуемое предшествуетъ подлежащему: Тогда побило морозомъ рожь и ярь, и съ того году стало на крестьянскій родъ великій гладъ Псков. л.; обычны подобные обороты и въ живой народной рѣчи: Да еще у стараго случилося на буйной головѣ шеломъ сорока пудовъ Рыбн. IУ, I8; засядеш під плотом, поки ійтиме /дівка/ з вечерниць, та тут ти пустиш яку небудь мару, щоб з ляку трясьця схопило Квитк.; б/ особенно обычны такіе обороты, если къ раньше поставленному сказуемому можно прибавить вопросъ: "сколько?" пришло ихъ тьма; публики сегодня приходило цѣлая бездна Достоев.; іх було сила, малор.; шло-пошло короводъ дзѣвокъ Шейнъ и т. д.; прошло недѣля времени Котош.; сказываютъ, погорѣло ден того села половина и съ хлѣбомъ I460 г. /ср. Потебн. III, 44I - 446/. Послѣдніе обороты особенно характерны въ данномъ случаѣ: вопросъ "сколько?" переводитъ подлежащее уже въ область поясннтельныхъ словъ, а глаголъ въ среднемъ родѣ оказывается какъ бы безличнымъ. Подобный переводъ подлежащаго въ область дополненія бывалъ въ старомъ языкѣ

/раздѣлиша на двое: половину ихъ иде къ погребу, а половина.... къ мосту Лавр. л., мѣру пшеницы осталось Новг. л./ и изрѣдка встрѣчается въ новомъ /былъ капельку неувѣренъ, было сотню овецъ/. в/ Естественный переходъ отъ разсмотрѣнныхъ оборотовъ къ нашимъ случаямъ, когда сказуемое стоитъ въ среднемъ родѣ при подлежащемъ, выраженномъ числительнымъ: тѣхъ два голубя прилетѣло;; кыянъ однѣхъ изгыбло на полку томь 10 тысячь Лавр. л., сторъ Руси 4 человѣкы Новг. л. Къ примѣрамъ съ числительными, взятыми изъ стараго языка, слѣдуетъ однако относиться съ большою осторожностью, такъ какъ пять-девятьдесятъ были существительными женскаго рода ед. ч., поэтому и сказуемое согласовалось съ ними въ един. числѣ: пять же бѣ отъ нихъ боуи и пять мужь. Остр. Ев. Если въ подобныхъ случаяхъ ставилось и множ. число, то это, какъ мы въ свое время видѣли, было употребленіе числительнаго въ смыслѣ собирательномъ. г/ Относительно безсубъектными являются и такія предложенія, въ которыхъ при нѣкоторыхъ союзахъ /если, еслибы, когдабы, чтобы/ роль сказуемаго исполняетъ неопредѣленное: чтобы это сколько-нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое.... Гоголь. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ.... Подобные обороты не древняго происхожденія, и особенность чисто русская.

Одночленная форма предложенія довольно рѣдка, обычнѣе двучленная и многочленная. Предложенія послѣдняго рода и постараемся разсмотрѣть подробнѣе.

Каждое двучленное предложеніе состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго. Подлежащее, по Потебнѣ /I-II^2, 93/, есть вещественное указаніе на непосредственнаго производителя признака, означаемаго сказуемымъ, или носителя свойства, приписываемаго послѣднему. Разсмотримъ подробнѣе, чѣмъ выражается подлежащее.

Литература

Буслаевъ: Синт., 165 - 171, 180 - 186.

Потебня: I - II^2, 93 - 95, 97 - 99.

Jagić: Beiträge, 22 - 33.

Овсянико-Кулик. Синт., 175 - 187.

Изъ даннаго опредѣленія подлежащаго видно, что оно является грамматическимъ указателемъ на дѣятеля (настоящаго или мнимаго), а сказуемое - на дѣятельность подлежащаго. Для насъ безразлично, будетъ ли подлежащее настоящимъ дѣятелемъ - при дѣйствительномъ залогѣ /собаки загрызли поросенка/, или мнимымъ - при страдательномъ /поросёнокъ загрызенъ собаками/. Дѣятелемъ можетъ быть только предметъ, слѣдовательно, и подлежащимъ можетъ быть только имя существительное. Но если, по ходу рѣчи, бываетъ нужда только сдѣлать указаніе на предметъ, а не назвать его, или и совершенно не бываетъ возможности или нужды употреблять его, тогда прибѣгаютъ къ замѣнѣ существительнаго

другими частями рѣчи, напр. мѣстоименіями.

Такимъ образомъ подлежащее выражается:

I/ именемъ существительнымъ. Такъ какъ дѣйствующій предметъ въ предложеніи ни отъ чего не зависитъ, а напротивъ самъ производитъ дѣятельность, обозначаемую сказуемымъ, то онъ всегда стоитъ въ именительномъ падежѣ. Какъ мы уже видѣли раньше, подлежащее можетъ быть во всѣхъ числахъ: единственномъ, множественномъ и двойственномъ. Множественное съ успѣхомъ замѣняется словами собирательными, а двойственное /при 2, 3 и 4/ въ настоящее время въ русскомъ языкѣ въ сильномъ разстройствѣ, такъ что "пришло два человѣка" уже какъ бы перестаетъ быть личнымъ предложеніемъ.

Кромѣ именительнаго падежа въ народной поэзіи бѣлорусской, малорусской и отчасти великорусской въ роли подлежащаго иногда является звательный падежъ. У великоруссовъ онъ довольно рѣдокъ, такъ какъ тамъ звательный падежъ вообще утратился; подобное же явленіе знаетъ еще сербскій языкъ и отчасти болгарскій. Примѣры: Ярополкъ выторгну изъ себе саблю и возопи великымъ гласомъ: "охъ, тотъ мя враже улови" Лавр. лѣт., л. I37; въ сборникѣ Кирши: согрешилъ Адаме во свѣтломъ раю I70; по всеи земли светоруския живучи Адаме состарелся ів ; то коли тебѣ гдѣ сына дастъ.. то коли тебѣ гди дочеря дастъ.... I06; въ сборникѣ Барсова: штобы господи далъ намъ добраго здоровьица. У бѣлоруссовъ: сидзиць Боже; ходзіў Раю; улане запла-

кау; ишоу паничу; а мой мужу блазне хочеці мяне бици; ци есъ дома панъ господару и под. /ср. Карскаго "Бѣлоруссы" II, 3 стр. 45 - 48./ Изъ малорусс. поэзіи: Оттогді - то Хвилоне, корсуньский полковниче на добраго коня сідавъ; Тогді жъ то Ивасю Вдовиченку на доброго коня сідає Метлин.; ой плаче, плаче молодий коваче; плаче рідає молодий коваче по своій дівчині, приіхав сине з пути із дороги и т. д. То же у сербовъ: Вино није кральевићу Марко; у болгаръ: не послуша Шишманине Іане и др.

Какъ смотрѣть на подобное употребленіе звательнаго падежа и вообще на звательный ?

Литература:

Delbrück: Vergl. Synt. I, 397 - 398.

Miklosich: Synt.[2] 369 - 370.

Потебня: Изъ запис.[2], I - II, 95 - 97.

Jagić: Beiträge 31 - 33.

Несомнѣнно, что здѣсь звательные падежи лишь по формѣ звательные, а по значенію именительные, такъ какъ обращенія здѣсь ни къ кому нѣтъ. Но какая причина вызвала подобное употребленіе? По мнѣнію Ягича, появленіе формы звательнаго вмѣсто именительнаго вызвано было причинами фонетическими: когда сербскому десятисложному стиху недостаетъ слога, то употребляется отъ словъ на согласный форма звательнаго; у словъ на а звательный въ подобномъ употребленіи неизвѣстенъ. Противъ мнѣнія Ягича возражаютъ Миклошичъ

и Потебня. Первый указываетъ на то, что лишній слогъ въ сербскомъ можно раздобыть и другимъ путемъ, а Потебня указываетъ, что малорусскія думы могли бы обойтись и безъ лишняго слога /Потеб. I - II^2, 95 - 96/. Мнѣ кажется, что подобное употребленіе звательнаго зависѣло отъ многихъ причинъ: а/ звательный давалъ при случаѣ и лишній слогъ въ народныхъ пѣсняхъ; б/ звательный у лицъ очень часто употреблялся чаще, чѣмъ именительный, и поэтому естественно могъ замѣнять его /припомнимъ извѣстное: се вдале Варламе с҃томоу с҃псоу Хут. грам. 1192, или владыко вм. владыка/; в/ звательный уже очень рано смѣшивается съ именительнымъ вслѣдствіе чего взаимная ихъ мѣна очень естественна /интересенъ примѣръ этого рода въ Супр. р.: і҃су х҃е, сыноу божии иночѧдъи, живаꙗ сила.... безлъжа надежда.... вѣнець славѣ.... хлѣбъ небесьскъи....пѫть... пастоухъ..... покою.... врачоу.... вѣнець/; г/ очень можетъ быть, какъ замѣчаетъ Овс.-Кул. /179/, было первоначально желаніе или невольное стремленіе соединить съ подлежащимъ выраженіе извѣстнаго чувства, которое говорящій питалъ къ данному лицу.

Какъ бы то ни было, подобные обороты будемъ считать вторичными, и никакъ не согласимся съ Потебней /I - II^2, 94 - 95/, что звательный падежъ у насъ способенъ выражать подлежащее. По Потебнѣ, синтактическое различіе имен. и звательнаго въ томъ, что именительный лишь въ мѣстоименіяхъ личныхъ я и мы, ты и вы есть I и

II лицо; остальныя имена мѣстоименныя и качественныя суть 3-ье лицо; между тѣмъ звательный есть 2-ое лицо и согласуется со 2-мъ лицомъ глагола: "б҃же вьс кꙑ҆ꙗ ма нєси оставилъ" - "б҃же ", по Потебнѣ, подлежащее. Но Потебня упустилъ массу такихъ примѣровъ, гдѣ звательный и при другихъ лицахъ, гдѣ подлежащимъ онъ никакъ не можетъ быть посчитанъ /Господи, на тя уповахъ Господи, когда видѣхомъ тя алчѫшта и т. д./. Мѣстоименія, которыя замѣняютъ всѣ формы именъ, звательнаго падежа не имѣютъ; значитъ, онъ и не падежъ. Такого мнѣнія о немъ Шлейхеръ, считающій его именемъ въ формѣ междометія /Compendium[2], § 263/, Миклошичъ и Бругманъ. Лишь въ старину, когда о падежахъ судили не по положенію ихъ въ рѣчи, а по различію въ окончаніи, говорили и о звательномъ падежѣ, а не о звательной формѣ имени.

2/ Подлежащее выражается <u>мѣстоименіемъ</u>. Чаще всего замѣняютъ подлежащее а/ личныя мѣстоименія. Изъ нихъ я и мы, ты и вы такъ приближаются къ имени существительному, что часто въ представленіи говорящаго не является даже надобности припоминать истинные признаки предмета, на которые указываютъ эти мѣстоименія. Но зато иногда они содержатъ въ себѣ и только чисто формальное понятіе лица: dixi = я сказалъ. Вся сила здѣсь въ глаголѣ, а не въ мѣстоименіи. Довольно формальную роль играютъ мѣстоименія при тѣхъ формахъ глагола, которыя при теперешнемъ состояніи языка лишены

указанія на лицо: это прош. время на - лъ. Уже въ древнерусскомъ языкѣ формы есмь, еси, есть и т. д. могли опускаться тогда, когда бывало на лицо мѣстоименіе; теперь же, когда формы "есмь - быть" совсѣмъ утратились въ прошедшемъ, указаніе на лицо посредствомъ мѣстоименія, при отсутствіи существительнаго, стало необходимостью. Такое же значеніе имѣютъ здѣсь и онъ - они. Особенно рельефно выступаетъ значеніе мѣстоименія при противоположеніяхъ, когда на я - ты - мы - вы бываетъ логическое удареніе: не я это сдѣлалъ, а ты.

Иногда говорящій не желаетъ распространять значенія сказуемаго на все понятіе, выраженное въ подлежащемъ; или же пытается болѣе точно обозначить его. Для этого вмѣсто личныхъ мѣстоименій онъ допускаетъ описанія, состоящія изъ существительнаго и мѣстоименія, больше притяжательнаго; особенно обильны подобными оборотами рѣчь разговорная и народная. Такъ вм. я, ты, онъ, мы и т. д. говорятъ: "мое дѣло", " твое дѣло", "вашъ братъ", "наша сестра" и под. Напр. "Наше дѣло невольное" = мы невольны; "ваше дѣло сторона" = вы въ сторонѣ; "ваша сестра на языкъ слабая" = вы /женщины/ слабы на языкъ. Сюда же относятся описанія для приданія оттѣнковъ вѣжливости и приличія: "наше смиреніе", "ихъ милость", "Ваше Благородіе" и т. д.

Вмѣсто "я" и "ты" говорится нерѣдко "мы съ тобой", вм. "я" и "вы" - "мы съ вами", вм. "я" и "онъ" - "мы

съ нимъ", вм. "ты" и "онъ" - "вы съ нимъ": "мы съ тобой это скоро сдѣлаемъ".

Въ виду того, что безличныя предложенія могутъ выражаться и вторымъ лицомъ глагола, и мѣстоименіе 2-го лица ты можетъ употребляться и въ неопредѣленномъ смыслѣ: "такъ души нивкія, будь знатенъ, силенъ ты, не смѣютъ на тебя поднять и взгляда" Крыл.

Мѣстоименіе 3-го лица "онъ" въ старой рѣчи и народной иногда допускается даже плеонастически въ случаѣ имя существительное есть на лицо:. и они нѣмцы учили бить челомъ государю Пск. л., онъ же бояринъ пріиде къ царю Котош.; а втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ Сб. Кирши..Въ виду того однако, что въ былинахъ "онъ" ставится послѣ имени, можно думать, что это мѣстоименіе играетъ здѣсь роль члена, какъ "тъ", а въ нѣкоторыхъ примѣрахъ здѣсь "онъ" = "оный".

б/ Подлежащее замѣняютъ мѣстоименія указательныя: "этотъ" и "тотъ"; сюда собственно относится и "онъ" /и старое "оный"/, о которомъ у насъ уже была рѣчь въ предыдущемъ отдѣлѣ. "Этотъ" указываетъ на ближайшій предметъ, а "тотъ" на болѣе отдаленный. Такое разграниченіе однако произошло исключительно на русской почвѣ, такъ какъ къ ней же развилось и само мѣстоменіе "этотъ" = э + тъ; да и "тотъ" въ формѣ именительнаго - русское новообразованіе вм. тъ. Послѣдняя форма также извѣстна русскому языку въ роли постпозитивнаго члена, о чемъ у насъ рѣчь

въ другомъ мѣстѣ.

в/ Подлежащее выражается мѣстоименіями вопросительными /кто, что, который и др./ и относительными. Изъ нихъ "кто", "что" обыкновенно относится къ третьему лицу, а "который" ко всѣмъ лицамъ: кто пріѣхалъ; что случилось; я, который....; мы, которые и т. д. Въ старину довольно было распространено употребленіе мѣстоименія "кой", отчасти оно извѣстно и до сихъ поръ: задумали дѣвки пиво варить: кая /принесла/ хмелю, кая солоду Шейнъ; да той проторы, кое на колачи, кое на хлѣбы 25 рублевъ на одинъ день Пск. л.; совокупила бѣаше отроки и дѣвицы малы и облече а в' порты *и дины* и рече: разбери, кое отроки, и кое дѣвицы Палея 1494. Во всѣхъ этихъ случаяхъ "кое" въ смыслѣ "что" - обыкновенно въ раздѣлительномъ смыслѣ /ср. Потебня, III, 65 - 66; тутъ же - 67 - 70 - о другихъ значеніяхъ "кой"/. Отмѣтимъ еще, что въ литературной рѣчи "кое", "кой" въ соединеніи съ нарѣчіями придаетъ имъ неопредѣленный характеръ: кое-гдѣ, кой - куда и т. д.; то же и въ соединеніи съ мѣстоименіемъ "кто": кое - кто. Какъ видно изъ малорусской "де-хто", вполнѣ равносильнаго слову "кое-кто" - неопредѣленность здѣсь чисто пространственная.

г/ Очень близки съ разсмотрѣнными случаи выраженія подлежащаго мѣстоименіями неопредѣленными и опредѣлительными: нѣкто, никто, кто-нибудь, весь,

всякій и т. д. Въ литературной рѣчи неопредѣленныя мѣстоименія легко составляются изъ вопросительныхъ съ прибавкой - то, - либо, - нибудь. Въ малорусскомъ и отчасти бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ такую же роль играетъ ср. родъ стараго образованія сь /якій - сь/. То же изрѣдка и въ старинной рѣчи: Что-си усуну за плече, и съ того поча изнемогати Ипат. л.,; малор.: мені щось верзеться. - Наше всякій развилось изъ весь /вьсь - вьсѧкъ /. Можно указать въ ст.-слав. случаи употребленія вьсь вм. ожидаемаго вьсьѧкъ: да вьсь видѧи сына Остр. Е. - Наше каждый изъ къждо. Разница между "всякій" и "каждый" проистекаетъ изъ ихъ происхожденія: "всякій" - имѣетъ въ виду всѣхъ вообще, а "каждый" отдѣльныхъ лицъ /"всякій хочетъ наслаждаться", "оба мы замолчали, погрузясь каждый въ свои размышленія"/; "вьсь", " вьсѧкъ " передаетъ греч. πᾶς /omnis /, а "къждо " - ἕκαστος /quisque:/ идѣаѫ вьси написатьсѧ къждо въ свои градъ Остр. Е. - Въ старинной рѣчи, да и теперь въ народной рѣчи часто употребляется неполная форма "всякъ": не всякъ пашню пашетъ, а всякъ хлѣбъ ѣстъ Даль.; всяко бываетъ Пушк.; всякъ на себя хлѣбъ добываетъ Стар. послов. - Мѣстоименіе "самъ" усиливаетъ значеніе лица, а затѣмъ уже можетъ переходить и къ опредѣленію предметовъ неодушевленныхъ, принимаемыхъ за одушевленныя /Буслаевъ, II, 176/. Въ народной рѣчи "самъ" иногда замѣняетъ личное мѣстоименіе: "самъ

пришелъ" /говорятъ про купцовъ/; "прочитала письмо матери вдова, сама заплакала" Сб. Кирши "Самъ" можетъ стоять въ именит. падежѣ при дѣепричастіи въ предложеніи придаточномъ, тогда какъ другія подлежащія въ такихъ случаяхъ обыкновенно опускаются: зная людей...., бывши ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ Жук., самъ заряжая пушку Пушк. "Но собственно для опредѣленія предметовъ, а также и лицъ одушевленныхъ, безъ означенія ихъ самостоятельной дѣятельности, употребляется самый, произведенное уже отъ самъ" /Буслаевъ, II, 177/.

з/ О выраженіи подлежащаго именемъ числительнымъ у насъ рѣчь была уже въ разныхъ мѣстахъ /о предметахъ собирательныхъ, о безличныхъ предложеніяхъ/. Въ роли подлежащаго могутъ быть числительныя количественныя, собирательныя /двое, трое..../, дробныя /полтора, полтораста/, неопредѣленныя /много, мало, довольно, сколько, нѣсколько/. О согласованіи ихъ со сказуемымъ - рѣчь будетъ при сказуемомъ. Въ старомъ русскомъ были слѣдующія особенности въ употребленіи числительныхъ: а/ счетъ сороками и девяностами: "сорокъ сороковъ черныхъ соболей"; "два девяноста мѣрныхъ верстъ" Сб. Кирши Въ западнорусскомъ и малорусскомъ извѣстенъ счетъ по "копамъ": "копа грошей". - б/ "Пол" - соединялось не только съ "вътора" /полтора/, но и съ другими числительными: полтретьяста /250/, и частями: въ пустѣ четверть

и пол-пол-трети и полъ-полъ-четверти сохи 1631.- в/ При обозначеніи чиселъ, близкихъ къ десяткамъ, употребляли крупныя наименованія и изъ нихъ помощью предлога вычитали разность: а тому уже, господине, тридцать лѣтъ безъ трехъ 1491 г.- г/ Для означенія неопредѣленнаго числа употреблялись разныя описательныя формы: пропасть, необъятная сила, видимо не видимо и под.: не много не мало васъ семь тысячей Сб. Кирши.- д/ Числит. собирательныя: двое, трое, пятеро и т.д. - теперь средній родъ ед.ч. въ собирательномъ смыслѣ. Косвенные падежи къ нимъ во множ. числѣ. Въ старину и именит.п. мн.ч. къ нимъ былъ обыченъ: нынѣ оубо трои сѫтъ пакости дѣѭште намъ Супр.р.; пятеры рукавицы - трои серги - двои ножи угорскіе 1579 г. гр.

4/ Но особенно часто для выраженія подлежащаго служитъ имя прилагательное и причастіе. Такое преимущественное употребленіе прилагательнаго въ роли подлежащаго обусловливается особенной близостью его къ имени. Не говоря уже о чисто формальныхъ его особенностяхъ /измѣненіе по родамъ, числамъ, падежамъ/, прилагательное и по матеріальнымъ своимъ особенностямъ очень близко къ существительному: оба они обозначаютъ признаки, приписываемые предмету, только въ имени этихъ признаковъ больше и, слѣдовательно, существительное обозначаетъ болѣе узкое понятіе, а прилагательное бо-

лѣе общее /ср. мѫдрьць и мѫдръ; первое предполагаетъ только человѣка, а второе можетъ относиться и къ животнымъ и къ отвлеченнымъ понятіямъ/. Если языкъ обладаетъ свойствомъ суживать понятіе, обозначенное прилагательнымъ, посредствомъ пріуроченья его опредѣленному дѣятелю, то въ такомъ языкѣ прилагательное легко замѣняетъ имя: имѣю въ виду языки греч., нѣмецкій, французскій, въ которыхъ, стоитъ лишь къ прилагательному прибавить членъ, и оно уже обращается въ существительное: σοφός и ὁ σοφός , weise и der Weise, sage и le sage. Но, къ сожалѣнію, какъ это уже отмѣтилъ Миклошичъ /IУ², 6/, славянскіе языки подобнаго средства лишены: у нихъ прилагательныя знаютъ членъ /новъ и новъи/, но онъ играетъ другую роль, далеко не ту, какая ему свойственна въ названныхъ выше языкахъ. Когда по-славянски приходится субстантивировать прилагательное, то оно принимаетъ не членъ, а именные суффиксы - икъ, - ьць, - ка, - ика и др.: ὁ σοφός мѫдрьць, ὁ μῖμος порочьникъ, cum aemulis suis съ тъчьникы своими; однако иногда наряду съ такими существительными при передачѣ, напр., греческихъ прилагательныхъ встрѣчаются и имена прилагательныя: ὄφρα εἰσιν τυφλοὶ τυφλῶν. τυφλὸς δὲ ἐὰν ὁδηγῇ, ἀμφότεροι εἰς βόθυνον πεσοῦνται —

— въ Зогр. Ев. /Матѳ. ХУ.14/ пере-

дается: вожди сѫтъ слѣпи слѣпьцемъ. Слѣпъ же слѣпьца ăште водитъ. ŏба въ ѣ̆мѫ въпадетасѧ. Въ новыхъ славянскихъ языкахъ употребленіе прилагательнаго въ роли подлежащаго довольно развито: русс. богатъ шелъ въ пиръ, а убогъ брелъ въ міръ; и глупъ молвитъ слово въ ладъ; нагъ золота не копитъ; гнѣвливъ съ горшки не ѣздитъ; сытый голодному не товарищъ; битый небитаго везетъ и т.д. То же въ серб. богат једе кад хоће, а сиромахъ кад може; здрав болесну не вјерује и т.д.; или польск. mądry bierze a głupi daje; то же въ другихъ языкахъ. Нельзя думать, чтобы такая распространенность прилагательныхъ въ роли подлежащаго была исключительно новымъ явленіемъ: многіе случаи несомнѣнно древняго происхожденія. И нетрудно представить, какъ они могли явиться. Припомнимъ, что въ старину связь прилагательнаго и существительнаго съ формальной стороны была очень близка: и прилагательныя и существительныя склонялись совершенно сходно по именному склоненію /новъ какъ ровъ/; существительныя даже, въ подражаніе прилагательнымъ, иногда имѣли и степени сравненія: къ мѫжь - мѫжаи /мѫжайшее на проповѣдъ бышѫ Слов. Миклош./; скотъ - скотѣе /скотину ли и нареку, но и того скотѣе; звѣрь ли,- нъ того звѣрѣе и несмысльнѣе, оглашеніе Кир. Іер. XIII в./. Существительное, какъ и прилагательное, могло быть аттри

бутомъ - приложеніемъ, а затѣмъ и опредѣленіемъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ немало старыхъ существительныхъ, имѣющихъ въ своей основѣ, несомнѣнно, имя прилагательное /другъ, прокъ, сладъ-солодъ, ср.ср. ст. слаждии, вѫзъ, заутреня, обѣдня, войско и т.д. ср. Пошебня, III, 44-64/. Только когда именная форма прилагательнаго была слишкомъ ограничена въ своемъ употребленіи, а возобладала полная, тогда явилась большая пропасть, раздѣляющая эти двѣ категоріи имени. Но и тогда переходъ прилагательныхъ въ имена существительныя уже только по значенію, но не по формѣ /старыя заимствованія склоняются какъ существительныя, а новыя какъ прилагательныя/ продолжался: никто не станетъ теперь подразумѣвать какое-либо имя при названіяхъ - городовой, городничій, десятскій, пѣвчій, портной, купчая, подушное и т.д. Всѣ подобныя прилагательныя по значенію, а иногда лишь только по формѣ съ большимъ удобствомъ служатъ подлежащимъ въ предложеніи. При нѣкоторомъ усиліи можно подыскать имя, которому они первоначально служили опредѣленіемъ, но этого не требуется по ходу рѣчи, и возстановленіе имени иногда можетъ даже измѣнить смыслъ рѣчи. Въ фразѣ: "сытый голоднаго не разумѣетъ" все наше вниманіе сосредоточено на предоставленіи двухъ противоположныхъ качествъ, кому бы они же принадлежали /человѣку

муж., жен. пола, животному/; но если сказать "сытый человѣкъ голоднаго человѣка не разумѣетъ", тутъ часть нашего вниманія идетъ уже и на другія свойства человѣка.

Но есть цѣлый рядъ случаевъ, когда, дѣйствительно, при прилагательномъ бываетъ опущено существительное и оно легко возстановляется: у крестьянина три сына: старшій умный былъ дѣтина, средній парень такъ и сякъ, младшій вовсе былъ дуракъ/Ершовъ/. И здѣсь нужно различать разныя степени подразумѣваемости опущенныхъ словъ. Когда мы спрашиваемъ: ваши дома?", то тутъ нелегко сказать, что подразумѣвается.

Особенно часто въ роли подлежащаго бываетъ средній родъ имени прилагательнаго, какъ объ этомъ у насъ уже была рѣчь раньше: старое старится, а молодое растетъ; изъ малаго выходитъ великое; прочее погибло невозвратно и т.д. Въ ст.-слав. въ подражаніе греч. оригиналомъ въ такихъ случаяхъ можетъ быть и множеств. число: и бѫдѫтъ стрьпѣтьная въ права καὶ ἔσται σκολιὰ εἰς εὐθεῖαν.

Причастія, по формѣ своей совпавшія съ прилагательными, и подлежащее замѣняютъ такъ же, какъ послѣднія. Иногда существительнаго возстановить почти невозможно: Битый небитаго везетъ; спаленное долго пахнетъ; минувшее проходитъ предо

мною; а иногда существительное совершенно ясно: братъ, уѣхавшій въ городъ, скоро воротится.

5/ Подлежащимъ можетъ быть и каждая неизмѣняемая часть рѣчи, употребленная въ смыслѣ существительнаго. Тутъ прежде всего неопредѣленное. Въ тѣхъ языкахъ, которые знаютъ употребленіе члена, неопредѣленное съ членомъ /το ἀόριστον/ дѣйствительно замѣняетъ подлежащее, а въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ въ нѣмецкомъ, даже становится существительнымъ. Въ иномъ положеніи находятся языки, не знающіе употребленія члена въ указанномъ смыслѣ, какъ славянскіе. И въ нихъ нерѣдки такіе случаи, гдѣ неопредѣленное какъ бы служитъ подлежащимъ, напр.

На Волгѣ жить - ворами слыть,
На Яикъ итти - переходъ великъ. Кирша.

Исчислять колонны, статуи, вазы, трофеи, не есть описывать. Карамз. Однако подобныя предложенія слѣдуетъ разбирать такъ, что кажущееся подлежащее неопредѣленное есть безличное предложеніе, соединенное съ другимъ тоже безличнымъ, однако служащее сказуемымъ къ тому, что дано въ первомъ; такъ что первый примѣръ можно разложить: "На Волгѣ жить - это есть ворами слыть"...

Когда другія неизмѣняемыя части рѣчи служатъ подлежащимъ, то они, такъ сказать, поддѣлываются подъ имя существительное: при нихъ всегда можно

подразумѣвать "слово", "часть рѣчи", "восклицаніе" и т.п. Примѣры: И есть союзъ; Авось да живетъ къ добру не доведетъ; Далече грянуло ура; ѥже чести полезно, ѥже ѣсти потребно, ѥже играти укорно, εὖ ζῆν и т.д. Іоаннъ Экз. Болгар. по рук. XVI в.

СКАЗУЕМОЕ И ЕГО ВЫРАЖЕНІЕ.

Литература:

Потебня: Изъ записокъ[2] I-II, 77-85, 104-115, 126-163; III, 351-368.

Jagić: Beiträge, 33 - 72.

Овсянико-Куликовскій: Синт., 50-54, 57-154.

Буслаевъ: Синт. разныя мѣста.

Мы уже имѣли случай говорить, что сказуемое выражаетъ признакъ, возникающій отъ подлежащаго. Поэтому въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ другихъ родственныхъ, носителемъ предикативности является глаголъ, какъ единственная часть рѣчи, которая можетъ выразить возникновеніе признака. Разсмотрѣнныя нами раньше эмбріональныя формы предложенія, состоящаго изъ одного имени, этому не противорѣчатъ. Пока какое-либо "пожаръ." выражаетъ, такъ сказать, наше первое впечатлѣніе, чувство при видѣ пожара, оно обходится безъ глагола; но когда это чувство осмыслится, вполнѣ войдетъ въ область сознанія, оно уже принимаетъ форму обычнаго пре-

дложенія съ глаголомъ /"горитъ домъ", "былъ пожаръ" и под./. Такимъ образомъ хотя въ иномъ предложеніи и нѣтъ на лицо глагола, но послѣдній или подразумѣвается, или по крайней мѣрѣ чувствуется присутствіе глагольности; иногда эта глагольность не успѣла лишь наполниться опредѣленнымъ лексическимъ содержаніемъ /"Татьяна - ахъ!... Пошла - и что жъ? Медвѣдь за ней". Пушк./.

Связь глагола-сказуемаго съ подлежащимъ выражается при посредствѣ личныхъ окончаній, которыя обыкновенно согласуются съ нимъ.

Сказуемое бываетъ двухъ родовъ: I/ сказуемое простое и 2/ сказуемое составное.

Сказуемымъ простымъ называется такое, которое выражено одною глагольною формою; составное сказуемое, кромѣ глагола /иногда опускаемаго/, содержитъ въ себѣ еще имя, которое и выражаетъ признакъ, приписываемый подлежащему. Возникновеніе признака отъ дѣятельности подлежащаго или его дѣятельность и обозначаетъ глаголъ, который входитъ въ составъ такого сказуемаго. Такъ какъ признакъ, приписываемый подлежащему, бываетъ данъ въ имени, то на долю глагола въ составномъ сказуемомъ остается только чисто формальная рѣчь - обозначить отношеніе такого признака къ подлежащему; вслѣдствіе этого глаголы, входящіе въ составъ сложнаго сказуемаго, или не имѣютъ никакого матеріальнаго со-

держанія, или очень незначительное. Они поэтому и называются "связкою" /точнѣе - предикативной связкою/. Связка, значитъ, присоединяетъ къ подлежащему аттрибутъ /признакъ/, обозначая отношеніе признака, выраженнаго въ немъ, къ главному дѣятелю въ предложеніи.

Хотя простое и составное сказуемое по своему содержанію и по формальнымъ отношеніямъ довольно сходно обозначаютъ признакъ, возникающій отъ подлежащаго, однако достаточно небольшого наблюденія, чтобы убѣдиться, что эти два рода сказуемыхъ все же вполнѣ не совпадаютъ. Происходитъ это отъ того, что основные элементы составного сказуемаго не сливаются въ неразложимое цѣлое. Убѣдиться въ этомъ легко изъ примѣровъ: "Я тогда учился въ гимназіи" и "Я тогда былъ ученикъ гимназіи". Въ первомъ предложеніи "тогда" и "въ гимназіи" относятся къ глаголу "учился"; тогда какъ во второмъ "тогда" относится только къ "былъ", а "гимназіи" къ "ученикъ"; значитъ, обѣ части составного сказуемаго чувствуются отдѣльно. Мало того, и самый признакъ въ томъ и другомъ предложеніи не совсѣмъ одинаково изображаетъ предметъ. Возьмемъ еще примѣръ: "лѣсъ зеленѣетъ" и "лѣсъ зеленъ". Въ первомъ случаѣ возникновеніе признака представляется наглядно, какъ будто дѣйствіе происходитъ /происходило или будетъ происходить/ передъ нашими глазами; во

второмъ же случаѣ, при составномъ сказуемомъ, хотя и изображается признакъ дѣятельности подлежащаго, но онъ дается уже готовымъ, и самой дѣятельности не видно, значитъ, признакъ здѣсь уже представляется возникшимъ отъ подлежащаго въ настоящее время, прошедшее или будущее, при томъ какъ дѣйствительный фактъ, желательный, или возможный.

Уяснивъ различіе между простымъ и составнымъ сказуемымъ, обратимся къ болѣе подробному разсмотрѣнію послѣдняго. Тутъ прежде всего остановимся на связкѣ сказуемаго.

Связкой бываютъ формы глагола есмь-быти, потому что этотъ глаголъ, кромѣ реальнаго значенія "существовать", можетъ употребляться и совершенно формально со слишкомъ ослабленнымъ матеріальнымъ значеніемъ. Это лучше всего видно изъ примѣровъ: "На дворѣ былъ снѣгъ" и "на дворѣ снѣгъ былъ черенъ"; въ первомъ "былъ" имѣетъ значеніе "существовалъ" "лежалъ", а во второмъ "былъ" не имѣетъ никакого значенія матеріальнаго, а только приписываетъ въ прошедшемъ времени "снѣгу" признакъ "черенъ". Значитъ, глаголъ, служащій здѣсь связкой, самъ не въ состояніи выразить того признака, который приписывается подлежащему. Иногда, какъ увидимъ, и глаголы, служащіе связкой, обозначаютъ нѣкоторую часть признака сказуемаго, но такіе случаи рѣже. Итакъ связкой бываетъ:

I/ глаголъ есмь-быти, въ русскомъ еще бывать. Напр. азъ есмъ лоза истинънаѣ ι отцъ мои дѣлатель естъ Мар. Ев.; оуже вы чисти есте ib.; си естъ заповѣдь моѣ ib. и т.д.: примѣровъ вездѣ масса, особенно на прошедшія времена. То же и въ русскомъ языкѣ. Но въ современномъ русскомъ языкѣ формы "есмь" въ настоящемъ времени, когда онѣ входятъ въ составное сказуемое, обыкновенно опускаются: я лоза истинная, отецъ мой дѣлатель; вы чисты; вотъ моя заповѣдь и т.д. Пропускъ связки съ особыми цѣлями /особенно въ поговоркахъ/ изрѣдка встрѣчается и въ другихъ родственныхъ языкахъ. Припомнимъ греч. Δὶς παῖδες οἱ γέροντες; οἶνος ἀλήθεια; или лат. Summum ius summa iniuria. Иногда то же встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ произведеніяхъ русской письменности и вообще славянской: а̂ коньць въсѣмъ книгамъ. оже ти собѣ не лѫбо то того и̂ другоу не твори Сборн.Свят. 1073; земля наша велика и обильна Лавр.л.; бѣда аки въ Роднѣ ib.; яко не Корсуня близь устье днѣпрьское ib.; ідѣже нынѣ увозъ Боричевъ ib. не потка въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ожь, не рыба въ рыбахъ ракъ... /Моленіе Даніила 3/ и др. Однако несомнѣнно, что подобная форма рѣчи съ пропускомъ настоящаго времени "есмь" была необычная въ древнѣйшую эпоху: памятники ц.славянскіе и древнѣйшіе русскіе обыкновенно

всегда имѣютъ эти формы; мало того, во многихъ случаяхъ въ греческомъ подлинникѣ формы глагола εἰμί опущены, но въ славянскомъ переводѣ формы ѥсмь имѣются, напр., τί πρός σε - чьто ѥ тебѣ Остр.Е.; τίνες οἱ λόγοι οὗτοι = чьто сѫть словеса си ib. и др. Въ древнерусскомъ: оузда коневи правитель ѥсть и въздьржание, правьдьникоу же книгы, зѣло бо ѥсть свѣтильникъ жизни законъ твои и свѣтъ стьзамъ Jagić, 57; гдѣ есть ныне оугорьска земля Лавр. лѣт., ѩко кии есть перевозникъ былъ ib.; ихже градъ есть Смоленскъ и т.д. Прежде всего въ древнерусскомъ начали опускаться ѥсть - суть въ формахъ сложнаго прошедшаго /perfectum/,-/которое въ старину также было составнымъ сказуемымъ/,- въ томъ случаѣ, когда подлежащее было на лицо, и никто не могъ сомнѣваться, что передъ нимъ 3 лицо, а не I и 2; такъ уже на Тмутараканскомъ камнѣ читаемъ: глѣбъ кнѧзь мѣрилъ море 1068 г.; въ Сборн. Св. 1076: ѩкоже ти самъ господь повелѣлъ; въ послѣсловіяхъ древнихъ рукописей обычно: писалъ /безъ есть/; въ Новгор. грамотѣ 1264-1265: на цѣмь то цѣловали дѣди, комоу раздаѧлъ волости братъ твои и т.д. Подобные пропуски ѥсмь въ perfect'ѣ уже въ Супр. рукописи: васъ не землѣ покрыла; вьнеже въста господь, въсталъ бо и вьселенѫѭ съвъставилъ, то оубо въсталъ ѫзы съмрьтьныѧ рострьгнѫвъ, ны же

вьскрѣсилъ плѣницѧ нашихъ грѣховъ раздрѣшивъ, сѣгрѣшилъ Адамъ и оумрѣтъ... При другихъ лицахъ въ древнерусскомъ ѥси, ѥсмь, ѥсте не опускались; лишь если лицо обозначалось мѣстоименіемъ, тогда возможенъ былъ пропускъ вспомогательнаго глагола: азъ далъ роукоѭ своѥѭ Юрьев. Грам. 1130 г., но тамъ же: се ѥѧ Всеволодъ далъ ѥ̆смь. Въ подражаніе формамъ прошедшаго начали опускать ѥсмь, ѥси... и въ другихъ составныхъ сказуемыхъ: азъ имъ противенъ Ипат. л., мы недужи противу вамъ стати ib. Формы глагола есмь, какъ связки, въ настоящее время въ русскомъ языкѣ совершенно утратились, при томъ во всѣхъ его нарѣчіяхъ. Общелитературная рѣчь знаетъ лишь 3-ье лицо есть въ смыслѣ существовать, находиться, имѣться, при чемъ это "есть" соединяется и съ подлежащимъ множ. числа: тамъ, вѣдь, есть бучило /Турген./; есть травы, цвѣты есть /ib./ есть деньги /Остр./ и т.д. Такое употребленіе есть извѣстно и народной рѣчи; въ послѣдней "есть" иногда является настоящей связкой: сирота я есть прегоркая Рыбн.; есть я дочь короля литовскаго ib.; уже ты есть жена мужняя разумная ib.; женатъ ли ты или холостъ есть ib.; есть мы со славной матушки со святой Руси ib.; есть вы русскіе могучіе богатыри ib. Въ литературной рѣчи подобное употребленіе изрѣдка попадается лишь у старыхъ писателей: у Дмитр. ты точно левъ и есть; въ Разкащикѣ 1781

г.: властелины есть надъ всѣмъ здѣсь мы и под. Кромѣ русскихъ подобное употребленіе "есть" извѣстно еще полякамъ. У Ягича /34/ приводится нѣсколько случаевъ подобнаго употребленія изъ старыхъ писателей; живымъ отголоскомъ подобнаго употребленія въ современномъ польскомъ служитъ jestem, jesteś, jesteśmy, jesteście, состоящее изъ jest и личныхъ окончаній соотвѣтствующихъ лицъ. И другія лица глагола есмь иногда встрѣчаются въ народныхъ произведеніяхъ, напр. еси, притомъ не только при 2-мъ лицѣ, но отчасти и при другихъ: "а еси государь нашъ крымскій царь" Пѣсни записки Рич. Джемса; "гой еси ты", "гой еси вы"; "охъ вы гой естя сильны могучи богатыри".

2/ Роль связки исполняютъ нѣкоторые глаголы, сходные по значенію со вспомогательнымъ глаголомъ быть. Но въ нихъ къ чисто формальному ихъ значенію присоединяется и нѣкоторая матеріальная окраска. Таковы, напр., случаи: погода стоитъ прелестная; лиса стала и сытѣй и жирнѣй; моровъ показался невеликъ; сдѣлалась моя Матрена ни пава ни ворона и т.д. Въ подобныхъ случаяхъ прилагательное большею частью бываетъ въ краткой формѣ.

3/ Еще болѣе матеріальнаго значенія привносятъ въ составное сказуемое нѣкоторые глаголы, означающіе движеніе или спокойное пребываніе на мѣстѣ: стою я твердъ и прямъ; задумчивъ бродитъ онъ; вы-

шли вонъ не только правы, чуть не святы; я уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой; онъ воротился пьянъ; онъ лежалъ пьянъ.

Въ заключеніе отдѣла о связкѣ замѣтимъ еще, что формы глагола быти /не "ѥсмь"/ употребляются не только въ смыслѣ εἶναι, но и γενέσθαι - сдѣлаться, явиться: идѣже послѣ бысть Киевъ Лавр. л., монастыреве починаху быти ib.; особенно сказанное относится къ формѣ бѫдѫ: да бѫдете мои оученици Зогр. Ев.; печаль ваша въ радость бѫдетъ ib.

Теперь разсмотримъ части рѣчи, входящія въ составное сказуемое, кромѣ связки. Въ составное сказуемое могутъ входить только имена: существительныя, прилагательныя, мѣстоименія, числительныя и причастныя формы; такимъ образомъ - части рѣчи, склоняемыя или склонявшіяся прежде, а теперь утратившія свою измѣняемость. Всѣ эти части рѣчи, входя въ составное сказуемое, согласуются съ подлежащимъ въ падежѣ, т.е. стоятъ въ именительномъ падежѣ. Это - древнѣйшее употребленіе. Со временемъ въ разныхъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и русскомъ въ составномъ сказуемомъ усилилась глагольность сказуемаго, вслѣдствіе чего связка начала пріобрѣтать постепенно реальное значеніе, а имя вслѣдствіе этого понемногу утрачивало свой предикативный характеръ и обращалось въ дополненіе или обстоятель-

ственное слово; въ послѣдней роли оно уже было не въ именительномъ, а творительномъ падежѣ.

Откладывая рѣчь о творительномъ предикативномъ на послѣ, остановимся здѣсь подробнѣе на именной части составного сказуемаго. I/ Если въ составное сказуемое входитъ имя существительное, то оно, кромѣ того, что стоитъ въ именительномъ падежѣ, еще согласуется съ подлежащимъ въ родѣ, конечно, если имя существительное имѣетъ разныя формы для мужескаго и женскаго рода, напр. ѣкось естъ Исоусъ пророкъ Зогр.Ев., бѣ Анна пророчица ib.; семоу двьрьникъ отъвръзаетъ ib.; глагола же раба двьрьница Петрови ib. Изъ народныхъ русс. произведенiй /Рыбн. IУ, I06/:

Запору́чили младу буйную головушку...
За каку вину - проступку великую?
Я не трудница была, не работница?
Я не бральщица была краснымъ ягодкамъ?
Не ломальщица боровымъ-то рыжичкамъ?

Конечно, не всегда возможно подобное согласованiе въ родѣ: ѥретици бо дръзноуше глаголати ꙗко тьма ѥсть диꙗволъ а бездьниꙗ бѣсове Iоаннъ Экз. Б.; сльзы бо соуть даръ божии Сб.Свят. I076; вѣра бо наша свѣтъ есть Лавр.л.; бози ваши древо соуть ib. Во множ. иногда бываетъ и согласованiе въ числѣ: рьци да каменниѥ се хлѣби бѫдѫть Остр.Ев. /здѣсь подлежащее въ един., но оно собирательное/.

2/ Когда въ составное сказуемое входитъ имя прилагательное или сходное съ нимъ по формѣ причастіе страдательнаго залога, то бываетъ согласованіе съ подлежащимъ въ падежѣ, родѣ и числѣ; при чемъ прилагательное и причастіе обыкновенно принимаютъ именную форму /краткую/; такъ дѣло обстоитъ уже искони: вѣрнѣи въ малѣ и въ мънозѣ вѣрьнъ естъ Зогр.Е., да видѧштеи слѣпи бѫдѫтъ ib., гонимъ бываашe ib. Тоже и въ русс. языкѣ древнемъ и современномъ: ребенокъ былъ рѣзовъ да милъ Пушк., вреденъ сѣверъ для меня ib., пѣснь его была ясна ib., когда прозрачно и свѣтло ночное небо надъ Невою ib.; бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ Лавр.л., бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани ib.; не бо николиже бѣ напрсьнъ ни гнѣвьливъ ни мръ очима, нъ милосьрѣдъ и тихъ и милость имѣѧкъ вьсѣмъ. Житіе Феодосія.- Въ современномъ русскомъ языкѣ /литературномъ и народныхъ говорахъ/ можно указать немало случаевъ, когда въ роли сказуемаго является и полная форма прилагательнаго. Въ однихъ случаяхъ, какъ "мужикъ былъ рослый", подобное употребленіе объясняется неблагозвучностью краткой формы прилагательнаго, но въ другихъ причина, вѣроятно, иная. Напр.: руки у нея бѣлыя; усы его и брови были черные Лерм.; платье на ней было бѣлое, какъ лебедь Гог.; друзья, пустой вашъ трудъ Крыл. По мнѣнію Буслаева, въ подобныхъ примѣрахъ опущено существи-

тельное, но Потебня /I-II^2, 175/ затрудняется видѣть подобный пропускъ. Отказываясь высказаться о причинѣ появленія подобныхъ оборотовъ, онъ замѣчаетъ, что "на такое прилагательное болѣе замѣтно падаетъ сила рѣчи, чѣмъ на безчленное". Несомнѣнно, скажемъ отъ себя, въ такихъ оборотахъ болѣе выдвигатеся признакъ, аттрибутъ, чѣмъ глагольная связка: "руки у нея бѣлыя" можетъ быть замѣнено совершенно равносильнымъ предложеніемъ "она имѣетъ бѣлыя руки" /ср. Jagić, 46-47/. Особенно ясенъ такой смыслъ, напр., въ слѣдующихъ фразахъ: стало быть, вы живая, а не мертвая Гонч.; душа въ немъ была довольно свободная Тург.; зима стояла долгая и упорная Акс. Въ малорусскомъ нарѣчіи употребленіе полной формы прилагательныхъ /иногда впрочемъ стянутой/ бываетъ чаще, чѣмъ въ великорусскомъ: Ентелл був тяжко смілий, дужий Котляр. и т.д. Но особенно развито подобное употребленіе въ бѣлорусскомъ. Тамъ краткая форма встрѣчается лишь какъ архаизмъ: Нашъ попъ млоды, его вусъ золоты и т.д.

Въ согласованіи прилагательнаго съ именемъ можно отмѣтить еще слѣдующія особенности:

а/ совершенно не подлежатъ согласованію прилагательныя съ основами на -*й* и -*ъ*, нынѣ несклоняемыя /близъ, неплънь, различь, свободь, соугоубь/: въистинѫ свободь бѫдете Зогр.Е.; вѣсте ѣко близъ

есть жѧтва ib.; со временемь всѣ такія прилагательныя удлинились еще вслѣдствіе прибавки новыхъ суффиксовъ и тогда уже стали согласоваться съ подлежащимъ /близъкъ, различьнъ, испльньнъ/.

б/ Когда содержаніе составного сказуемаго разсматривается въ отношеніи къ подлежащему, не въ тѣсномъ смыслѣ, а въ общемъ, тогда прилагательное обыкновенно ставится въ среднемъ родѣ един.числа: паче вьсего благааго житиѩ оугодьно богови кротость Супр.р.; имьже льгъко ѥсть въздоухъ Шестодн.Іоан.Экз.Б., грѣхъ сладко, а человѣкъ падко; левъ страшно, обезьяна смѣшно; въ Лавр.лѣт.: испытахъ прежде сихъ днии законъ вашь и есть ми любо вѣра ваша и служенье.

в/ Въ старину согласованіе подлежащаго со сказуемымъ въ родѣ простиралось и на сравнительную степень: Ольга, ѩже бѣ мудрѣиши всѣхъ чловѣкъ Лавр.лѣт.; гл҃ѭ же вамъ болии рожденыхъ женами пр҃къ іоана кръстителѣ никтоже нѣстъ. мьниі же въ цср҃стви божии болии его естъ Мар. Ев.; кольми паче вы есте лоучьше птицъ ib. Но уже рано, напр., въ древнерусскомъ въ подобныхъ случаяхъ возможно было употребленіе, средняго рода при именахъ всѣхъ родовъ: ты еси старѣе въ братьи своеи Лавр. л. Со временемъ этотъ средній родъ, а также форма множ. ч. на -е /-ше/ и вытѣснили согласованіе сравнительной степени съ именами, особенно, когда

сна утратила склоненіе: Левъ сильнѣе другихъ звѣрей; побогаче меня славный Новгородъ Был.; Царство львиное гораздо больше норки Крыл .

г/ Какъ на синтактическое явленіе слѣдуетъ взглянуть и на утрату во множ. числѣ въ современномъ русскомъ различія по родамъ у именъ прилагательныхъ краткихъ и причастій на -лъ; у первыхъ возобладала форма на -ы- /-и/, представляющая изъ себя именит. - вин. муж. и жен. рода, а у вторыхъ - форма именит. муж. рода: дома новы, сестры молоды, села разбросаны; люди видѣли, жены плакали, села горѣли.

3/ Въ составное сказуемое входитъ имя числительное. Такъ какъ оно въ формальномъ отношеніи совпадаетъ - одна часть - съ существительными, другая - съ прилагательными, то и роль числительнаго, какъ составного сказуемаго, могла бы совпадать съ ролью именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Однако числительное въ матеріальномъ отношеніи лишь отчасти идетъ въ сравненіе съ отмѣченными классами именъ, такъ какъ они, кромѣ обозначенія послѣдовательности или количества, не содержатъ въ себѣ другихъ признаковъ; поэтому и въ роли сказуемаго числительное встрѣчается рѣдко. Напр. азъ и отецъ едино есвѣ Мар. Ев. Современное: Дважды два - четыре. Порядковыя числительныя обыкновенно ставятся въ полной формѣ: мьноѕи бо бѫдѫтъ пръвии послѣдьнии

і послѣдьнии пръвии Мар. Е. Ни я первый, ни я послѣдній; онъ по счету пятый.

4/ Въ роли составного сказуемаго съ именами числительными сходны мѣстоименія. Они еще рѣже встрѣчаются въ этой роли: Кто это? - Это я. - Съ нимъ /сыромъ/ была плутовка такова Крыл. - Я самъ-другъ съ тобою Кольцовъ. - Что смерть ему? Пушк. - Облака были все тѣ же. Пушк.

5/ Но особенно интересны случаи выраженія составного сказуемаго причастіемъ. Объ однихъ изъ нихъ мы уже упоминали при именахъ прилагательныхъ: это - о причастіяхъ страдательнаго залога. Такъ какъ славянскіе языки особыхъ формъ для выраженія страдательнаго залога не имѣютъ, то въ нихъ эту роль исполняютъ или формы на *ся*, или описательныя образованія изъ формъ глагола есмь - быти и соотвѣтствующихъ причастій: δένδρον ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται = дрѣво посѣкаемо бываетъ и въ огнь въмѣтаемо; φόβῳ συνείχοντο = страхомъ одрьжими бѣахѫ; ὑπὸ ἀνέμου ἐλαύνεται = вѣтромъ женома есть /на ὑπὸ ἀνέμου διώκεται - вѣтромъ женеть ся/; παρεδόθη = вьсѣ мьнѣ прѣдана сѫтъ; ἐξεβλήθη = изгънанъ бысть и т.д. Такихъ оборотовъ масса въ старомъ языкѣ; въ новомъ они обычны только въ прошедшемъ времени: "что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ"; "Много бито-граблено, пора душу спасти" и т.д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ

составное сказуемое является, такъ сказать, по необходимости, потому что безъ измѣненія фразы нельзя бы передать греческаго оригинала. Описательная форма здѣсь по своему содержанію совершенно равносильна греческой простой. - Такимъ же составнымъ сказуемымъ въ старомъ языкѣ "поневолѣ" были и формы глагола на -лъ /причастіе прошедш. врем./ въ соединеніи съ формами есмь - быти: съпасениѥ, ѥже ѥси оуготовалъ; аще отъ мира бѣсте были, миръ оубо своѥ любилъ бы и под. Въ современномъ языкѣ, съ окончательной утратой формъ "есмь-быти" при прошедшемъ времени и съ обращеніемъ формъ аориста "быхъ, бы" въ простую частицу сослагательнаго наклоненія, эти формы - простое сказуемое, а не составное. Да и въ древнемъ языкѣ ихъ нельзя было поставить на одну степень даже съ такими случаями, какъ описаніе страдательнаго залога: тамъ "есмь" и причастіе чувствуются все же самостоятельными величинами /къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности могутъ прибавляться пояснительныя слова: тъгда бываше ѕѣло гонимъ/ тогда какъ здѣсь форма на -лъ и "есмь" - не раздѣльное цѣлое /поясненія въ отдѣльности къ каждой изъ частей прибавляемы не могутъ быть/.

Кромѣ этихъ случаевъ составного сказуемаго съ причастіемъ, въ томъ или другомъ видѣ извѣстныхъ и современнымъ славянскимъ языкамъ, въ старину были еще случаи употребленія въ роли составного сказу-

емаго причастій дѣйствительнаго залога настоящаго времени и отчасти прошедшаго. Таковы: бѣбо имѣѧ съѧжѣниѣ ἦν γὰρ ἔχων κτήματα ; бѣхѫ... ѣдѫште и пыѫште ἦσαν... ἐσθίοντες καὶ πίνοντες ; бѣ Иосифъ и мати его чюдѧштасѧ ἦν Ἰωσὴφ καὶ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες и т.д. /Jagić, 58-59/. Если судить по подобнымъ случаямъ, то можно бы подумать, что славянскій евангельскій текстъ буквально воспроизводитъ греческую конструкцію, но такое предположеніе окажется неправильнымъ, когда обратимся за справками къ оригинальнымъ произведеніямъ. Даже въ еванг. текстѣ составное сказуемое не всегда на мѣстѣ греч. описательной формы. Въ Остр. Ев. читаемъ: нѣсмь жко и прочии чловѣци грабителє... /ѥсмь/ алъчѧ /πλεονέκται/ дъва краты въ сѫботѫ, /ѥсмь/ десѧтинѫ даѭ /ἀποδεκατῶ/ вьсего, ѥлико притѧжѫ /въ другихъ текстахъ здѣсь пощѫсѧ, даѭ/. Массу подобныхъ примѣровъ можно читать въ русскихъ лѣтописяхъ /ср. у Ягича, 59-60, и у Потебни, I-II^2, 128 слѣд./: си суть свой языкъ имуще; бѣ обладая Олегъ Поляны; на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его; есть церки та стоѧщи въ Корсунѣ градѣ; бѣ Володимеръ любѧ дружину; Володимеръ бѣ велми немога и т.д. Въ Житіи Ѳеодосія XII в.: се по приключаю божию бѣша идоуще; бѣ по всѧ дни божьствьноую слоужьбоу съвьршаѧ и т.д. - Случаевъ составного сказуемаго съ причастіемъ на -въ встрѣчаемъ очень мало: дръзающе глаголютъ, ѩко-

же и хсъ бывъ єстъ Шестодн. Іоанна Экз.; аще ли покаявшеся будемъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ Лавр. л.; наѣхаша пещеру непроходну, въ ней же бяше множьство Чюди влѣзше Новг. л. Въ Остр. Ев. совершенно нѣтъ подобныхъ случаевъ /Потебня I-II^2, I32/. Невначительная распространенность составного сказуемаго на -въ + есмь зависѣла, вѣроятно, отъ того, что было подобное же образованіе на -лъ+есмь, притомъ очень распространенное, которое и вытѣсняло эти образованія. - Случаи составного сказуемаго изъ причастія дѣйствительного залога извѣстны были въ старину и другимъ славянскимъ языкамъ: аще ли кто есть съмоущаѥ и мате се, рьпьтьнь же и рпте се Хилан. Тип.; ки дворе лежещи ван в Гриж. грам. I275 оба примѣра сербскіе. Въ старочешскомъ: *takéž buďte i vnukové každý na svój rod zpomana Mex. vit.* I494. Такая распространенность разсматриваемаго оборота не можетъ объясняться греческимъ вліяніемъ. Несомнѣнно, онъ свойственъ былъ духу славянскихъ языковъ: греческая аналогія лишь поддерживала его. Современемъ онъ утратился, но вслѣдствіе того, что славянскіе языки въ большинствѣ случаевъ обратили относящіяся сюда причастія въ дѣепричастія, не способныя согласовываться съ подлежащимъ. Ставъ дѣепричастіями и вслѣдствіе этого нѣсколько измѣнивъ строй соотвѣтствующихъ предложеній, эти

обороты, какъ увидимъ современемъ, до сихъ поръ живутъ въ разныхъ славянскихъ языкахъ. Какая же причина вызвала ихъ появленіе? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ; но повидимому была тенденція выдвинуть самый признакъ, обозначаемый глаголомъ, въ ущербъ его развитію благодаря дѣятельности подлежащаго. По Ягичу /60/, "бѣ бо Володимеръ любѧ дружину" означаетъ "Владимiръ былъ любителемъ дружины", тогда какъ "Володимеръ люблѧше дружину" значитъ "Владимиръ любилъ дружину". - Общее стремленіе въ русскомъ языкѣ къ усиленію предикативности въ предложеніи окончательно вытѣснило изъ живого употребленія составное сказуемое разсматриваемаго рода. Лишь изрѣдка народный языкъ знаетъ въ подобной роли дѣепричастіе: и бывала я, сударь, по цѣлымъ днямъ не пиваючи, не ѣдаючи Мельниковъ; онъ пришедши; были всѣ уже проснувшись; полонъ дворъ каретъ наѣхавши; полна горница гостей сидя Шейнъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ пропущенъ еще глаголъ есмь-быти, но это вполнѣ естественно: здѣсь больше прошедшее время, а въ немъ современный языкъ не знаетъ "есмь" /сдѣлалъ, вм. сдѣлалъ ѥсмь/. Если не бываетъ этого глагола при причастіи настоящаго, то и въ такихъ случаяхъ нѣтъ ничего необычнаго: иногда "есмь" пропускается даже въ старомъ русскомъ: а владыка трухаѧсѧ и горѧ въ день знаемъ, а въ ночь печалуѧ-сѧ

Новг. лѣт.

Особенно обычно употребленіе въ старомъ языкѣ причастій въ роли составного сказуемаго /но безъ формъ "есмь-быти"/ тогда, когда они входятъ въ придаточное предложеніе, а въ главномъ бываетъ нѣсть, не бысть, не вѣмь и под. обороты съ отрицаніями, а иногда и безъ нихъ. Примѣры: нѣстъ кто милоуѧ и нѣстъ кто милосрѣдоуѧ Супр. р.; въ насъ бо ходѧть и нѣсть къто ихъ приѥмлѧ Свят. Сб. 1076; а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса Лавр. л.; аще не боудеть кто мѣстѧ Русс. Прав:; то же въ ст.-чеш. kdeż już nebyl kto pomoha Alex., ст.-польск.: urzędnik niema więcej robot żadnego dnia rozkazować niźli ma włodarzow, bo ich nie będzie kto dojźrząc /Jagić, 68/. Въ приведенныхъ примѣрахъ причастіе стоитъ въ придаточныхъ предложеніяхъ, означающихъ зависящій вопросъ; то же бываетъ послѣ "не вѣмь": не вѣста сѧ чесо просѧшта οὐ γὰϱ οἶδα τε τί αἰτεῦδέ ; не вѣдѧть бо сѧ чьто творѧште οὐ γὰϱ οἶδαν τί ποιοῦσι ; изъ лѣтописей: не вѣдяху, камо бѣжаще Лавр. л.; со временемъ стало возможно подобное употребленіе и послѣ неотрицательныхъ оборотовъ и даже не въ вопросительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ: и вѣдалъ сѧ будеть Володимеръ кого заемъ Ипат. л.; Володимеръ посла к нимъ жить с людьми с добрыми кому вѣрѧ Ипат. л. - Уже отчасти изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть,

что въ отношеніи употребленія причастій въ предложеніяхъ разсматриваемаго типа славянскій синтаксисъ пошелъ значительно дальше, чѣмъ греческій, такъ какъ есть немало случаевъ, гдѣ въ греческомъ *verbum finitum*, а по-славянски *participium*. Приведу еще нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ: ἤδει τί ἔμελλε ποιεῖν самъ бо вѣдѣаше чьто хотѧ сътворити; αἴρεις ὃ οὐκ ἔθηκας καὶ θερίζεις ὃ οὐκ ἔσπειρας въземлеши егоже не положь, жьнеши егоже не сѣѣвъ. Какъ легко причастная конструкція замѣняетъ *verbum finitum* можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра /Зогр. Ев. Матѳ. 25.24/: жьнѧ идеже нѣси сѣѣлъ и събираѭ ѭдоуже не расточь, гдѣ, насколько можно судить на "нѣси сѣѣлъ", "не расточь" = "нѣси расточилъ". Въ Ассем. Ев. и въ первой части фразы причастіе: ѣко жьнѭ идеже не сѣавъ. Еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ изъ русскихъ лѣтописей: умыкаху жены собѣ, съ неюже кто свѣщавсѧ Лавр. л.; инши пакы злии человѣци почаша добрыхъ людии домы зажигати кде чююче рожь Новг. л.; его же умѣючи, того не забываите, а его же не умѣючи а тому ся учите Поуч. Влад. Мон.; особенно часто употребляется причастіе отъ "хотѣти" и "мощи" напр.: да приходячи Ручь слюбное емлють елико хотячи Лавр. л.; а иже рѣзати въ недѣлю кто хотяче нѣту бѣды ни грѣха Вопрош. Кирика; серб.: дати имъ сьвѣтъ и помокъ какоре и себѣ коликоре моге грам

1189 г. Сюда же относится пословица: кто кого смога , тотъ того въ рога; малор. яко мога, що попадя. - Возможностью употреблять причастіе вм. *verbum finitum* объясняется между прочимъ нерѣдкое при соединеніе въ памятникахъ ц.-славянскихъ и древнерусскихъ причастія къ *verbum finitum* при помощи союзовъ и, ти, а, да, чего ни древніе классическіе языки, ни современный русскій не допускаютъ. Примѣры: крьштъ сѧ Исоусъ и възиде Зогр. Ев.; милосрьдовавъ о нихъ и исцѣли недужьныѧ *ib* ; также и ти Словѣ не не пришедше и сѣдоша по Днѣпроу Лавр. л.; съдумавъше же Полѧне и вдаша отъ дыма мечь *ib.*; блажени бо ѥже не видѣвъше ти вѣровашѧ Супр.р.; въ болѣе поздній періодъ русскаго языка вмѣсто такого "и" является "да": да шодши на Бѣлоозеро да вымалъ себѣ грамоту; жалуючи того Савки да жито ему отдали /ср. Ягичъ, 70/; почто приідосте с хромчемь тѣмъ а вы плотници суще Новгор.л.; жены рускыя въсплакашася а ркучи Сл. о п. Игор. То же встрѣчается и въ другихъ славян. языкахъ /*Jagić*, 71/.

Когда въ составное сказуемое входитъ не отвлеченная связка "есть-быти", почти совершенно лишенная матеріальнаго содержанія, а глаголъ "есть-быти" въ смыслѣ "находиться", "существовать", "имѣться", значитъ, связка съ нѣкоторымъ реальнымъ содержаніемъ, а иногда даже обозначающая и вполнѣ конкретное дѣйствіе или состояніе /явитися, стати,

стояти, мьнѣтися, сѣсти, лежати и т.п./, тогда причастіе сохраняется и въ современной рѣчи, но оно уже не измѣняется по родамъ и не склоняется, т.-е. оно обратилось въ дѣепричастіе.[x] Пока оно склонялось и согласовалось съ именемъ, оно несомнѣнно относилось къ послѣднему, служа его опредѣленіемъ; когда же оно утратило способность измѣняться, ставъ дѣепричастіемъ, оно, слѣдуя другимъ случаямъ поясненія глагола неизмѣняемыми частями рѣчи, стало относиться къ глаголу, служа приложеніемъ къ послѣднему. Память о прежнемъ согласованіи съ подлежащимъ сказывается въ томъ, что такія дѣепричастія могутъ быть при глаголахъ лишь въ томъ случаѣ, если ихъ можно обратить въ *verbum finitum* того же лица, что и подлежащее. Поясню сказанное примѣрами. Греч. ὅπως φανῆς νηστεύοντες — — въ Остр.Е. передано: да сѧ бышѧ ꙗвили чловѣкомъ постѧще; или ὅπως μὴ φανῇς νηστεύων - да не ꙗвишисѧ постасѧ; на современномъ языкѣ буквально эти обороты слѣдовало бы передать: чтобы вы не явились постящіеся, чтобы ты не явился постящійся; такъ однако теперь не говорятъ, а скажутъ: чтобы не явиться постясь /оборотъ не совсѣмъ обычный/. Здѣсь дѣепричастіе возможно

---

x/ Очень обстоятельно этотъ отдѣлъ разсмотрѣнъ въ книгѣ Овсянино-Куликовскаго: Синтаксисъ русск. языка, стр. 62 и слѣд.

лишь потому, что оно можетъ быть разложено на такой же *verbum finitum*, какъ и въ предложеніи, отъ котораго оно зависитъ /чтобы вы не явились, что вы поститесь; чтобы ты не явился, что ты постишься/. Теперь понятно, почему по-русски не допустимы такіе обороты, какъ "Въѣзжая въ село, виднѣлась церковь"; "входя въ комнату, всѣ сидѣли на стульяхъ": ихъ можно разложить лишь такъ: Когда мы въѣжали въ село, виднѣлась церковь; когда мы входили въ комнату, всѣ сидѣли на стульяхъ. Въ обѣихъ фразахъ дѣепричастіе, какъ видно, относится къ лицамъ не тѣмъ, какія въ главномъ предложеніи. Приведу еще нѣсколько примѣровъ на причастія при косвенныхъ глаголахъ /гдѣ въ современномъ русскомъ дѣепричастія/: Данило... сожалиси отославъ сына си Лва и воѣ Ипат. лѣт.; неубояшася князя два имуще Лавр.л.; люди его не переставають казѣчи землю его милости, 1501 г.; сѣдѣ Олегъ княжа въ Кіевѣ Лавр.л.; си же, отъ нѣлиже въ нидохъ, не прѣста облобызающи новѣ мои /οὐ διέλιπε καταφιλοῦσά/ Остр.Ев.- Нѣкоторые изъ приведенныхъ оборотовъ, быть можетъ и грецизмы, такъ какъ и въ греч.оригиналахъ здѣсь причастіе, но другіе - чисто славянская особенность; правда, современный живой языкъ больше предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ другія формы /ср. Потебня I-II^2, 151 слѣд./.- Особенно обычны разсматриваемые обороты при глаголахъ съ вполнѣ знаменательнымъ значеніемъ,

какъ въ примѣрахъ: Убояся побѣжѣ Олегъ Ипат. л.; и врази наши половци пришедъше возьмуть землю Русскую *ib.*; гражани же слышавше се и созвониша вѣче и т.п. Въ такихъ оборотахъ глаголы, въ родѣ: побѣже, возьмуть, созвониша и под., врядъ ли ужъ могутъ быть разсматриваемы, какъ связки, и причастія /а въ современномъ языкѣ - дѣепричастія/, стоящія при нихъ, могутъ быть посчитаны только какъ слова, поясняющія сказуемое /какъ бы ихъ ни назвать: дополненіемъ, обстоятельствомъ, приложеніемъ/, но не какъ часть составного сказуемаго. Если въ такихъ оборотахъ вмѣсто причастія поставить *verbum finitum*, то оно нисколько не будетъ въ подчиненіи къ главному глаголу: Олегъ убоялся и убѣжалъ, половцы придутъ и возьмутъ, горожане не слышали и созвали вѣче. Подробнѣе о дѣепричастіяхъ при сказуемомъ, какъ поясненіи его, будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Намъ слѣдуетъ еще вернуться къ случаямъ выраженія составного сказуемаго при посредствѣ существительнаго и прилагательнаго. Какъ мы помнимъ, эти части рѣчи обыкновенно ставятся въ именительномъ падежѣ, что и естественно, такъ какъ онѣ служатъ поясненіемъ подлежащаго. Однако же многіе живые славянскіе языки въ этомъ случаѣ допускаютъ, не второй именительный, а творительный сказуемаго. При нѣкоторыхъ не отвлеченныхъ связкахъ творительный иногда бываетъ и въ старомъ языкѣ, особенно

въ древне-русскомъ [ж]. Поясню сказанное примѣрами: ц.-сл. вьистинѫ сынъ божии ѥси въ польскомъ даетъ: prawdziwie jesteś synem bożym /въ другихъ славянскихъ языкахъ именительный/; да бѫдѫ съпричастьникъ Христоу Супр. р.; аще бо бы перевозникъ Ѥи, то не бы ходилъ царю городоу. Въ фразахъ, подобныхъ двумъ сейчасъ приведеннымъ, въ современномъ русскомъ долженъ быть творительный сказуемаго: сопричастникомъ, перевозчикомъ. - Когда глаголъ "есмь-быти" получаетъ оттѣнокъ "сдѣлаться", "стать" и имѣетъ такимъ образомъ нѣкоторое матеріальное содержаніе, то при немъ даже въ древне-русскомъ, а иногда и церковнославянскомъ бываетъ творительный падежъ: вьсе тѣло есть /ѧзвоѭ Сл. Григ. Наз.; быти вьсь огнемь Панд. Аптіоха; такомоу не быти ѥпископомь Супр.р. /ср. епископъ бо оуже поставьенъ нынѣ попъ не можетъ быти ѥѣ /; бяше была черепицею Лавр. л. Глаголы страдательнаго залога, приближающіеся по своему значенію къ разсмотрѣнному сейчасъ глаголу "есмь-быти", какъ "видѣтисѧ", "мьнѣтисѧ", "нарещисѧ", "познатисѧ", "слышатисѧ", творитисѧ", "ѧвитисѧ" и нѣкоторые средніе, какъ "слоути", "приити" и т.д., уже въ старину, рядомъ съ именительнымъ падежемъ, допускаютъ и творительный. Такъ рядомъ съ - съ бѫ-

---

ж/ Очень подробное и обстоятельное изложеніе этого отдѣла у Ягича /49-56/, Овсянико-Куликовскаго: Синт. русс.языка, 154-175, и у Потебни, II , 493-535.

детъ великъ и сынъ вышьнꙗаго наречетъ сѧ ; блаженыи Григории поставьенъ бысть патриархъ Супр.; по истинѣ бо чловѣчьска съмрьть оу господи сънъ мьнить сѧ iв.; отъидеши въ домъ свои чисть Сб. 1076 г.; толико бо бѣаше възлюбьеныи и славьныи градъ, ꙗкоже вторъи словѣѣше отъ цѣсарѣ града Супр. - мы имѣемъ и случаи съ творительнымъ, въ родѣ нижеслѣдующихъ: обрѣтоша .н҃. дѣвицъ дѣвою Кристин. Ап.; маломоштенѫ въ живомъ вънити Зогр. Ев.; и вьсь пѣсокъ земныи станетъ мышицею Исходъ XYI в.; плъти твоꙗ вьсѧ съвьрѧтъ и сокомъ сѧ сътворѧтъ Супр. /καὶ αἱ σάρκες σου ὡς χυλὸς γενήσονται/; сиротоѭ отъ родитель оставьенъ бысть iв.; его же слѣпивъ и самъ царемь ста Новг. л.; поставленъ бысть попомъ въ сыропустьную недѣлю, архiепископомъ по чистѣи недѣли iв.; сѣди вдовою въ дому отца твоего Быт.; прозвашася Русью Лавр. л.; примѣры изъ живой литературной и народной рѣчи: онъ 20 лѣтъ просидѣлъ столоначальникомъ; это извѣстiе является для меня неожиданнымъ; онъ сталъ купцомъ; расположенiе ея къ Литвинову оставалось тайной недолго; наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ; назначенъ былъ директоромъ;онъ живетъ бариномъ; какъ же мнѣ дѣвицѣ веселою быть Собол. II № 27; нонько крадци пришла скорая смеретушка.... по пути она

17545

летѣла чернымъ ворономъ, ко крылечку прилетѣла малой пташечкой Барс. I, I67; вьяне, сохне сиротою Шевч.; буде над ним ёго мила квіткою стояти и квіткою и калиною *ib.*; тяжко мені сиротою на сім світі жити *ib.*; лучше посідію дівкою Котляр. и т. д. - Уже приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы рѣшить нѣкоторые общіе вопросы: а/ Какая причина вызываетъ переходъ именительнаго въ творительный; б/ Когда въ русскомъ языкѣ предпочтителенъ тотъ или другой падежи?

Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, въ ц.-слав. и отчасти въ древнерусскомъ послѣ "есмь-быти" въ чисто формальномъ значеніи обыкновенно ставился именительный падежъ; когда же этотъ глаголъ по смыслу получалъ значеніе "статъ", "сдѣлаться", а также послѣ глаголовъ полуотвлеченнаго содержанія въ ц.-славянскомъ изрѣдка, а въ древнерусскомъ довольно часто уже ставится творительный предикативный, съ однимъ лишь ограниченіемъ - творительнаго не бываетъ послѣ "есмь" въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія. Очень часто бываетъ творительный при глаголѣ съ вполнѣ конкретнымъ содержаніемъ, но здѣсь творительный уже служитъ обстоятельственнымъ словомъ, являющимся простымъ поясненіемъ сказуемаго /соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла, онъ кричитъ пѣтухомъ и под./. Словомъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается конкретность настоя-

щей или мнимой связи въ составномъ сказуемомъ, чаще и чаще появляются формы творительнаго вмѣсто ожидаемаго именительнаго. Въ современномъ языкѣ, какъ увидимъ ниже, онѣ рѣшительно преобладаютъ. Какъ смотрѣть на творительный сказуемаго? Видѣть въ немъ часть составного сказуемаго врядъ ли можно. Разъ установленъ принципъ, что съ формальной точки зрѣнія подлежащимъ и сказуемымъ могутъ быть только именительные падежи, то и здѣсь на творительный слѣдуетъ смотрѣть не какъ на часть сказуемаго, а какъ на поясненіе глагольнаго сказуемаго въ роли ли дополненія, или обстоятельственнаго слова. Такое пониманіе оправдывается уже и тѣмъ, что связка при этомъ творительномъ бываетъ не съ чисто отвлеченнымъ содержаніемъ. Значитъ, бывшая связка при творительномъ предикативномъ и должна быть разсматриваема, какъ настоящее сказуемое.

Современный польскій языкъ и отчасти древній почти совершенно устранилъ второй именительный. Языкъ современный русскій знаетъ и тотъ и другой, хотя и отдаетъ предпочтеніе творительному. Постоянное свойство, или по крайней мѣрѣ продолжающееся, обыкновенно обозначается именительнымъ падежомъ /онъ ученикъ, онъ боленъ, онъ уменъ, морозы стоятъ жестокіе, онъ сдѣлался богатъ, сталъ голъ, какъ соколъ и т. д./; свойство временное, случайное обыкновенно выражается творительнымъ падежомъ /онъ

былъ купцомъ, будетъ чиновникомъ, она уже 10 лѣтъ сидитъ вдовою, онъ оказался нахаломъ, слыветъ чудакомъ, дѣло это представляется мнѣ загадкою, онъ упалъ мертвымъ и т. д./. Однако приведенное правило не можетъ считаться абсолютно необходимымъ. Буслаевъ /II, 264/ по этому поводу говоритъ: "падежи именительный и творительный при глаголѣ быть, во всѣхъ наклоненіяхъ, и доселѣ во многихъ случаяхъ замѣняются одинъ другимъ безъ всякой видимой причины". По наблюденію Овс.-Куликовскаго, второй именит. существительнаго во второмъ случаѣ въ современномъ русскомъ уже почти совсѣмъ не употребляется, но второй именительный прилагательнаго бываетъ еще довольно часто, особенно при глаголахъ сидѣть, лежать, стоять, итти, называться. Второй именительный обязателенъ при "одинъ" и "самъ": я живу одинъ, онъ пріѣхалъ самъ-шестъ, хлѣбъ уродился самъ-третей.

Такимъ образомъ въ замѣнѣ второго именительнаго творительнымъ, выражаясь словами Овсянико-Куликовскаго /168/, мы имѣемъ передъ собою картину эволюціи /развитія/ предложенія въ направленіи убыли именныхъ частей сказуемаго, прибыли его глагольности и умноженія несогласуемыхъ частей /дополненій, обстоятельствъ/ на счетъ согласуемыхъ. Отсюда, какъ дальнѣйшее слѣдствіе, явилась возможность замѣны прилагательнаго въ сказуемомъ нарѣчіемъ. Вмѣ-

сто "тамъ табуны его коней пасутся вольны, нехранимы" мы скажемъ: "пасутся вольны, безъ охраны"; вм. "онъ шелъ пѣшій" скажемъ: "шелъ пѣшкомъ"; рядомъ съ "И не веселъ идешь ты, не радошенъ" /Барс. I, 136/ народъ говоритъ: "Что же ты, дѣвица, не весело сидишь" /Собол. II, № 38/. Сюда же относятся и такія выраженія, какъ: "упали ницъ", гдѣ старинное прилагательное "ницъ" уже не склоняется; "здорово живешь" при народномъ бѣл. "будь здороў", малор. "здорові були". Сюда же относятся и случаи употребленія при глаголѣ дѣепричастій /я слушалъ молча/ и неизмѣняемыхъ сравнительныхъ степеней /онъ былъ красивѣе/.

Возможность составного сказуемаго основывается на томъ принципѣ, что нѣкоторые глаголы сами по себѣ не въ состояніи выразить тотъ признакъ, который необходимо приписать предмету, какъ возникающій отъ него. Этотъ признакъ, какъ мы видѣли, выражается именемъ /существительнымъ, прилагательнымъ и причастіемъ/ и мѣстоименіемъ, иногда даже неизмѣняемой частью рѣчи. Но иногда и такихъ способовъ выраженія сказуемаго оказывается недостаточнымъ: чтобы вполнѣ обозначить дѣятельность подлежащаго, приходится къ личной глагольной формѣ еще прибавлять неопредѣленное; получается такимъ обра-

зомъ какъ бы сложное сказуемое, напр. я хочу ѣсть; онъ сѣлъ писать и т. д.[ж] /. Въ курсѣ ц.-слав. языка мы касались происхожденія неопредѣленнаго. Тамъ было выяснено, что оно не что иное, какъ одинъ изъ падежей существительнаго отглагольнаго съ суффиксомъ *ti* ; русское неопредѣленное на - ть образовано, какъ это выясняется въ исторіи языка, не безъ вліяніе достигательныхъ на - ть; именного происхожденія инфинитивы и въ другихъ языкахъ. Однако постоянная связь неопредѣленнаго съ личными формами со временемъ такъ тѣсно пріурочила его къ глаголу, что оно стало чувствоваться только въ отношеніи его къ лицу, т. е. вполнѣ оглаголилось, стало глагольной формой, вошедшей въ тѣсную связь съ другими образованіями. Оно и само оказываетъ вліяніе на другія формы и, съ другой стороны, подвергается ихъ вліянію. Однако не смотря на все это неопредѣленное - форма не соотносительная: его не предполагаютъ другія глагольныя образованія, да и оно не предполагаетъ ихъ. Если неопредѣленное сравнить съ падежами имени, то оно болѣе всего напоминаетъ именительный падежъ, тоже падежъ несоотносительный. Какъ послѣдній является представителемъ именныхъ формъ, ихъ "началомъ", такъ, по-

---

ж/ Подробно этотъ вопросъ разсмотрѣнъ у Овс.-Куликовскаго: Синт. р. языка, 85-98; а также у Потебни I - II, 351 - 388.

этому, и неопредѣленное въ настоящее время является представителемъ личныхъ формъ глагола. Само по себѣ оно не обозначаетъ ни одного лица, но, находясь при личной формѣ, можетъ относиться ко всѣмъ лицамъ, даже къ неопредѣленнымъ: я пришелъ сказать *veni ut dicerem* I л., послы пришли сказать *legati venerunt ut dicerent* и т. д. Въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ неопредѣленное въ позднѣйшее время утрачено, оно и замѣняется соотвѣтствующей личной: "можете ли мнѣ вѣрить" по-болгарски будетъ: "мо́жете да ми вѣ́рувате?" "дайте намъ чего-нибудь поѣсть" = "дайте ни нѣшто да ядѐм"; "онъ хочетъ итти" = "той ште да иде" и т. д. Значитъ, неопредѣленное, само не выражаетъ никакого лица, все же содержитъ въ себѣ возможность отношенія къ лицу, данному въ предложеніи. Такимъ образомъ инфинитивъ въ настоящее время вполнѣ примкнулъ къ глаголу, вслѣдствіе этого онъ вполнѣ естественно можетъ входить въ составъ сказуемаго, а иногда даже и выражать сказуемое. - Тутъ можно провести полную параллель съ составнымъ сказуемымъ. Если даже не касаться такихъ формъ, какъ старинныя будущія: "хощ҂ , имамъ, начьнѫ пѣти", или современное "буду пѣть", вполнѣ аналогичныхъ *perfect*'амъ "пѣлъ ѥсмь", то все же мы найдемъ въ другихъ отношеніяхъ полную аналогію. Такъ I/ неопредѣленное стоитъ при сказуемыхъ съ слишкомъ ослабленнымъ значеніемъ, при которыхъ въ ста-

рину стояли причастія: вм. "прѣста глаголѧ", мы скажемъ "пересталъ говорить"; "сѣдѣ княжа" - "сѣлъ княжить"; таковы еще глаголы: начать, кончать, лечь, стать и др. Неопредѣленное при такихъ глаголахъ возможно было и въ старомъ языкѣ: хочю жити въ Переяславци Лавр. лѣт.;ста зимовати въ Бѣлобережьи ib., почахъ копати.... и трудихомся не могуще ся докопати, начахъ тужити Ипат. л.; вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю русьскую Сл. о п. Игор. и т. д. Нѣкоторые изъ такихъ глаголовъ имѣютъ и вполнѣ знаменательное значеніе /хотѣть, сидѣть и др./, но здѣсь съ неопредѣленнымъ они употребляются довольно формально. 2/ неопредѣленное стоитъ при сказуемыхъ съ значеніемъ вполнѣ знаменательнымъ, но эти сказуемыя сами по себѣ не въ состояніи вполнѣ выразить того, что требуется. Неопредѣленное тутъ относится, какъ и въ предыдущемъ случаѣ къ лицу подлежащаго, но можетъ быть отнесено и къ лицу дополненія, если послѣднее имѣется. Примѣры: боюсь ошибиться /= боюсь, что ошибусь/; желаю вамъ здравствовать /желаю, чтобы вы здравствовали/; умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ Лавр. л.; не терпя противу стати Ипат. л.; присла Романъ и Костянтинъ и Стефанъ слы къ Игореви построити мира первого Лавр. л. Послѣ глаголовъ движенія /какъ въ послѣднемъ примѣрѣ/ въ старину обыкновенно былъ супинъ. Въ обоихъ разсмотрѣнныхъ пунктахъ неопредѣленное вмѣстѣ съ личной формой

составляетъ какъ бы составное сказуемое, такъ какъ вмѣстѣ они точнѣе обозначаютъ признакъ, приписываемый подлежащему. Но есть еще 3/ случаи, когда неопредѣленное находится въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ личному глаголу; въ этомъ послѣднемъ случаѣ - неопредѣленное уже не часть составного сказуемаго, а рядъ добавочнаго сказуемаго. Въ элементарныхъ грамматикахъ оно обыкновенно называется дополненіемъ и отчасти можетъ быть замѣняемо существительнымъ. Однако оно не совпадаетъ съ дополненіемъ существительнымъ, такъ какъ отношеніе послѣдняго къ глаголу выражается падежными окончаніями, а ихъ-то и не имѣетъ неопредѣленное. Таковы случаи: я привыкаю работать /= къ работѣ/, я устала писать /= отъ писанія/, учила его мать креститься и т. п.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ во всѣхъ 3 пунктахъ примѣровъ, неопредѣленное относится или къ подлежащему, или къ дополненію; въ первомъ случаѣ при немъ можетъ быть лицо подлежащаго, а при второмъ дополненія. Въ первомъ случаѣ неопредѣленное и назовемъ субъективнымъ /въ нѣкоторыхъ случаяхъ - второстепеннымъ субъективнымъ сказуемымъ/, а во второмъ - объективнымъ /иногда объективнымъ второстепеннымъ сказуемымъ/. - Иногда второстепенное сказуемое употребляется и совершенно независимо отъ главнаго глагола, но и въ этомъ случаѣ оно усиливаетъ главное сказуемое; въ такой роли оно

всегда предшествуетъ главному глаголу: Глядѣть глядимъ, а видѣть ничто не видимъ; молоть не мелетъ, а только воду мутитъ; знать не знаю, вѣдать не вѣдаю и т. д. Неопредѣленное въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть разложено такъ: Что касается до того, чтобы мнѣ знать ....

Неопредѣленное субъективное и объективное, входящее въ сложное сказуемое, а также являющееся второстепеннымъ сказуемымъ, можетъ присоединяться и не къ глаголу, а къ прилагательному и даже имени, являющимся составнымъ сказуемымъ. Примѣровъ этого является много какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ языкѣ: хытри соуть зъло сътворити Сб. 1073 г.; мощьнъ еси помыслити Сб. 1076 г.; барсъ лишъ рѣзаться гораздъ Крыл.; я куму услужить готова Крыл.; ты пѣть великій мастерище Крыл.;онъ охотникъ повеселиться; я, чумакъ, пить горѣлку казакъ Ром. Бѣл. Сб.; упирь и знахурь ворожить Котл. Если подобныя nomina agentis обращаются въ nomina actionis, то получаются безличныя выраженія: "охота видѣть свѣтъ";"не пора ль за дѣло приниматься"; "неволя тебѣ ѣхать".

Особенности въ употребленіи глагольныхъ формъ, выражающихъ сказуемое.

Литература.

Miklosich: Vergl. Syntax^{2}, 763 - 880.

Буслаевъ: Синтаксисъ, II0 - I50.

Овсянико-Куликовскій: Синтаксисъ, 99 - I54.

Jagić: Beiträge, 72 - 88.

Ульяновъ /I и II ч./, Фортунатовъ: о Залогахъ. Его же въ "Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи въ I895 году."

Все раньше сказанное приводитъ насъ къ тому, что сказуемымъ обыкновенно служитъ глаголъ; даже въ составномъ сказуемомъ всюду была замѣтна убыль именного характера въ пользу глагольности. Славянскій глаголъ-сказуемое имѣетъ I/ лица, 2/ числа, 3/ времена, 4/ наклоненія, 5/ залоги и 6/ виды.

Измѣненіе по лицамъ - существенная особенность глагола. Лицо опредѣляется подлежащимъ: азъ нищть єсмь и оубогъ; вѣ хоштевѣ крьстиѧна быти; ꙗко же и мы оставлꙗємъ длъжьникомъ нашимъ и т. д. Такихъ лицъ оказывается 3 /лицо говорящее, къ которому обращена рѣчь и о которомъ говорятъ/. Если принять въ расчетъ еще такія выраженія, какъ "говорятъ", "пишутъ, "просятъ не курить" -то еще окажется 4-ое лицо неопредѣленное, или даже мнимое въ такихъ выраженіяхъ, какъ "свѣтаетъ". Впрочемъ допущеніе лицъ неопредѣленнаго и мнимаго возможно только по смыслу, но не съ формальной точки зрѣнія, а эта послѣдняя нами только и допускается. Такимъ образомъ лицъ 3

въ един. и во множественномъ числахъ. Личныя окончанія соотвѣтствуютъ подлежащему. Когда въ древнерусскомъ формы имперфекта и аориста перестали быть живымъ явленіемъ, то нерѣдко допускались отступленія въ согласованіи: тогда онъ поклонихся; азъ ту стояше Данiилъ Паломн. одинъ изъ позднихъ списковъ; особенно часты подобныя неправильности въ духовныхъ стихахъ: красота въ лицѣ его потребишася, а зрѣнье его помрачишася. Ср. Бусл. I34 и Лекціи Собол. 236-237. Если подлежащее обнимаетъ различныя лица, то сказуемое ставится во множ. числѣ, а лицо бываетъ преимущественное: отьць твои и азъ скрьбѧшта искаховѣ тебѣ; азъ и сынъ мои и братиѧ моѧ повиноуѭмъсѧ законоу; ты и сынове твои прославите сѧ.

Отступленіе относительно согласованія въ лицѣ представляетъ лишь форма "есть", которая, какъ мы видѣли можетъ быть въ современномъ русскомъ при разныхъ лицахъ: есть я гордая смерть; ты вѣдь есть роду русскаго; есть мы со славной матушки, со святой Руси; не мене ради муки сотворены есть и т. д. /Miklos., 764/. Въ этомъ же родѣ народныя произведенія знаютъ "еси": гой еси ты, доброй молодецъ; гой еси вы и под. Въ выраженіи типа "охъ вы гой естя, мои сильны могучи богатыри" - естя = есте = ест - е 3 л. ед., а не 2 множ. числа. - Народная рѣчь знаетъ при 2 лицѣ подлежащаго иногда 3 лицо сказуемаго, но это съ особой цѣлью: що найяснiйши

прынцъ требуе малор. Микл., 764.

Если лицо говорящее, передавая чужую мысль, желаетъ подчеркнуть, что она не его, а другого лица, то употребляются особыя глагольныя частицы, обыкновенно развившіеся изъ 3-го лица, при всѣхъ лицахъ глагола: угрозъ де твоихъ не боюсь; польск.: szukać inszego państwa rozkazował, bo to, pry, małe, które mam. Русское "де" объясняютъ какъ 3-е лицо отъ "дѣти" говорить: де = дѣѥ/ть/.

Что касается числа, въ которомъ ставится личная глагольная форма, то оно опредѣляется также подлежащимъ: глаголѭ къ вамъ; мы оставихомъ вьса.- При двойственномъ числѣ подлежащаго сказуемое обыкновенно въ двойственномъ /тъгда гла ѣма /двумъ женщинамъ/ ис. не боитасѧ. ідѣта і възвѣстита братрꙑ моеи... Зогр. Ев./. То же бываетъ, когда встрѣчается два подлежащихъ въ единств. числѣ: отьць мои и мати моꙗ остависта мѧ. Въ современномъ языкѣ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обыкновенно множественное: у нихъ были сынъ и дочь. - При подлежащемъ, выраженномъ именемъ собирательнымъ, сказуемое, въ старомъ языкѣ, какъ мы объ этомъ уже имѣли случай говорить, обыкновенно ставилось во множественномъ числѣ, особенно, когда обозначались лица: братиꙗ моꙗ къто сѫть; сънъмъ лѫкавыхъ одръжашѧ мѧ; рьци да камениѥ се хлѣби бѫдѫть; на Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь; идуть Русь и т. д. - От-

носительно "есть" въ русс. яз. современномъ мы уже говорили, что оно ставится и при множественномъ числѣ: И ноты есть у насъ и инструменты есть Крыл.; камни есть у насъ и рвы Пушк.; Малор. Хиба жъ є паны, якымъ гроши не мыли и под. - Нѣкоторое отступленіе отъ выставленныхъ положеній въ современномъ русскомъ представляютъ слѣдующія явленія: а/ употребленіе сказуемаго въ един. числѣ при многихъ подлежащихъ; если сказуемое предшествуетъ подлежащимъ, то оно иногда согласуется съ ближайшимъ: Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ Крыл.; дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка Пушк.; жилъ себѣ дѣдъ да баба Сказки. З/ При одномъ подлежащемъ сказуемое ставится во множ. числѣ, если къ подлежащему въ творит. падежѣ съ предлогомъ съ присоединяется другое слово /которое легко замѣнить именит. падежемъ съ союзомъ и/: На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись Крыл. в/ О множ. числѣ reverentiae /Его Высочество изволили требовать/ у насъ рѣчь была въ другомъ мѣстѣ. г/ При подлежащемъ во множ. числѣ сказумое, выраженное повелительнымъ, можетъ стоять въ един. числѣ: Стой, братцы, стой Крыл.; я затяну, а вы не отставай Крыл.

Глагольное сказуемое въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ другихъ родственныхъ, обозначаетъ времена, т. е. отношеніе дѣйствія къ моменту рѣчи; иногда это отношеніе бываетъ мнимое. Такихъ временъ въ

современномъ русскомъ 3, но въ древнемъ, какъ и въ ц.-сл. ихъ было значительно болѣе. Нѣкоторыя утраченныя времена въ настоящее время воспоминаются при содѣйствіи видовъ глагола.

Настоящее время обыкновенно обозначаетъ дѣйствіе или состояніе, происходящее въ моментъ рѣчи. Но форма настоящаго уже въ старину отъ глаголовъ вида совершеннаго употреблялась для означенія будущаго дѣйствія; отсюда естественно было смѣшеніе настоящаго и будущаго. Далѣе, нѣкоторыя дѣйствія и состоянія, происходящія въ данный моментъ рѣчи, происходили такъ и прежде и будутъ происходить, т. е. обозначаютъ явленія постоянныя. Бываютъ случаи, что мы и прошедшее дѣйствіе такъ живо передаемъ, какъ если бы оно совершалось передъ нашими глазами. Вслѣдствіе сказаннаго въ употребленіи настоящаго времени можно отмѣтить слѣдующія особенности.

а/ Настоящее употребляется для означенія дѣйствія продолжающагося, начавшагося не въ моментъ рѣчи и еще не окончившагося; особенно это слѣдуетъ сказать относительно глаголовъ вида многократнаго: сѣкыра при корении дрѣвъ лежитъ; къде Христосъ раждаѥтъсѧ ; ни въжагаѭть свѣтильника и постанлѩѭть ѥго подъ споудомь. Изъ современной русс. рѣчи: онъ хорошо плаваетъ; законъ гласитъ; Христосъ учитъ и т. д.

б/ Настоящее употребляется вм. будущаго, при

чемъ оттѣнокъ настоящаго въ такихъ глаголахъ еще не совсѣмъ исчезъ /дѣйствіе продолжающееся/: ѥгда же състарѣѥшисѧ, въздежеши рѫцѣ твои и инъ тѧ поѩшеть и ведеть тѧ ζώσει καὶ οἴσει, отъселѣ блажѧть мѧ вси роди ἀπὸ τοῦ νῦν μακαριοῦσί με πᾶσαι αἱ γενεαί. Въ современномъ русскомъ языкѣ должно быть вслѣдствіе подобнаго употребленія нѣкоторые глаголы въ настоящемъ времени стали обозначать видъ совершенный и употребляться исключительно съ значеніемъ будущаго; таковы: дамъ, куплю, рѣшу, кончу и под., хотя въ старину они имѣли и значеніе настоящаго: се дастъ /= даетъ/ посадникъ великаго Новагорода грам. 1483; продаютъ товаръ збойствомъ, а купятъ /= покупаютъ/ назойствомъ посл. XVII в.; сіе великое событіе навсегда рѣшитъ /= рѣшаетъ/ судьбу нашего отечества Жук. и т. д. Нѣкоторые глаголы еще до сихъ поръ пользуются одной формой и для обозначенія настоящаго и будущаго времени: крещу, велю, казню, женю. Вообще же въ современномъ языкѣ, начало чему было положено и въ древнемъ, глаголы, вида совершеннаго, какъ бы они ни были образованы, формой настоящаго обозначаютъ будущее время.

в/ Настоящее время употребляется вм. прошедшаго для приданія разсказу живости /praesens historicum мнимое настоящее/:

Выходитъ Петръ.

Его глаза сіяютъ.....

Выѣзжаетъ Илья во чисто поле.....

Наѣзжаетъ Святогора въ степи

На маленькую сумочку переметную:

Беретъ погонялку .....

Естественно, если въ такомъ смыслѣ употребить глаголъ вида совершеннаго, то отъ него нужно взять будущее время:

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:

Онъ обернется яснымъ соколомъ ....

А и будетъ Волхъ полтора часа,

Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ.

Такое употребленіе настоящаго свойственно только новымъ славянскимъ языкамъ: серб. цар узима злат-тан пехар вина, па говори свој господи србској; малор. выйшла сестрычка на круту гору, та гляне очкомъ на край Дунаю, ажъ тамъ козаки купоньками йдутъ. То же и въ другихъ слав. языкахъ. Но въ др. ц.-сл. языкѣ такихъ случаевъ нѣтъ. Тамъ даже греч. *praesens historicum* передается посредствомъ прошедшихъ временъ: ἄγγελος φαίνεται τῷ Ἰωσήφ = анъгелъ явисѧ Иосифоу; συνάγονται πρὸς αὐτόν = събрашасѧ къ немоу и т. п. /Миклош., IУ, 778/.

Къ настоящему отдѣлу примыкаетъ въ русс. языкѣ и такое употребленіе, какъ: "бывало мы предъ огонькомъ сидимъ съ родимой вечеркомъ сестра и я; поемъ смѣемся"..., гдѣ при настоящемъ еще форма "бывало"; здѣсь дѣйствіе происходившее представля-

ется какъ бы продолжающимся.

Послѣ настоящаго времени удобнѣе всего говорить о будущемъ; его мы отчасти и касались въ предыдущемъ. Здѣсь прибавимъ немногое. Какъ извѣстно, кромѣ настоящаго глаголовъ вида совершеннаго, будущее выражается еще описательно. Въ современномъ русскомъ языкѣ вполнѣ формальнымъ такимъ словомъ является "буду"; очень близко къ нему подходитъ "стану" /"стану сказывать я сказки"./ Однако этотъ послѣдній еще не сдѣлался вполнѣ отвлеченнымъ; онъ обозначаетъ нѣкоторую повторяемость дѣйствія. Еще больше реальности въ другихъ глаголахъ, обозначающихъ то же будущее, какъ "хочу", "начну" и под. Въ старомъ языкѣ "буду" въ данномъ случаѣ далеко не имѣло такого значенія: въ ц.-слав. БѫДѫ употреблялось только для образованія будущаго II /бѫдеть пришьлъ/ для перваго же служили глаголы: имамь, начьнѫ, хощтѫ ; то же и въ др. русск. языкѣ: азъ Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши и радоватися почнешь. - Како азъ хочю инъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣятися начнуть .... Лавр. л.; аще ся не вдасте, имамъ стояти и за три лѣта. Во всѣхъ такихъ образованіяхъ однако глаголъ "вспомогательный" не сталъ вполнѣ только показателемъ времени; видно это уже хотя бы изъ того, что стать, начать, имѣть, хотѣть отчасти въ такомъ же значеніи употребляются и при прошедшемъ времени. Въ современномъ мало-

русскомъ и отчасти бѣлорусскомъ нарѣчіи глаголъ иму обратился въ простой суффиксъ будущаго времени: проситиму, - меш и т. д. Къ старому "имамь" по употребленію больше подходитъ малорусское "маю" /"що маю діяти"/, сообщающее оттѣнокъ долженствованія.

Что касается прошедшихъ временъ, то въ современномъ русскомъ ихъ имѣется только одно, тогда какъ въ древнерусскомъ и особенно въ древнемъ ц.-слав. ихъ было нѣсколько. Такъ тамъ былъ прежде всего имперфектъ для обозначенія прошедшаго дѣйствія продолжающагося, т. е. тогда же какъ и въ древнихъ классическихъ языкахъ. Напр. ведѣахѫ же съ исмъ и ина дъва злодѣѣ съ нимь оубитъ. При соединеніи съ союзами /аште, елма, ако и под./ имперфектъ получаетъ нѣкоторый оттѣнокъ модальности, напр. аште скоро не позъвани бѫдѣахѫ , тѫжаахѫ /если не случалось, чтобы ихъ звали, они скорбѣли/ /подробно объ этомъ Ягича: Маріин. Ев., 458 *sq.*/. Древнерусскій языкъ также знаетъ имперфектъ, даже въ особой формѣ - со стянутымъ гласнымъ, причемъ вмѣсто ѣ обыкновенно ѣ ; есть даже отличія въ окончаніяхъ формъ /о чемъ у насъ рѣчь въ морфологіи/. Однакоже формы имперфекта извѣстны лишь тѣмъ памятникамъ, которые списаны въ церковнославянскихъ оригиналовъ; знаютъ его житія и лѣтописи; но совсѣмъ нѣтъ имперфекта въ грамотахъ, Русс. правдѣ. Очень можетъ быть, что очень рано XII в./ имперфектъ уже пересталъ быть живымъ явле-

ніемъ и лишь изрѣдка появлялся подъ перомъ лицъ, знакомыхъ съ ц.-слав. письменностью. Возможно также допустить исчезновеніе его во всѣхъ мѣстностяхъ неодновременное.

Еще сдѣлаемъ замѣчаніе относительно др.ц.слав. языка, что въ немъ имперфектъ нерѣдко образуется и отъ глаголовъ вида совершеннаго: смоквьница исъхнѣѩше *ficus arescebat* ; останѣахѫсѧ стъдости *obstinebant a dedecore* и под. /*Miklos.*, IУ, 786/.

Аористъ въ др. языкѣ церковнославянскомъ и русскомъ употреблялся тогда, когда обозначалось дѣйствіе наступившее въ прошедшемъ, т. е. тогда же, какъ и въ греческомъ языкѣ: постави и на крилѣ цръкъвьнѣѥмь *ἔστησεν αὐτὸν ἐπὶ τὸ πτερύγιον τοῦ ἱεροῦ*; сотвориша велий пиръ и отпустиша его въ путь .... Аористъ бываетъ и у глаголовъ вида совершеннаго и несовершеннаго: тъгда оученици вьси оставльше и бѣжашѧ Мате. 26.56. - Иногда аористъ, какъ и въ греческомъ, стоитъ на мѣстѣ прошедшаго совершеннаго, т. е. обозначаетъ закончившееся въ прошедшемъ дѣйствіе: друже, како въниде сѣмо = *πῶς εἰσῆλθες ὧδε*. Иногда по-гречески въ такихъ случаяхъ и стоитъ *perfectum* : съхранишѧ-*τετηρήκασι* . Аористъ отъ глагола быти - быхъ обыкновенно замѣняетъ греч. *imperfectum* : *ἡ τροφὴ αὐτοῦ ἦν ἀκρίδες καὶ μέλι ἄγριον* = ѣдь его бысть проузи и медъ дивии. Въ древнерусскомъ аористъ болѣе употребителенъ, нежели имперфектъ.

однакоже въ грамотахъ и онъ рѣдокъ. Какъ живое явленіе аористъ врядъ ли существовалъ долго. Его смѣнило прошедшее совершенное описательное. Впрочемъ въ видѣ одной окаменѣлости аористъ дошелъ даже до нашихъ дней; это чу: Да, чу, и къ завтренѣ звонятъ. Такая же окаменѣлость бы для образованія сослагательнаго наклоненія.

Прошедшее совершенное и давнопрошедшее - первоначально времена описательныя, употреблявшіяся тогда же, когда и въ классическихъ языкахъ. Въ древнемъ ц.-сл. языкѣ *perfectum* однако воспроизводитъ не только греч. *perfectum*, но иногда и аористъ: възлюбилъ ꙗ ѥси - ἠγάπησας αὐτούς, оучилъ ѥси - ἐδίδαξας и т. д. Повидимому, ц.-сл. *perfectum* по своему значенію было ближе къ латинскому, нежели къ греческому. Это же подтверждаютъ и данныя языка русскаго, въ которомъ аористъ, какъ мы видѣли очень рано уступилъ свое мѣсто *perfect*'у. О спеціальныхъ особенностяхъ русскаго *perfect*'а, состоящихъ въ пропускѣ вспомагательнаго глагола сначала въ 3-мъ лицѣ, а потомъ и въ остальныхъ, у насъ была рѣчь въ морфологіи. Въ живомъ русскомъ языкѣ вслѣдствіе указаннаго пропуска одно причастіе прош. времени на -лъ выражаетъ всѣ прошедшія времена. Обозначеніе разныхъ оттѣнковъ прошедшаго времени перешло на виды; такимъ образомъ, прежній имперфектъ обозначается видомъ несовершеннымъ /я несъ, носилъ/, аористъ

и перфектъ видомъ совершеннымъ /принесъ, дунулъ/; впрочемъ аористы отъ глаголовъ вида несовершеннаго могутъ передаваться и прошедшимъ вида несовершеннаго: любихъ = я любилъ. Русское прошедшее отъ глаголовъ вида несовершеннаго многократнаго получило возможность еще, кромѣ повторяемости въ прошедшемъ дѣйствія-/"мы по середамъ, по пятницамъ платье золовали, платье золовали мы, льны прядовали изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали, мы изъ хлѣба спорынью вынимывали"/,- обозначать и давнопрошедшее время /*plusquamperfectum*/: "а бывалъ деи тотъ лѣсъ искони вѣкъ Курскіе волости" грам. I587, "Ослы, не знаю, какъ-то знали, что прежде музы тутъ живали" Крыл. Впрочемъ въ древнерусскомъ, слѣды чего отчасти живутъ и до сихъ поръ, давнопрошедшее выражалось и другимъ способомъ: состояло изъ причастія спрягаемаго глагола на -лъ и прошедшаго соверш. глагола есмь: былъ есмь, при чемъ есмь рано начало отбрасываться: мати его завѣсила была оконьце завѣсѣмь; ищьло было грам. I284, повелъ былъ есми гр. I525 г. Въ современномъ языкѣ слѣды послѣдняго рода образованій, вѣроятно, въ сказочномъ выраженіи "жилъ былъ", да въ формахъ прошедшаго съ "бывало": говорилъ бывало, ходилъ бывало и под. - Церковнославянскій языкъ, какъ въ свое время было объ этомъ замѣчено, нѣсколько иначе образовывалъ свое давнопрошедшее: -лъ + бѣхъ, бѣахъ: въ тъ

часъ прѣдалъ бѣаше душѧ человѣкъ и под.

Отмѣчу еще нѣсколько особенностей въ употребленіи прошедшихъ временъ /главнымъ образомъ по Буслаеву, II, 137 - 139/. Такъ какъ въ перфектѣ въ старину собственно глагольная часть /есмь/ стояла въ *praesens* то естественно, что съ прошедшимъ сочетались другіе глаголы въ настоящемъ времени и сходномъ съ нимъ - будущемъ: "что ты, сударыня, идешь закручинилася" Кирша Дан. Обыкновенно такой оборотъ разбираютъ, какъ "идешь закручинившись," но на самомъ дѣлѣ по происхожденію онъ равенъ - идешь, еси закручинилася; или "молода княгиня испугалася, а и больно она передрогнула, посылаетъ стольниковъ и чашниковъ" и т. д.; опомнилась, глядитъ Татьяна" Пушк.; "ожегся на молокѣ, и на воду дуетъ" и т. д.

Въ старомъ языкѣ при описаніи природы обыкновенно употребляется прошедшее тамъ, гдѣ теперь настоящее: "а рѣка Десна потекла на полдни ко граду къ Рославлю, и не дошедъ 20 верстъ до Рославля, и поворотила на востокъ на зимней: текла 80 верстъ и поворотила на полдень; текла 100 верстъ до Брянска" Книга больш. чертеж. "/Кама/ своимъ устьемъ впала въ сине море" Сб. Кирши Д.. Впрочемъ логическое основаніе для такого употребленія и здѣсь есть: направленіе, напр., рѣкъ произошло тогда, когда [illegible] природному [illegible] ставленію онѣ впервые потекли.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ современномъ рус

скомъ языкѣ есть рядъ случаевъ, когда прошедшее дѣйствіе, совершившееся мгновенно, выражается посредствомъ особыхъ краткихъ формъ, совпадающихъ съ корнемъ слова:

Хвать друга камнемъ въ лобъ;

таковы же: глядь, толкъ, бухъ и под. Какого этимологическаго происхожденія эти окаменѣлости языка, трудно сказать; повидимому, это сокращенныя формы повелительнаго /хвати, гляди/.

Лица, числа и времена въ глаголѣ выражаютъ отношеніе признака глагольнаго къ субъекту. Но въ глаголѣ есть такія формы, которыя выражаютъ и качество этого отношенія. Послѣднее называется наклоненіемъ. Глаголъ, будучи соединенъ со словами склоняемыми, обозначаетъ то или другое сочетаніе признака съ субъектомъ. А это сочетаніе можетъ быть или дѣйствительное, основывающееся на явленіяхъ теперешняго или прежняго опыта, или только предполагаемое, не основывающееся на данныхъ опыта, а лишь на ассоціаціи идей. Въ первомъ случаѣ у насъ получается представленіе о предметахъ и явленіяхъ вполнѣ объективное, а во второмъ субъективное. Сочетаніе имени съ глаголомъ, соотвѣтствующее объективному представленію, обозначаетъ рѣшеніе реальныхъ явленій, а сочетаніе, соотвѣтствующее субъективному представленію, будетъ обозначать только отношеніе предметовъ нашей мысли. Оба эти отношенія - реальныхъ

предметовъ и нашихъ мыслей - находятъ выраженіе и въ языкѣ: въ наклоненіяхъ изъявительномъ и другихъ. Такъ какъ наши субъективныя представленія бываютъ различны по степени /или выражаютъ такія наши мысли, какія могутъ оказаться со временемъ соотвѣтствующими дѣйствительности, или обозначаютъ наши желанія, просьбу, приказаніе и т. д. , подчасъ даже неисполнимыя/, то и наклоненія, выражающія ихъ, бываютъ различны: сослагательное, повелительное, желательное. Въ др. ц.-славянскомъ и русскомъ языкахъ, какъ и въ другихъ славянскихъ, особыя образованія для желательнаго утрачены. Его функціи выполняются отчасти сослагательнымъ, отчасти повелительнымъ. Да и формы славянскаго повелительнаго, какъ вы помните, не что иное, какъ старинное желательное /берѣмъ-φέροιμεν берѣте-φέροιτε и т. д./. Такимъ образомъ въ славянскихъ языкахъ существуютъ особыя формы для изъявительнаго, сослагательнаго и повелительнаго наклоненій. Въ грамматикахъ указываютъ еще неопредѣленное; но оно подъ указанное опредѣленіе наклоненія, никоимъ образомъ не подходитъ. Эта форма не только не обозначаетъ качества отношенія признака къ субъекту, но и вообще не указываетъ на отношенія признака къ субъекту. Это отглагольное имя, не находящееся первоначально ни въ какомъ соотношеніи съ другими формами глагола. Всѣ наклоненія - формы глагола флексивныя. Со временемъ, какъ мы видѣли,

неопредѣленное ближе стало къ личнымъ формамъ рѣчи, даже въ новыхъ славянскихъ языкахъ стало входить въ образованіе нѣкоторыхъ временъ /будущее/; однако само по себѣ, безъ личной или подразумѣваемой глагольной формы, не бываетъ. Конечно не будетъ сказуемымъ неопредѣленное и въ такихъ выраженіяхъ, какъ: "На Волгѣ жить - хорошо слыть" /Буслаевъ. IV, 146/, такъ какъ здѣсь лишь пропущено "есть". Лишь кажущееся отступленіе представляютъ и такіе случаи, какъ: "Смирно сидѣть " "Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье", такъ какъ въ первомъ случаѣ неопредѣленнымъ выражается повелительное наклоненіе, да, кромѣ того, при немъ можно подразумѣвать "есть", "слѣдуетъ", а во второмъ оно на мѣстѣ сослагательнаго по особенностямъ русской рѣчи. О всѣхъ подобныхъ случаяхъ рѣчь у насъ будетъ въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, чтобы имѣть отношеніе къ подлежащему, неопредѣленное нуждается въ другомъ глаголѣ, имѣющемъ личныя окончанія, а выражающемъ главное сказуемое съ оттѣнками модальности.

Изъявительное наклоненіе констатируетъ лишь фактъ принадлежности признака субъекту въ настоящемъ времени, прошедшемъ или будущемъ, или отрицаніе этой принадлежности. То и другое основывается на данныхъ опыта и наблюденіи своего или чужого. Тутъ не обозначается никакой зависимости дѣйствія отъ воли лица говорящаго или отъ вліянія внѣшнихъ

условій. Совсѣмъ иное мы находимъ въ наклоненіяхъ повелительномъ и сослагательномъ.

Въ повелительномъ выражается требованіе, приказаніе, просьба, желаніе лица говорящаго. Для выраженія этихъ оттѣнковъ онъ пользуется какъ формой повелительнаго, такъ отчасти и другими /изъявительнымъ, неопредѣленнымъ/. Въ старомъ языкѣ особыхъ формъ повелительнаго было больше, нежели теперь: въ настоящее время въ повелительномъ имѣются только 2 л. ед. и мн. чиселъ /неси - несите/, остальныя же формы выражаются другими способами /1 л. мн. ч. изъявительнымъ, 3-ьи лица описательно/; въ старину повелительное не имѣло только 1 л. ед. ч., да 3-ье множеств. числа выражалось формою 2-го множ. числа. Въ синайской псалтыри впрочемъ /7.5/ встрѣчается единичная форма 1 л. ед. ч. отъпадѣмь на мѣстѣ греч. ἀποπέσοιμι. Употребленіе въ современномъ русскомъ языкѣ съ мѣстоименіемъ 1-го лица формы повелительнаго /а я и позабудь, скажи я ему одно слово и под./ не указываетъ на форму 1-го лица стариннаго желательнаго, а новообразованіе, возникшее на русской почвѣ, не противорѣчащее впрочемъ синтактическому употребленію желательнаго. Впрочемъ въ отмѣченномъ употребленіи, какъ увидимъ со временемъ, оно не имѣетъ значенія повелительнаго. Въ виду того, что 2-му л. ед. ч. приходилось чаще всего встрѣчаться въ современномъ языкѣ, вѣроятно, что оно могло обозначать приказаніе,

просьбу и т. д., обращенныя и къ другимъ лицамъ. Да уже и въ старомъ языкѣ былъ случай совпаденія формъ повелит. 2 и 3 л. ед. ч., совпаденія совершенно фонетическаго на славянской почвѣ послѣ отпаденія въ 2-мъ лицѣ *s*, а въ 3-мъ *t*. Это совпаденіе естественно ставило на второй планъ личное значеніе, а выдвигало модальность. Слѣдствіемъ всего сказаннаго было то, что въ современномъ русскомъ и даже въ старомъ форма единственнаго повелительнаго употребляется при всѣхъ лицахъ: накажи меня Господь /3 л./, тотъ стой одинъ передъ грозою /*id.*/, тотъ пей и ѣшь готовое /*id.*/, Сб. Кирши, я затяну, а вы не отставай; здравствуйте, тетки, здравствуй, лебедки, здравствуй, шалуньи, Даль; и они потомъ такъ не дуруй, чюжими землями насильствомъ не владѣй. - Да и форма множественнаго на -те не всегда равна старинному образованію: чаще, или лучше, обычно, она получается изъ 2-го единственнаго, къ которому только механически прибавляется - те: дай-те, оставь-те, неси-те /вм. дадите, оставите, несѣте/. Затѣмъ это -те стало чувствоваться только признакомъ множ. числа повелительнаго наклоненія безъ всякаго отношенія къ лицу /пойдем-те, нуте, полноте/. Словомъ, личныя наставки повелительнаго пришли въ упадокъ, особенно, такъ сказать, вывѣтрился суффиксъ повелительнаго. Естественно, что при выраженіи приказанія, просьбы и т. п. большую роль началъ играть контекстъ рѣчи, интонація голоса, да-

же лексическое значеніе слова. Отсюда понятно, отчего въ роли повелительнаго наклоненія въ современномъ русскомъ начинаютъ являться другія формы. Прежде всего изъявительное наклоненіе - настоящаго и будущаго времени: идемъ, пойдемъ! идем-те, пойдемте! Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду. Нѣтъ сомнѣнія, что изъявительное проникло въ подобныя образованія не безъ вліянія памяти о старыхъ формахъ, живущихъ до сихъ поръ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, на -ѣмъ, которыя послѣ гласныхъ и смягченныхъ согласныхъ уже въ старину совпадали съ изъявительнымъ на -имъ /"хвалимъ" и изъявит. и повелит./.

Очень обычно выраженіе изъявительнымъ наклоненіемъ 3 л. ед. и мн. ч., но тутъ обыкновенно уже прибавляется частица да. Это употребленіе древняго происхожденія: да бѫдеть волѭ твоѭ γενηθήτω τὸ θέλημά σου, болши въ васъ да бѫдеть вамъ слоуга ὁ μείζων ὑμῶν ἔσται ὑμῶν διάκονος, да не будутъ тебѣ бози иніи и т. д. Первоначально это да начинало зависящія предложенія, обозначающія цѣль /союзы ἵνα, ut/: рьци,да каменіе се хлѣби вѫдѫть = εἰπὲ ἵνα οἱ λίθοι οὗτοι ἄρτοι γένωνται; а затѣмъ отсюда перешло и въ самостоятельныя предложенія. Въ литературномъ русскомъ въ такомъ случаѣ да употребляется рѣдко, а обыкновенно "пусть", въ народныхъ говорахъ также "нехай": да продлитъ надъ то-

бою Зевесъ свои щедроты Крыл. Нехай возьмутъ, Сказанія р. н. I, 23, пусть хвалятъ; злодій нехай виситъ малор. При посредствѣ этихъ же частицъ, а также дай /собственно формы повелительно/ можетъ быть выражено повелительное и другихъ лицъ: дай пойду къ малюткѣ Тург., Наточи ми вина, та нехайже я напьюся. При помощи тѣхъ же частицъ извѣстно выраженіе повелительнаго и въ другихъ славянскихъ языкахъ /ср. Mikl., IУ, 780 - 781/.

Къ разсмотрѣннымъ двумъ случаямъ употребленія изъявительнаго вмѣсто повелительнаго подходитъ тотъ, когда говорящій употребляетъ будущее время для обозначенія дѣйствія, которое непремѣнно должно совершиться: завтра ты воротишься домой! Въ среду вы придете ко мнѣ! и под.

Для означенія желанія, которое непремѣнно должно исполниться употребляется въ русскомъ прошедшее, впрочемъ лишь въ немногихъ случаяхъ: пошелъ! Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ! Скорѣй! Пошелъ, пошелъ, Андрюшка! Пушк. Особенно развитъ этотъ оборотъ въ сербскомъ языкѣ: припомните ихъ - живио! или добро дошао - счастливаго пути и под.; малорусс. сіла, куронька, сіла! русс. народное - орёлъ тя댜далъ! и др. подобныя ругательства съ прошедшимъ временемъ. Съ восклицательной частицей нѣчто подобное было извѣстно и др. ц.-слав. языку: гароу тоу зълоби прѣсталъ конъць Супр. р. гароу ми было - εἴθε μοι γένοιτο.

Для означенія приказанія или запрещенія роль повелительнаго исполняетъ неопредѣленное: Смирно сидѣть, рукавовъ не марать, къ горшкамъ не соваться. Жук. Быть по сему! Молчать! Добро пожаловать! Подобное употребленіе, хотя и не древнее, однако извѣстно и другимъ славянскимъ языкамъ. Польск. siedzieć! milczeć! ani się ruszyć! Отчасти оно извѣстно и другимъ языкамъ индоевроп. семьи: греч. χαίρειν; ἄνδρα μένειν. ἀνδρὸς μάχεσθαι. Нѣм. nichts davon sagen.

Для усиленія смысла повелительнаго въ русскомъ языкѣ присоединяются формы: пожалуй, пожалуйста, давай, дай /о ней уже была рѣчь/: Пожалуйста покушай; пожалуй выруби вокругъ меня ты лѣсъ. Крыл. Давай попытаемся. - Съ подобною же цѣлью къ концу формы повелительнаго прибавляются: -ка, -тко: Послушай-ка, дружище. Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ. Крыл.

Еще сдѣлаемъ одно замѣчаніе чисто практическаго характера. Безъ отрицанія употребляются формы повелительнаго отъ глаголовъ вида совершеннаго и несовершеннаго, а съ отрицаніемъ отъ глаголовъ только вида несовершеннаго /садись! сядь! но не садись: не въ свои сани не садись/. Лишь въ одномъ случаѣ возможно повелительное съ отрицаніемъ отъ глаголовъ вида совершеннаго, это - если повелѣніе имѣетъ оттѣнокъ предостереженія: не скажи, не скажите! не въводи Его сѣмо noli eum hunc ducere; или запрещеніе исполненія дѣйствія: не въведи насъ въ искоушеніе

μὴ ἐσπτέρκης ἡμᾶς εἰς πειρασμόν.

Изъ предыдущаго можно было видѣть, что старинное желательное наклоненіе въ славянскихъ языкахъ, по своей формѣ, легло въ основу повелительнаго. Куда исчезла форма сослагательнаго, даже трудно сказать: быть можетъ нѣкоторый слѣдъ его можно подозрѣвать въ иныхъ образованіяхъ настоящаго, напр., въ I мъ лицѣ един. на ѫ , быть можетъ, изъ -ам а также въ отдѣльныхъ случаяхъ /которые впрочемъ можно и иначе объяснять/, какъ: бѫдѫ чрѣсла ваша прѣпоѣсана -ἔστωσαν /sint, sunto / αἱ ὀσφύες περιεζωσμέναι Лук. I2.35, бѫдѫ днье его мали; бѫдѫ чада его въ пагоубѫ /γεεννῆσωσαν/, но и здѣсь "бѫдѫ" не въ смыслѣ сослагательнаго, а скорѣе повелительнаго.

Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ всѣ функціи, которыя въ старину несли желательное и сослагательное наклоненіе въ славянскихъ языкахъ пришлось отправлять условному, которое, какъ вы помните, образовывалось двояко: или бралось бимь и къ нему присоединялось причастіе на -лъ, или же аористъ быхъ съ тѣмъ же причастіемъ, напр. аште не бимь пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не бѫ имѣли εἰ μὴ ἦλθον καὶ ἐλάλησα αὐτοῖς, ἁμαρτίαν οὐκ εἶχον – – – Іоан. I5.22 Мар. Ев.; то же въ Остром. Ев. /л.I70/: аще не быхъ пришълъ и глалъ имъ.грѣха не не бышѫ имѣли. Нѣкоторые оттѣнки бывшаго сослагательнаго и желательнаго выражаются, какъ увидимъ, даже изъяви-

тельнымъ и повелительнымъ наклоненіями, особенно это слѣдуетъ сказать относительно современнаго русскаго, въ которомъ, напр., повелительное можетъ стоять даже не мѣстѣ условнаго.

Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, въ современномъ русскомъ такъ называемое сослагательное по своему происхожденію есть не что иное, какъ старинное условное /conditionalis/ изъ причастія на -лъ + быхъ, только въ современномъ русскомъ формы бы, служившія для 2 и 3 ед. ч., распространилась на всѣ лица, что особенно легко произошло тогда, когда аористъ вообще вышелъ изъ употребленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бы тѣсно сливается съ союзомъ, который подчиняетъ придаточное предложеніе главному /чтобы, дабы, если бы, старинное абы, ажебы, ажбы/ По своему значенію современное русское сослагательное очень разнообразно, начало чему уже было положено и въ старинномъ условномъ. Такъ I/ оно обозначаетъ желаніе, исполненіе котораго не возможно или менѣе всего вѣроятно. Сослагательное обыкновенно здѣсь сопровождается какою либо частицей, показывающею чувства: кроу и того да быхъ не вѣдѣлъ Супр р. - εἴθε μὴ τοῦτον ἐγίγνωσκον,

кроу да бъ обрѣлъ Супр. Иногда бы /или би/ отсутствуетъ: кеша и не събрали събора, кеша и сице не бесѣдовали Супр. Въ современномъ русскомъ въ такихъ предложеніяхъ всегда оттѣнокъ сожалѣнія: о если бы я могъ предвидѣть это! Кабы на цвѣты да не морозы....

Типо-Лит. Ф. Регульскаго и К-мъ Видокъ 24.

кабы можно было начать жизнь сначала...

2/ Особенно обычно употребленіе условнаго-сослагательнаго въ условныхъ предложеніяхъ, когда при несоотвѣтствіи дѣйствительности протезиса невозможно допущеніе и аподозиса: аще бо отъ мира бысте были, миръ оубо своє любилъ бы εἰ ἐκ τοῦ κόσμου ἦτε, ὁ κόσμος τὸ ἴδιον ἐφίλει. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а конец по рѣзанѣ Слово о п. Иг. и т. д. Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ я ограничить захотѣлъ..., то вѣрно бъ кромѣ васъ одной невѣсты не искалъ другой.

Въ современномъ русскомъ сослагательное этого рода очень часто выражается формой повелительнаго: Не будь на то Господня воля, не отдали бъ Москвы; Щепотки волосковъ диса не пожалѣй, остался бъ хвостъ у ней Крыл.

Когда обозначается простое условіе, при которомъ допустимо извѣстное явленіе или дѣйствіе, то вмѣсто сослагательнаго можетъ употребляться и будущее: аще и грѣхы б҃ѣдетъ сътворилъ, отдастъ см ему κἂν ἁμαρτίας ᾖ ποιήσας, ἀφεθήσεται αὐτῷ. Какъ видно изъ приведеннаго, въ старослав. здѣсь между прочимъ будущее второе; то же и въ древнерусскомъ: аще ли купилъ буде гречинъ надъ хрестомъ, достоитъ ему да возьметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на немъ Лавр. л. Въ современномъ русскомъ и въ томъ и другомъ случаѣ ставится будущее I-ое:

коль до когтей у нихъ дойдетъ, то, вѣрно, льву не быть живому. Кр. Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей, не выходи тогда на шумный пиръ людей. Лерм.

3. Сослагательное употребляется, если въ придаточномъ предложенiи приводится мысль не говорящаго, а другого лица: вьниде же помышление вь нѧ, къто ихъ вѧште би былъ εἰσῆλθεν δὲ διαλογισμὸς ἐν αὐτοῖς τὸ τίς ἂν εἴη μείζων αὐτῶν.

Въ этомъ случаѣ въ современномъ русскомъ употребляется изъявительное наклоненiе, начало чему уже было и въ старомъ языкѣ: сьтѧзаашесѧ на пѫти. къто естъ болѣи. τίς μείζων ἐστίν.

4. Въ русскомъ языкѣ особенно развито употребленiе сослагательнаго съ оттѣнкомъ финальнымъ въ предложенiяхъ начинающихся съ чтобы. Самый союзъ "чтобы" спецiально русская особенность, ставшая большею частью на мѣстѣ стараго да съ будущимъ: того ради чтобы принесли ХУ в. Ветх. Зав. Рум. муз. въ исправл. да принесꙋтъ; вьзвѣстите ми, да и азъ шедъ поклонѭ сѧ емоу ἀπαγγείλατέ μοι, ὅπως κἀγὼ ἐλθὼν προσκυνήσω αὐτῷ.

Возможно впрочемъ при да и условное, напр., молишѧ и, да би прѣшелъ отъ прѣдѣлъ ихъ παρεκάλεσαν ὅπως μεταβῇ ἀπὸ τῶν ὁρίων αὐτῶν. Вмѣсто "чтобы" могутъ быть и др. союзы и даже мѣстоименiя. Примѣръ изъ др.-русскаго: поищемъ себѣ князя, иже

бы володѣлъ нами. Лавр. л. Въ современномъ русскомъ сослагательное въ финальныхъ предложеніяхъ при общемъ подлежащемъ вытѣснено неопредѣленнымъ: Возьми на часъ терпѣнья, чтобы квартетъ нашъ въ порядокъ привесть. Чтобъ горю пособить, такъ начали онѣ царя просить, и т. п.

5. Въ современномъ русскомъ сослагательное употребляется еще для выраженія нерѣшительности въ желаніи: Я бы просилъ васъ... Я бы не прочь получить... Иногда подобные обороты и для обозначенія желанія вообще: Стрѣла бъ тебя убила! Бѣсъ бы тебя побралъ!

О другихъ особенностяхъ въ употребленіи наклоненій можетъ быть рѣчь лишь при разсмотрѣніи придаточныхъ предложеній.

Признакъ, обозначаемый глагольною основою, можетъ быть въ разномъ отношеніи къ его субъекту. Эти различія въ отношеніи признака глагольнаго къ его субъекту выражаются формами залога. Изъ элементарныхъ грамматикъ вы знакомы съ разными залогами глагола: дѣйств., среднимъ, страдательнымъ, возвратнымъ, взаимнымъ, общимъ. Въ однихъ учебникахъ всѣ эти залоги разсматриваются, какъ равноправные, въ другихъ они соединяются по группамъ, при чемъ нѣкоторые залоги разсматриваются какъ

разновидности другихъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ грамматикахъ число залоговъ меньше. Если вы вникнете въ тѣ опредѣленія залоговъ, какія давались въ средней школѣ, то замѣтите, что они очень неустойчивы, и часто касаются не формальной стороны слова и отношеній признака къ производящему его предмету, а лишь матеріальнаго, словарнаго значенія отдѣльныхъ глаголовъ, съ одной стороны, и съ другой - эти опредѣленія имѣютъ въ виду дать тѣ рубрики, какія имѣются въ грамматикахъ классическихъ языковъ.

Для того, чтобы при рѣшеніи вопроса о залогахъ стать на правильный путь, мы обратимся къ знакомымъ намъ классическимъ языкамъ и посмотримъ,что тамъ служитъ основой при дѣленіи глагола на залоги. Въ греческомъ языкѣ 3 залога: дѣйствительный /activum/, общій /medium/ и страдательный /passivum/. Каждый изъ этихъ залоговъ имѣетъ свои особыя окончанія, причемъ medium и passivum въ нѣкоторыхъ формахъ имѣютъ общія окончанія и только различается по значенію: въ страдательномъ залогѣ на субъектъ простирается дѣйствіе со стороны другого лица /отецъ любимъ дѣтьми/, а въ общемъ - обозначается, что дѣйствіе совершается для дѣйствующаго лица, въ его интересахъ, въ угоду ему /онъ взялъ себя, для себя и под./. То же и въ латинскомъ языкѣ: страдательный залогъ имѣетъ особую форму; кромѣ

того, въ немъ есть глаголы относительные, которые очень подходятъ къ греч. media. Значитъ, греческій и латинскій языкъ пользуются особыми суффиксами для обозначенія залоговъ глагола: съ прибавленіемъ послѣднихъ мѣняется и значеніе глагола.

Такой же точки зрѣнія слѣдуетъ держаться и при распредѣленіи славянскихъ глаголовъ по залогамъ. Но тутъ мы прежде всего сталкиваемся съ такимъ фактомъ: славянскіе глаголы не имѣютъ особыхъ суффиксовъ для страдательнаго залога. Они предпочитаютъ страдательнымъ оборотамъ дѣйствительные. Уже въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ переводахъ сказывается это явленіе: ὅτι κατεκρίθη въ Остр. Ев. передано: ꙗко осѫдишѧ и; προσηνέχθη - приведошѧ ѥмоу длъжьникъ ѥдинъ ib.; ἐφοβοῦντο, ἵνα μὴ λιθασθῶσι - боꙗхоусѧ, да не камениѥмь побиють ихъ и под. Отъ формы страдательнаго залога имѣются только причастія, да и изъ нихъ настоящаго времени малоупотребительны, да и прошедшаго употребительны въ современныхъ славянскихъ языкахъ не отъ всѣхъ глаголовъ. Когда въ старину приходилось передавать страдательный залогъ, напр., греческихъ оригиналовъ, то, кромѣ другихъ способовъ, нерѣдко обращались и къ причастіямъ страд. залога и соединяли ихъ съ соотвѣтствующими личными формами глагола ѥсмь - быти: ἠλαύνετο - гонимъ бывааше; εἰ κεκοίμηται, σωθήσεται - аште оусъпе спасенъ бѫдетъ

и под. Др.-русс. бяхуть бо лодьи покрыти досками Ипат. лѣт.; увѣданъ бысть всѣми великій Антоній и чтимъ Лавр. л. Въ новомъ языкѣ, напр. русскомъ литературномъ подобные обороты встрѣчаются, но они не соотвѣтствуютъ духу языка и почти не извѣстны народной рѣчи /въ ней только безлично: "написано было у святыхъ отцевъ, удумано было у апостоловъ"/. Взамѣнъ ихъ, какъ уже было сказано, употребляется равносильный по смыслу дѣйствительный оборотъ, въ которомъ логическое подлежащее становится и грамматическимъ, а прежнее дополненіе грамматическимъ подлежащимъ.

Кромѣ этого способа передачи страдательнаго залога другихъ языковъ, есть еще и другіе, отчасти возникшіе уже въ старославянскомъ, отчасти въ болѣе позднее время. Это а/ передача страдательнаго залога посредствомъ формы дѣйствительнаго глаголовъ среднихъ: ἀλίσκεσθαι - оувазнѧти ; ἀπόλλυσθαι - погыбнѧти ; ἀπορεῖσθαι - сверѣпѣти exasperari; exsiccari - соушати /алчьбоѭ много соушаста Супр. р./, таково же "залечь" /залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того соловья разбойника/ "осіять" /вся поднебесная осіяла молніею. Пск. лѣт./, "позарастать" /позарасталы стеженькы мохомь и травою/. Но чаще всего и обычнѣе всего въ теперешнихъ славянскихъ языкахъ страдательный залогъ выражается б/ формой возвратнаго: ῥίπτεσθαι - помѣтаѣтьсѧ;

люблѣшесѧ паче вьсѣхь Іоань господемь; рѣка, ѥже слышитьсе Доунавь fluvius, qui vocatur Danubius и т. д.

Изъ разсмотрѣнія всего сказаннаго о передачѣ формъ страдательнаго залога въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ мы приходимъ къ заключенію, что въ этихъ языкахъ не можетъ быть рѣчи объ особой формѣ страдательнаго залога; есть тѣ или другіе способы передачи страдательнаго залога родственныхъ языковъ, но особыхъ формъ страдательнаго залога нѣтъ. А разъ нѣтъ страдательнаго залога, то ему не можетъ противополагаться и дѣйствительный, какъ нестрадательный.

Въ современныхъ славянскихъ языкахъ и особенное въ русскомъ въ роли показателя залога является въ настоящее время, да уже и въ старину, винительный падежъ возвратнаго мѣстоименія сѧ . Главная его роль въ соединеніи съ глаголами переходными показываетъ, что дѣйствіе возвращается на самого дѣйствователя, на подлежащее. Въ прежнее время относящіеся сюда глаголы и чувствовались какъ переходные, а сѧ было къ нимъ прямымъ дополненіемъ, а затѣмъ мѣстоименіе все болѣе и болѣе теряло свое реальное и даже чисто формальное значеніе, обращаясь постепенно въ глагольный суффиксъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ получать даже болѣе краткій видъ /сь/. Такимъ образомъ получились гла-

голы возвратные. Вслѣдствіе отмѣченнаго ихъ происхожденія они не могутъ имѣть при себѣ прямого дополненія /таковымъ при нихъ когда-то было ся/: мыться, чесаться, купаться, одѣваться, обуваться - уже и не чувствуются какъ глаголы переходные; если замѣнить ихъ ся посредствомъ себя и сдѣлать ихъ такимъ образомъ переходными, то смыслъ ихъ уже нѣсколько измѣнится: "я сегодня мылся" - главное вниманіе сосредоточено на дѣйствіи глагола и притомъ возвратномъ, а "я сегодня мылъ себя" - выдвигаетъ мѣстоименіе. Иногда даже получится совсѣмъ другой смыслъ: ср. "я иду стричься" и "я иду стричь себя".

Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ когда ся - сь явилось простымъ показателемъ залога, глаголы возвратные, какъ главные представители этого образованія, въ отношеніи залога стали на первомъ мѣстѣ. Имъ могутъ быть противопоставлены всѣ остальные глаголы, какъ не возвратные. Этими двумя группами и исчерпываются всѣ залоги русскаго языка въ его современномъ видѣ. Въ древнерусскомъ и особенно въ древнемъ церковнославянскомъ были употребительны еще образованія и страдательнаго залога хотя и не въ особенно широкихъ размѣрахъ; имъ конечно противополагались и образованія дѣйствительнаго залога, но теперь о послѣднихъ двухъ залогахъ не можетъ быть рѣчи.

Разсмотримъ подробнѣе образованія возвратнаго

залога /по статьѣ Ф. Ѳ. Фортунатова: "О залогахъ русскаго глагола". Сборникъ Отд. р. яз. и сл. XУII/ Тутъ нѣсколько разновидностей, но всѣ онѣ характеризуются тѣмъ, что образованы отъ глаголовъ переходныхъ, лишь съ прибавкой -ся ставшихъ непереходными. I/ Прямое возвратное дѣйствіе направляется на внѣшнюю сторону дѣйствующаго лица /тѣло, части лица/: умываться, защищаться и под. 2/ Значеніе взаимное, показывающее со стороны двухъ или нѣсколькихъ субъектовъ направляется на нихъ же самихъ: драться, грызться, цѣловаться и т.п. Взаимное дѣйствіе могутъ обозначать и глаголы невозвратные: разговаривать съ кѣмъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ современныхъ глаголовъ въ старину употреблялись съ ся, особенно въ безличныхъ оборотахъ: не воюеться съ Мьстиславичи. Ипат. лѣт.; какъ то намъ будетъ воеваться съ нимъ? Косвенное дополненіе при взаимныхъ глаголахъ обыкновенно присоединяется при посредствѣ предлога съ: а сталъ онъ водиться съ посадскими людьми. Кирша; между, межъ, промѣжъ и под.: и поздравлѧхꙋсѧ промежъ собою. Библ. I499, бѣлор. билися мижъ собку. 3/ Возвратное дѣйствіе обозначаетъ измѣненія, происходящія въ состояніи самого субъекта, такое же, какое глаголъ въ невозвратной формѣ производитъ въ объектѣ: сердиться, томиться, радоваться, садиться, кидаться и т.д. Впрочемъ здѣсь признакъ можетъ разсматриваться и въ отвлеченіи отъ объекта, т.-е. по от-

ношенію лишь къ субъекту дѣйствія, особенно это слѣдуетъ сказать про такіе глаголы, какъ кусаться /относительно одного предмета/, браниться /тоже/, обѣшаться, проситься, послаться /и послася Изяславъ къ Ростиславу Ипат. лѣт./ и т.д. 4/ Раньше уже мы видѣли, что возвратная форма съ удобствомъ выражаетъ и страдательный залогъ: и здѣсь ся обозначаетъ дѣйствіе, принадлежащее мнимому дѣятелю-субъекту, переходящее на него, но только со стороны другихъ лицъ, какъ истинныхъ дѣятелей. Прибавленіе -ся во всѣхъ разсмотрѣнныхъ разновидностяхъ возвратнаго залога измѣняетъ значеніе признака глагольнаго изъ переходнаго въ непереходное и тѣмъ тѣснѣе связываетъ его съ субъектомъ. А измѣненія въ отношеніи признака къ субъекту и есть дѣло залоговъ глагола.

Подъ вліяніемъ разсмотрѣнныхъ образованій несомнѣнно явился цѣлый классъ глаголовъ съ ся, въ которыхъ уже нѣтъ залоговаго оттѣнка: въ однихъ изъ нихъ ся только усиливаетъ значеніе и безъ того непереходнаго глагола /старѣть и старѣться, краснѣть и краснѣться, хвастать и хвастаться, смотрѣть въ зеркало и смотрѣться въ зеркало и пр./, а въ другихъ и этого не дѣлаетъ /лѣниться, бояться, надѣяться и под./. Послѣдняго рода глаголы безъ ся въ настоящее время даже совершенно не встрѣчаются; по своему значенію они вообще ничѣмъ не отличаются отъ глаголовъ непереходныхъ. Послѣдня-

го рода глаголы въ грамматикахъ обыкновенно назы-
ваются общими. Однако видѣть въ нихъ "общій залогъ"
не приходится, такъ какъ присоединеніе ся въ такихъ
глаголахъ не мѣняетъ отношеніе привнака къ его
субъекту. Нѣсколько подходятъ къ общему залогу лишь
тѣ глаголы, въ которыхъ ся все же нѣсколько усили-
ваетъ значеніе глагола, таковы: ст.-слав. жалитисѧ
при жалити lugere, каѧтисѧ при каѧти vituperare,
коснѧтисѧ при коснѧти /коснѧ и въ ѧзыкъ/, отъме-
татисѧ при отъметати abiicere /отъметатисѧ блѧдъ/,
молитисѧ при молити precari, пастисѧ при пасти ca-
dere, прѣслоушатисѧ при прѣслоушати παρακούειν —
и т.д. /Mikl., IУ, 267/, русс. согласиться, воротить-
ся, загниться, прогуливаться и под. Отъ нихъ особен-
но въ старомъ языкѣ возможны были и формы безъ ся.
Къ общимъ глаголамъ въ старославянскомъ могутъ быть
отнесены и нѣкоторые предложные глаголы: възалкатисѧ
при възалкати, въздрѣматисѧ при въздрѣмати, въсмръ-
дѣтисѧ при въсмръдѣти, прозрѣтисѧ при прозрѣти и т.д
/Mikl., IУ 268/, русс. добѣгаться, дошумѣться, на-
молчаться, отстояться, уходиться. - Наконецъ харак
теръ общаго залога имѣютъ нѣкоторыя причастія въ
русской народной пѣсенной рѣчи, напр.: бился цѣлыя
суточки не ѣдаючись и не пиваючись и добру коню от-
дыха не даваючись и под.; здѣсь сь быть можетъ и
не изъ ся, а си.

Вліяніемъ глаголовъ возвратныхъ слѣдуетъ объяс-

нять и то, что ся входитъ иногда въ образованіе глаголовъ безличныхъ /и вѣрится и плачется и такъ легко.../. Здѣсь ся усиливаетъ непереходность глагола и отвлекаетъ дѣйствіе не только отъ объекта, но и отъ субъекта.

Еще замѣчаніе относительно мѣста ся. Въ современномъ русскомъ языкѣ ся всегда тѣсно примыкаетъ къ глаголу; не то было въ языкѣ древнерусскомъ и старославянскомъ: тамъ сѧ могло даже предшествовать глаголу: мѫкы сѧ боѥ гєѡньскыѧ Супр. р.; чьто сѧ надѣѥши Остр. Ев.; и сему ся подивуемы Лавр. л.; и тако ся чужаше Новг. лѣт.; бѣденъ часто ся озираетъ, хотя и не ево кличютъ; лиска лжотъ да на хвостъ ся шліотъ. Пословицы XVIII в. Въ старомъ западно-русскомъ и малорусскомъ нарѣчіи было то же. Повидимому, въ прежнее время сильнѣе чувствовалось мѣстоименное значеніе сѧ. Если подрядъ слѣдовало два возвратныхъ глагола, то въ старославян. и древнерусс. при второмъ сѧ могло опускаться: да не съмѧщаѥтьсѧ ср҃дце ваше ни оустрашаѥтъ Остр. Ев., ино мнѣ постритчися не хочетъ Стихотв. запис. Ричардомъ Джемсомъ въ XVII в.

Всѣ глаголы невозвратнаго залога, не имѣющіе ся, могутъ быть раздѣлены по своему значенію на два разряда: переходящіе и непереходящіе. Но это уже не будутъ залоговыя особенности. Непереходящими являются и всѣ глаголы возвратнаго залога. И такъ

называемые средніе глаголы не составляютъ залога, такъ какъ признакъ ихъ непереходность, свойственъ и глаголамъ возвратнымъ. Часто глаголы одного и того же корня могутъ быть дѣйстьительными и средними въ зависимости отъ тѣхъ суффиксовъ, на которые оканчивается глагольная основа; особенно замѣчательны суффиксы: и, ѣ, а, нѫ /ср. соушити, но съхнѫти, бѣлити и бѣлѣти, лешти и ложити, родити и раждати/.

По вопросу о залогахъ работа Ульянова: Значенія глагольныхъ основъ въ лит.-слав. яз. I ч., ср. особенно стр. 297 и слѣд. и разборъ ея у Фортунатова: Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г. На залоги Ульяновъ держится не совсѣмъ правильнаго взгляда, но матеріала научнаго собрана масса.

Такимъ образомъ вмѣсто, напр., греч. залоговъ дѣйствительнаго /переходные глаголы и не переходные/, общаго и страдательнаго, въ современномъ русскомъ имѣемъ залоги:

I возвратный, къ которому относятся	II невозвратный, къ которому относятся:
Собственно возвратный, взаимный, страдательный, къ нимъ примыкаютъ и формы общаго залога.	Глаголы переходные - дѣйствительные, непереходные - средніе.

Обстоятельное изложеніе разныхъ залоговыхъ разновидностей, только по другой системѣ у Овсянико-Куликовскаго.

Изъ всего сказаннаго о глаголѣ сказуемомъ можно было видѣть, что различныя его ѳормы - лица, числа, времена, наклоненія и залоги - имѣли значеніе лишь по отношенію къ субъекту. Всѣ эти ѳормы самостоятельно, безъ отношенія къ другому слову, при томъ взятому въ именительномъ падежѣ, немыслимы. Признакъ, обозначаемый глаголомъ, самъ по себѣ не имѣетъ реальнаго существованія, а только приписывается извѣстному субъекту. Совершенно иного рода ѳормы вида глагола. Ѳормы, напр., лица находятся между собою въ соотношеніи: одно предполагаетъ другое, и не предполагаютъ такой ѳормы глагола /въ лицахъ/, которая съ ними не была бы несоотносительной; ѳормы видовъ глагола несоотносительны: если мы возьмемъ, напр., дѣйствіе продолжающееся, то у насъ не явится представленія ни о началѣ, ни о концѣ дѣйствія. Это синтактическое, или лучше семазіологическое основаніе находитъ для себя подтвержденіе и въ морѳологіи: ѳормы вида уже въ индоевропейскомъ общемъ языкѣ были словообразовательными, а не ѳлексивными.

Говорить о видахъ глагола особенно важно въ русской грамматикѣ, такъ какъ вслѣдствіе утраты нѣсколькихъ ѳормъ для выраженія времени русскій языкъ сталъ прибѣгать къ видамъ глагола. Вслѣдствіе этого средства для обозначенія вида глагола въ немъ особенно развиты. - Обыкновенная школьная граммати-

ка различаетъ въ глаголѣ 3 вида: несовершенный, совершенный и многократный, иногда еще однократный. Но такое дѣленіе не выдерживаетъ критики. Когда указываютъ виды совершенный и несовершенный, то въ основу дѣленія кладутъ длительность дѣйствія; когда же говорятъ о видѣ многократномъ и однократномъ, то имѣютъ въ виду кратность дѣйствія. Но оба эти признака не совпадаютъ. Совершенность и несовершенность дѣйствія оказываются признаками родовыми по отношенію къ многократности и однократности, которые вслѣдствіе этого будутъ видовыми признаками. Правда, оба эти признака славянскихъ глаголовъ объединяются въ томъ отношеніи, что изображаютъ дѣйствія съ ихъ качественной стороны. Особенно богатъ видами современный русскій языкъ, но и въ старину они также были достаточно развиты.

Такимъ образомъ всѣ глаголы по роду дѣйствія, ими выражаемаго, распадаются на два главныхъ класса:

I глаголы вида несовершеннаго и
II глаголы вида совершеннаго.

Глаголы перваго рода обозначаютъ дѣйствіе неоконченное, длящееся, протекающее /verba imperfectiva/ вести, водити, падати и т.д.; глаголы второго рода показываютъ дѣйствіе законченнымъ, протекшимъ /verba perfectiva/: сѣсти, дати, взяти и т.д. Несовершенное дѣйствіе тоже можетъ быть разнаго каче-

ства: а/ длительное, безпрерывно продолжающееся /verba durativa/: нести, бити, ити, тешти, или б/ кратное, продолжающееся съ перерывами /verba iterativa/: ходити, бивати, носити и т.д. Такъ какъ въ первомъ случаѣ обозначается направленіе дѣйствія къ опредѣленному пункту, къ извѣстной цѣли, то можно назвать глаголы этого подкласса глаголами вида несовершеннаго, длительнаго, опредѣленнаго; кратные глаголы обозначаютъ дѣйствіе, совершающееся въ неопредѣленномъ пространствѣ; ихъ поэтому и назовемъ глаголами вида несовершеннаго, кратными, неопредѣленными. Въ русскомъ языкѣ, въ которомъ рано былъ утраченъ imperfectum, развились еще в/ глаголы вида несовершеннаго многократнаго, обозначающіе частную повторяемость дѣйствія: похаживать, раздумывать приговаривать и т.д.

Глаголы вида совершеннаго могутъ обозначать а/ совершившееся дѣйствіе некратное: лѧгѫ, падѫ, рождѫ и т.д.; но тутъ можетъ быть обозначаемо начало дѣйствія: запѣть, заговорить, или β) его окончаніе: написать, убрать, спѣть и т.д. или б/ совершившееся кратное: α)дѣйствіе распространилось на нѣсколько объектовъ или исходило отъ нѣсколькихъ субъектовъ /оубити/; β) можетъ быть совершено въ одно мгновеніе: русск. толкнуть, мигнуть, чихнуть. Такимъ образомъ виды глагола можно представить въ слѣдующей схемѣ:

Типо-Лит. Ф. Регульскаго и Ком. Видокъ 24.
175-5

I несовершенный { а/ длительный, б/ кратный, в/ многократный.

II совершенный { а/ некратный { α/ начало дѣйствія, β/ окончаніе дѣйствія. б/ кратный { α/ распространеніе на многихъ объект β/ однократное дѣйствіе.

Какими средствами пользуется языкъ для выраженія всѣхъ указанныхъ оттѣнковъ /измѣненіе гласнаго въ корнѣ, особые суффиксы, приставки: ср. катить, катать, катывать, закачать, прикатить, накатить, катнуть и под./, можно читать въ спеціальныхъ работахъ, посвященныхъ этому предмету: у Ульянова: Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, II ч., и у Фортунатова въ отзывѣ на эту работу /Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г., а также у Буслаева въ Синтаксисѣ и у Миклошича /Vergl. Gram. IV/. Мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ изъ древняго языка /современныхъ масса у Овсянико-Куликовскаго, 143-154/: несовершенный видъ: видѣ дъва братра... въмѣтавшта мрѣжѫ въ морѥ- εἶδε δύο ἀδελφούς βάλλοντας ἀμφίβληστρον εἰς τὴν θάλασσαν; сила изъ него исхождааше и ицѣлѭаше вьсѧ- δύναμις παρ' αὐτοῦ ἐξήρχετο καὶ ἴατο πάντας ; нача поострибати на ослѣпленіе Ипат. лѣт.; сътвори же Рюрикъ Ростиславу велми силну свадбу, ака же несть бывала

ьъ Руси, Лѣт. по Лавр. сп.; а сами есмя озеро Волгонь неводомь волачивали и бобры бивали... А прежъ того есмя .... ту вотагою стаивали... рыбу въ немь лавливалъ и бобры бивалъ. грам. 1530 г. Совершенный видъ: на рѫкахъ възьмѫтъ тѧ- ἐπὶ χειρῶν ἀροῦσί σε, дадите ми млатъ желѣзьнъ и съкроушѫ его, Супр. р.; др.-русск. свергъ порты, сунуся въ Днѣпръ и побреде Лавр. лѣт.; прысну море... стукну земля, въсшумѣ трава, Сл. о п. Игоревѣ. Въ современномъ яз.: подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу, Крыл.; Татьяна прыгъ въ другія сѣни, Пушк.

Въ славянскихъ языкахъ видами глагола достигается то же, что въ другихъ основами равныхъ временъ, напр., въ греч. языкѣ основой аориста и будущаго. Но тогда какъ въ греческомъ однѣ формы образуются только отъ основы настоящаго /напр. πίπτειν, βάλλειν /, а другія только отъ основы аориста/ πεσεῖν, βαλεῖν /, въ славянскихъ языкахъ имѣются полныя образованія и отъ глаголовъ вида несовершеннаго и отъ глаголовъ вида совершеннаго. Конечно, по самому значенію временъ у глаголовъ вида совершеннаго они будутъ обозначать не то, что у глаголовъ вида несовершеннаго, напр. настоящее глаголовъ вида совершеннаго будетъ имѣть значеніе будущаго.

И виды славянскихъ глаголовъ, какъ и всякія другія явленія въ живомъ языкѣ, не остаются непод-

вижными. Часто, напр., бываетъ, что въ глаголѣ вида несовершеннаго утрачивается его длительная форма; тогда ея мѣсто заступаетъ кратная форма, которая въ этомъ случаѣ утрачиваетъ свою кратность. Такъ въ русскомъ языкѣ вмѣсто рѣдкаго "бости́ - боду́" /напр.: быкъ реветъ, корова реветъ, а кто кого бодетъ, самъ чертъ не разберетъ/ обыкновенно употребляется бодать /корова бодается/; также вм. стариннаго "чисти́ " чьту́" употребляется только "чита́ть - чита́ю". Есть нѣсколько и другихъ подобныхъ глаголовъ.

Разныя особенности въ употребленіи видовъ глагола разсмотрѣны у Ягича: Beiträge 72 sq.

Разсмотрѣвъ подлежащее и сказуемое, разные способы ихъ выраженія, намъ слѣдовало бы перейти къ словамъ пояснительнымъ: отдѣльно разсмотрѣть слова, поясняющія подлежащіе, и слова, поясняющія сказуемое, а также слова, поясняющія пояснительныя слова, иными словами: пришлось бы коснуться опредѣленій, дополненій, обстоятельственныхъ словъ. Но при такой системѣ изложенія у насъ неизбѣжно явились бы повторенія, такъ какъ, напр., одни и тѣ же падежи являются и опредѣленіями и дополненіями и даже обстоятельственными словами, особенно въ соединеніяхъ съ

предлогами. Въ качествѣ опредѣленія подлежащаго чаще всего является имя прилагательное и мѣстоименіе, обыкновенно согласующееся съ подлежащимъ; но о согласованіи мы уже говорили въ равныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, для упрощенія дѣла, мы обратимся прямо къ разсмотрѣнію употребленія тѣхъ или другихъ косвенныхъ падежей и притомъ безъ предлоговъ.

Падежомъ принято считать особую грамматическую форму. Однако въ дальнѣйшей жизни каждаго языка, въ томъ числѣ и русскаго, нерѣдко разныя падежныя формы совпадаютъ, начало чему уже положено въ глубокой древности; причемъ у однѣхъ основъ этихъ совпаденій больше, у другихъ меньше. Вслѣдствіе этого при опредѣленіи того или другого падежа приходится принимать во вниманіе и общее значеніе падежа. Однако и въ этомъ отношеніи разные языки не совпадаютъ. Напр., въ славянскихъ произошло совпаденіе по формѣ род. и ablativ'наго, тогда какъ въ лат. яз., напр., совпали abl. и instrumentalis. Такимъ образомъ въ славянскихъ языкахъ въ значеніе родительнаго внесено то, что въ другихъ принадлежитъ творительному. То же слѣдуетъ сказать и относительно нѣкоторыхъ другихъ падежей. Такимъ образомъ, говоря о падежахъ въ славянскихъ языкахъ, придется въ основу положить различіе въ формахъ /притомъ не у однѣхъ какихъ-либо основъ, а у всѣхъ/ при различіи общаго значенія. Тѣ или другіе оттѣнки въ

значеніи, зависящіе больше отъ совпаденія падежей въ сходной формѣ, лягутъ въ основу дальнѣйшихъ разсужденій касательно употребленія разныхъ падежей.

Что касается именительнаго падежа, то его мы уже достаточно касались, разсматривая подлежащее и составное сказуемое. Здѣсь развѣ отмѣтимъ нѣсколько болѣе рѣдкихъ случаевъ, касающихся согласованія съ подлежащимъ нѣкоторыхъ словъ, являющихся къ нему приложеніемъ или чаще обстоятельствомъ образа дѣйствія. Во всѣхъ нижеслѣдующихъ случаяхъ именительный подлежащаго является болѣе общимъ понятіемъ, а поясняющее его приложеніе или обстоятельство является большею частью этого понятія. Примѣры имѣются въ старославянскомъ др.-русскомъ и современномъ языкѣ: вы длъжьни есте дроугъ дроугоу оумывати нозѣ /Ассем. Ев./; дѣлають кльноуще дроугъ дроуга /Жит. Ѳеод./. Сюда же относятся и такіе обороты, какъ: разидошася къжьдо въ свояси. - Въ болѣе позднюю эпоху языка возникли тожественные съ разсмотрѣнными оборотами случаи, гдѣ приложеніе или обстоятельство можетъ выражаться также именемъ существительнымъ: они стали глазъ на глазъ; мы работаемъ каждый самъ по себѣ; собрались дамы уродъ на уродѣ; лошади идутъ голова въ голову, нога въ ногу; сидѣли мы бокъ о бокъ. Во всѣхъ примѣрахъ послѣдняго рода второй именительный соединяется еще съ косвеннымъ падежомъ то-

го же слова, соединеннымъ съ предлогомъ. Въ родственныхъ языкахъ въ подобныхъ оборотахъ находимъ два именительныхъ одного и того же слова: ἤγαγεν λέγειν εἷς κατ' εἷς — /Евангеліе/. Здѣсь κατά конечно не предлогъ, а нарѣчіе, не требующее послѣ себя извѣстнаго падежа. - Похожъ на приведенный греческій оборотъ съ тройнымъ именительнымъ и очень распространенный у насъ оборотъ, начинающійся со словъ: "что за": что за умница.! Что онъ за человѣкъ.? Въ русскомъ литературномъ этотъ оборотъ встрѣчается довольно поздно: ц.слав. и др.-русс. языкъ его не знаютъ; но онъ извѣстенъ западнорусскимъ памятникамъ уже XУI вѣка /что суть за людие. Библ. Скор.; што то за рыцеръ. Познан. Сб. XУI в./. Знаютъ подобный оборотъ и другіе славянскіе языки, кромѣ болгарскаго и сербскаго, а также литовцы и латыши /kas tu per vyr's? что ты за человѣкъ?/. Есть такой оборотъ и у нѣмцевъ /was für ein Vogel ist das?/, но и у послѣднихъ только съ XУ - XУI вѣка. Разсмотрѣнный оборотъ очень ужъ не гармонируетъ съ общимъ складомъ славянской рѣчи: повидимому, онъ пришлый и вѣроятнѣе всего отъ нѣмцевъ. Современемъ обороты "другъ друга", "нога въ ногу" и под. стали какъ бы нарѣчными, и поэтому могли сочетаться не только съ именительнымъ падежомъ подлежащаго, но и съ другими; напр., дѣлающема има къжьдо своѥ дѣло /Жит. Θеод./; приказано имъ итти нога въ ногу и т.п.

Винительный падежъ.

Литература: Miklosich, IУ, 370 - 393.
Vondrók , 270 - 273.
Овс.-Куликов., 237-239 и др.

Для обозначенія дополненія, особенно такого, на которое распространяется дѣйствіе сказуемаго, чаще всего употребляется винительный падежъ. Именительный падежъ обозначаетъ лицо или предметъ, производящіе дѣйствіе /хотя бы они были даже мнимыми дѣятелями, какъ при страдательномъ залогѣ/, винительный же падежъ первоначально заключалъ указаніе на пассивное состояніе лица или предмета, при чемъ оттѣнки этой роли были разнообразны; отсюда и разновидности въ употребленіи этого падежа. Широкое употребленіе винительнаго первоначально обусловливалось и тѣмъ, что число переходныхъ глаголовъ было больше /πρὸς θάλασσαν , ео Romam/; со-временемъ многіе глаголы, особенно безъ предлоговъ, стали употребляться какъ средніе, и стоявшіе при нихъ винительные чувствовались уже въ мѣстномъ значеніи. При нихъ уже могли быть для большей точности нѣкоторыя нарѣчія, превратившіяся современемъ въ предлоги. Впрочемъ такое состояніе языка, о какомъ здѣсь идетъ рѣчь, относится отчасти къ эпохѣ индоевропейской. Въ славянскихъ языкахъ уже въ древнѣйшую эпо-

ху винительный могъ стоять и при глаголахъ среднихъ и при томъ съ предлогами.

Такимъ образомъ въ винительномъ падежѣ ставится прежде всего прямой объектъ. Приводить примѣры здѣсь излишне, такъ какъ ихъ безконечное количество; отмѣчу лишь нѣсколько болѣе рѣдкихъ случаевъ: благодарѭ тѧ Супр. р., благодарьствити бога ib., досадити добрꙑѧ нашѧ цѣсарѧ ib., ити нѣкотороѥ шьствиѥ Mikl., IУ, 373, да ѩ /дѣти/ коснеть Остр. Ев., въ землю кыпешту медь и млѣко εἰς γῆν ξέουσαν γάλα καὶ μέλι, плоути поучинѧ морьскѧ Mikl. IУ, 374. Русс. былинное: когда владѣлъ Москву Иванъ /Рыбн. I, 408/.

Тутъ отмѣтимъ, что въ старославянскомъ подъ вліяніемъ переходныхъ глаголовъ и отглагольныя существительныя иногда имѣютъ послѣ себя дополненіе въ винительномъ падежѣ: по приѭтии ми отъ бога великыи даръ Супр.р., по сътворении комисоу обычеинꙑѧ позорꙑ postquam comes solita spectacula fecit.Супр.р.

Многіе изъ среднихъ глаголовъ до настоящаго времени могутъ сочиняться съ винительнымъ падежомъ, но лишь въ томъ случаѣ, если они соединяются съ предлогами или приставками /въ-, въз-, до-, за-, на-, над-, об-, о-, по-, подъ-, про-, прѣ- и др./: ѡбидѫ и ἐκύκλωσαν αὐτόν, тъгда заплъваша лице его — τότε ἐνέπτυσαν εἰς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ, — сама прѣисподьняа доити ἀνὰ τὰ κατώτατα καταβαίνειν Супр.р.; застѫпаѣть мѧ-me defendit; обьходѧ грады и

вьси Супр.р. и т.д. Русск. старое и былинное: когда гончія натекутъ зайца;и наѣду я богатыря въ чистомъ полѣ; обыдоша Русь обыполы; оборотень дорогу перебѣжалъ; таковы еще: проѣхать, пройти, пролетѣть, проспать, прожить и т.д. Интересно ц.слав. пѫтьшествовати, въ первой части котораго, повидимому, "пѫть" вин. отъ "шьствовати".

Трудно сказать, ц.славянская ли особенность, или же заимствованіе изъ греческаго - довольно частое употребленіе винительнаго послѣ глаголовъ sentiendi и declarandi /глаголати, слышати, съповѣдати, видѣти, въявѣстити и т.д./. Въ современномъ русскомъ послѣ нихъ обыкновенно ставится предлогъ, тогда какъ въ старославянскомъ винит. лица и особенно винительный вещи безъ предлога: мьнѣахѫ ѧ злата плъны сѧштѧ /Супр.р./; слышааше блаженааго пришьдъша /Жит. Ѳеодосія/; почютиша Ярополка идуча /Лавр. лѣт./; возвѣстиша свои приходъ /Жит. Ѳ./; слышавъ насилье отъ князь /Лѣт./ и т.п. Иногда послѣ подобныхъ глаголовъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ греч. языка, кромѣ винительнаго бываетъ еще неопредѣленное /accus.c. inf./: кого мѧ глаголѭть чѣци быти - τίνα με λέγουσιν εἶναι. Обычнѣе въ подобномъ оборотѣ вмѣсто неопредѣленнаго причастіе. Такимъ образомъ получается два винительныхъ падежа: одинъ прямого дополненія /объекта/, а другой опредѣленія къ нему; въ страдательномъ оборотѣ оба они будутъ име-

нительными падежами /подлежащее и составное сказуемое/. Когда со временемъ въ русскомъ, да отчасти и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ составное сказуемое вмѣсто именительнаго проникъ творительный, тогда этотъ творительный зашелъ и въ дѣйствительный оборотъ на мѣсто второго винительнаго. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ въ дополненіе къ раньше названнымъ: постави и сокачиѭ варити – constituit eum coquum /сокачии/ ad coquendum Супр. р.; тьму нарече ноштъ Пятикн.-Мих.; Симона Ѥгоже именова Петра Σίμωνα ὃν καὶ ὠνόμασε Πέτρον; блаженыи того призвавъ, игумена имъ нарече /Жит. Ѳ./; Никона игумена себѣ поставиша; Изяславъ слыша Гюргя пришедша /Лѣт./и т.д.

Другіе случаи двойного винительнаго, бывшіе извѣстными греч. и лат. языку /вин. лица и вин. вещи, вин. цѣлаго и винит. части: ᾔτεε μιν δόρυ, aliquem aliquid rogo; ἀμφιέννυμι τινά τι, ἐρωτῶ τινά τι – въ славянскихъ языкахъ даже въ древнѣйшую пору не встрѣчаются, будучи вытѣснены однимъ винительнымъ и другимъ падежомъ больше съ предлогомъ. Да и раньше разсмотрѣнный двойной винительный, какъ я уже замѣтилъ вскользь, пострадалъ отъ проникновенія въ подобные обороты творительнаго. Начало этому уже положено въ старину: не нарицають бц҃ею святую дѣву /Кормч./; нарекли мя есте собѣ отцемъ; поставиша Дионисия игуменомъ /Лѣт./ и т.д. Въ

современномъ русскомъ языкѣ въ подобныхъ случаяхъ только творительный падежъ; винительный очень рѣдко /хочешъ съѣсть его живого; выгналъ свою дочку босую /Гоголь/; всегда при числительныхъ: я оставилъ васъ троихъ/. Второй винительный вытѣсненъ отчасти и оборотами съ предлогами /я счелъ это за рѣдкость; взялъ ее въ жены и под./.

Очень близко примыкаетъ къ винительному прямого дополненія и тотъ винительный, который обыкновенно называется /можетъ быть недостаточно правильно/ винительнымъ внутренняго объекта[ж]. Состоитъ онъ обыкновенно изъ имени существительнаго, иногда съ опредѣленіемъ, на это существительное того же корня, что и глаголъ сказуемое. Такъ какъ и безъ такого дополненія дѣятельность субъекта вполнѣ ясна, то этотъ винительный является мнимымъ дополненіемъ, которое современемъ и устраняется, и глаголъ изъ переходнаго становится непереходнымъ, среднимъ. Это такіе обороты, какъ греч. νίκην νικᾶν ; впрочемъ и въ объектахъ того же корня, что и сказуемое, иногда удерживается ихъ собственное пояснительное значеніе, и сказуемое не можетъ обходиться безъ нихъ πομπὴν πέμπειν . Того и другого рода обороты не рѣдки въ славянскихъ языкахъ, начиная уже съ древнѣйшей эпохи. Такъ въ старославянскомъ нахо-

---

ж/ Критика этого названія у Потебни, III т. Записокъ 422-426.

димъ: чьсть чьстимъ sollemnitatem colimus /Кіев. листки/, бескрѣбьно житиѥ живы vivens vitam sine cura /Супр.р./, бѣахѫ пастыри... бъдѧште и стрѣгѫште стражѫ φυλάσσοντες φυλακας и т.д. Подобные обороты особенно употребительны въ старинной народной поэзіи: первый скокъ скочилъ на 15 верстъ; себѣ думаю думу крѣпкую; мнѣ - ка въ слыхѣ побѣдной не слыхать буде и т.д. въ навечеріе Р.Хр. клички бѣсовскіе кличуть Ант. Ист. IУ, 125 /1629 г./, жена иже отъ своего мужа блядь блядеть Дон. изв. и т.д.; малор. мости мостити, мури муровати, гати гатити. Подобные тавтологическіе обороты, какъ можно видѣть уже изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ примѣровъ, не ограничиваются прямыми объектами, но распространяются и на другія пояснительныя слова, напр., въ ѣжѣ бы не заѣдала, въ питьѣ бы не запивала, въ гульбѣ бы не загуливала, во снѣ бы не засыпала, Майковъ, Закл. Особенно обычно вытѣсненіе этого винительнаго творительнымъ образа дѣйствія: радуюсь радостью великою. Дальнѣйшей ступенью была замѣна и творит. образа дѣйствія нарѣчіями образа дѣйствія: плакасѧ горько, съпа сладъко, сильно рыдаетъ и т.д. Съ грамматической точки зрѣнія эти нарѣчія тоже винительные падежи средняго рода, бывшіе, быть можетъ первоначально опредѣленіемъ къ прямому объекту, который при нихъ могъ быть, а затѣмъ во избѣжаніе плеоназма опускался; быть можетъ даже и родъ первоначально здѣсь былъ не средній, а

соотвѣтствующій, и лишь послѣ опущенія существительнаго поставили средній родъ, какъ неопредѣленный. Происхожденіе указаннаго синтактическаго оборота лучше всего видно изъ такихъ греческихъ, какъ πορεύομαι τὴν ταχίστην, βαρὺ ὀσφράνασθαι и под.

Подобныя дополнительныя слова средняго рода въ нѣкоторыхъ случаяхъ слились съ глаголами, передъ которыми стояли: благодарить, благословлять, злословить и под.

// Кромѣ объекта, на который распространяется дѣйствіе, винительный въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ мѣстное значеніе, показывая направленіе дѣйствія по вопросамъ: куда, гдѣ и откуда. На вопросъ "куда" онъ обозначаетъ цѣль дѣйствія. Примѣры имѣются въ старомъ языкѣ и въ новомъ, хотя и не въ большомъ количествѣ. Ст.-слав. приде Христосъ небесъкыѩ двьри venit Christus ad portam coeli Супр.р. Сюда же принадлежитъ нѣсколько нарѣчій, по своему происхожденію равныхъ винительному падежу: грѧди вънъ Супр.р., връзи сѧ отъсѧдоу низъ Мар.Ев., низъринѫти: изгънаша и вонъ изъ града. і вѣсѧ и до връхоу горы... да бѫ и низъринѫли ib.; др.-русс. проче: иду проче, соврем. иди прочь; такого же происхожденія - камо, тамо /куда, туда/, чьто /зачѣмъ/: чьто троуждаєте женѫ τί κόπους παρέχετε τῇ γυναικί. Въ "идетъ онъ княженецкой дворъ /Рыбн. I, 135/, быть можетъ, и ошибка въ записи. Такимъ образомъ въ разсмотрѣнныхъ примѣрахъ такой же

винительный, какъ въ греч. ἱκώμεθα δώματα πατρός, лат. Sardiniam venit. - Къ этому винительному примыкаетъ и старинный винительный цѣли, выражавшійся особой глагольной формой - достигательнаго: изиде сѣꙗтель сѣꙗтъ сѣмене своѥго; посъла коупитъ брашьна. Что здѣсь въ дополненіи къ глаголу является винительный имени, видно и изъ того, что при послѣднемъ еще стоитъ въ зависимости отъ него род. пад.

Что касается примѣровъ на вопросъ "гдѣ", то въ настоящее время они сохранились только въ видѣ нарѣчій, хотя первоначально въ нихъ могъ чувствоваться и винительный существительнаго. Таковы случаи: поставляють оба полы свѣтилѣ двѣ; странѧ сѣвера обрѧштете тѣла моѥго a porte boreae invenietis corpus meum /Mikl., IУ, 392/; бѣ близъ има Мар.Ев., съсѣдоста врьхъ города Лѣт., конецъ копья, конецъ поля Сл.о П. Игор., окрѧгъ мѣста; искрь вьси; край синя моря; "кое мѣсто" = въ какомъ мѣстѣ; отсюда, съ пропускомъ "мѣсто", "кое" въ смыслѣ "гдѣ": кое ваши сулици лядскіе Сл.о П.И.; сѣсти ѥмоу странь себе; положена бысть сторонь сына своего; противѧ силѣ своеи Мар. Ев.; сташа въ Невѣ устье Ижеры Новг. лѣт. и т.д.

Винит. на вопросъ "откуда" встрѣчается только съ предлогами, о чемъ у насъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Очень близокъ къ винительному мѣста и винительный времени, отвѣчающій на вопросы "когда", "съ какихъ поръ", "до какихъ поръ". Примѣры встрѣчаются и

въ старомъ языкѣ и въ новомъ: ѣко бо бѣ іона въ чрѣвѣ китовѣ три дни и три ношти - τρεῖς ἡμέρας καὶ τρεῖς νύκτας ; пришъдъшоу ѥмоу вечеръ veniente eo vesperi Супр.р.; вы-инѧ день и ношть въ гробѣхъ... вьпиѩ и тлъкы сѧ камениѥмь Мар.Ев.; др.-русск. вечеръ вънидe въ хлѣвинѧ Жит.Ѳ.; выгнаша осень князя Новг.Л. иде Волховъ вспять дний 5; си же блаженная княгыни лежа въ немощи 7 лѣтъ Лавр. лѣт. Въ современномъ языкѣ такихъ примѣровъ масса: я весь день минуты ждалъ...; всю ночь я спалъ покойно; круглый божій годъ все видишь майскій день; часа тамъ три ходилъ и т.д.; цілісиньку ніч трясця ёго била... Въ новомъ языкѣ въ подобномъ же употребленіи бываетъ и именительный падежъ /не всегда впрочемъ легко отличить его отъ винительнаго/: пришелъ ни свѣтъ ни заря; дверь шеста недѣля навѣшена; часъ отъ часу не легче; четвертый годъ мучу свой животъ и под. - Такія предложенія съ именительнымъ времени легко могутъ быть разложены на два предложенія /четвертый годъ прошелъ, какъ мучу свой животъ и под./.- Винительный времени слѣдуетъ видѣть и въ нѣкоторыхъ отыменныхъ нарѣчіяхъ: дьньсь, дьньтъ, дьнь дьнь ἡμέραν ἐξ ἡμέρας , дьнь ꙗче дьнь, то кратъ, древлѥ, иначе, послѣжде, прѣжде, таче, ѥште, прьвоѥ primum, въторoѥ secundum, третиѥѥ tertium, зимусь Лѣт., то-прьво, откуда наше "теперь", сейчасъ, тотчасъ, рано, поздно, все /онъ все еще боленъ/.

Винительный количества, на вопросы "сколько", "какъ много", въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примыкаетъ къ винит. времени. Напр., мъного бо пострадахъ дьньсь [illegible]; плакасѧ горько; иде съ нею двѣ врьстѣ; погроу жахоу грѣшьникы тысячоу лакъть /Mikl. IУ, 390/. и под. Вѣсомъ та палица девяносто пудъ; наторговали денегъ гору; совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ.

Винительный образа дѣйствія: просто решти Супр.р., мало полежавъ, таи цѣльбѧ вьзѧ Супр.р. Впрочемъ относящіяся сюда образованія /напр.русс. борзо, живо, мало, много, живёмъ ни то ни сё Сл. Нос. 34/ могутъ употребляться и въ другомъ значеніи, какъ у насъ отчасти уже и была объ этомъ рѣчь.

Наконецъ отмѣтимъ два случая употребленія винительнаго, которые зашли въ старый языкъ подъ вліяніемъ греч. синтаксиса. Это винит. при глаголѣ "пить" для означенія орудія питья: иже колиждо напоить ѥдиного отъ малыхъ сихъ чашѧ воды ποτήριον ὕδατος – Остр.Ев.; жльчь ѥго напоише- Въ болѣе позднихъ памятникахъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно стоитъ твор. /чаше [illegible] /.- Греческимъ вліяніемъ объясняется винительный объекта при глаголѣ "учить", "спрашивать" и другихъ подобнаго значенія: навыкъ зѣло быстрость вльшебън Супр.р.;

Тип.-Лит. Ф. РЕ[illegible]ЛЬСКІЙ и К-о Видокъ 24.

175,5

мльчалив. жизнь кстъ обыклъ ib.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ.

Литература:

Буслаевъ, II, 252 - 257.

Вондракъ, 274 - 284.

" , IУ, 447 - 577.

Потебня, II, 324 - 330.

Мюленбахъ: объ употребленіи род.пад. "Извѣстія", IУ.

Овсян.-Куликов., 240-243, 250.

Отчасти по своему происхожденію и особенно по значенію славянскій родительный соединяетъ въ себѣ функціи двухъ падежей: собственно родительнаго и аблятивнаго /отложительнаго/. Именно, форма родительнаго у основъ на - ŏ /влъкъ /, по всей вѣроятности, старинный ablativus, настоящія формы родительнаго у другихъ основъ /сыноу, кости камене/; у основъ на ā происхожденіе род. до сихъ поръ вполнѣ удовлетворительно не выяснено. Естественно, что въ виду разнаго происхожденія формы родительнаго въ ней соединилось и разное значеніе. Мы разсмотримъ А/ Значеніе и употребленіе настоящихъ формъ родительнаго и Б/ формъ, имѣющихъ значеніе аблятива. Первый случай разсмотримъ въ двухъ отношеніяхъ: а/ при глаголахъ и б/ при име-

нахъ.

Тутъ /при глаголахъ/ прежде всего разсмотримъ употребленіе родительнаго части /*genetivus partitivus*/. Онъ обозначаетъ, что дѣйствіе глагольное направляется не на весь предметъ, а только на его часть или же, что предметъ подвергается извѣстному дѣйствію не все время, а только извѣстный его моментъ. Этотъ падежъ употребляется послѣ глаголовъ: ѣсть, пить, налить, купить, дать и под. Напр. никъто же пивъ ветъха /вина/, абие хощетъ новоумоу *οὐδεὶς πίων παλαιὸν θέλει νέον* — Зогр.Ев.Лук. У, 39; вькоуси вина бывъшааго отъ воды *γεύσατο τὸ ὕδωρ οἶνον γεγενημένον* — Іоан. II, 9; /земля/ пивьшиа съходештаго на ню дьжда *ἡ γῆ πιοῦσα τὸν ἐρχόμενον* — Шиш. Ап.; да ми послѣть леда; насѣахомъ сланоутъка *cicerem sevimus* Супр.р.; ни хлѣба вкуси ни воды Ипат.лѣт. Особенно обычны подобные родительные послѣ глаголовъ, соединенныхъ съ приставками: насмотрѣться чудесъ, наѣсться хлѣба, подать воды, налить вина, набрать ягодъ, одолжить ножика, занять денегъ и т.п. Эти обороты свойственны и народнымъ русскимъ говорамъ и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, примѣровъ чего у Миклошича приведено масса. Свойственъ этотъ родительный отчасти и др. индоевропейскимъ языкамъ, но въ нихъ преобладаетъ винительный.

Къ этому же родительному части, или раздѣли-

тельному, возводится и тотъ родительный, который ставится при глаголахъ: слушать, въ старомъ и народномъ - смотрѣть, видѣть, разумѣть, слышать, помянуть, коснуться, взяться, искать, желать, алкать, любить, наполнять, насыщать, подавать /всѣ въ старомъ языкѣ/ и т д. При всѣхъ подобныхъ глаголахъ дополненіе обозначаетъ либо часть предмета либо временное пользованіе. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ стараго языка: овьцѧ гласа моего слоушаютъ [illegible] Іоан. 10.27; съмотрите вранъ [illegible] — Лук. XII. 24; разоумѣвъши своего зъла suum malum — Супр.р.; пити сѧ ѩтъ моравьскаго Жит.Меѳ.; иже доидетъ мѣста того qui eum locum attinget - Супр.р.; алъчѧ [illegible] правьды носъти; знамени иштетъ [illegible] ; инѣхъ большъ хоштемъ [illegible] Супр.р.; наплъните водоносы воды; наплъниш пештерѧ каменимъ Супр.; отъкъ доу сь можетъ къто насытити хлѣбъ на пустыни [illegible]; жръци ѥдиноѭ лѣта сладъка брашьна подаѭхѧ имъ Супр.р. и т.д.; утеръ пота съ дружиною своею Лавр.лѣт.; хощете мира ib. ; просимъ мира ib; искать славы, просить милостыни, желать наилучшаго; достали нотъ, баса, альта; не изволишь ли сѣнца Крыл.

Къ родительному части примыкаетъ и тотъ родительный, который ставится при глаголахъ: быть,

сдѣлаться чьею-либо принадлежностью / [illegible] /: тацѣхъ бо есть цѣсарьствие божие [illegible]

Въ русскомъ языкѣ при глаголѣ есмь-быть появляется еще особый родительный части вмѣсто ожидаемаго именительнаго подлежащаго, /а иногда и сказуемаго/, причемъ предложеніе изъ личнаго часто становится безличнымъ. Примѣры этого имѣются и въ старомъ языкѣ и въ новомъ: бяше насовано колья Троицк.лѣт.; а на государѣ было платья: Зипунъ атласъ рудожелтъ.Цар.вых.; есть молодцевъ сопротивъ тэ[illegible] Сб. Кирши; всей у него родни за душою одинъ внукъ Кантем. - Подобные родительные въ безличныхъ предложеніяхъ и при другихъ глаголахъ: сѧкнѧти начѧть воды; избываетъ имъ хлѣба Никол. Ев.; силы прибавилось втрое Рыбн I.42; ловчихъ, какихъ рѣдко бываетъ; кипитъ народу безъ числа; малор. вода есть нечиста: нападало въ клёна листа, въ горы піску налетіло.

Къ родительному раздѣлительному примыкаетъ и родительный при достигательномъ въ старославянскомъ и древнерусскомъ. Появленіе его здѣсь тѣмъ болѣе естественно, что достигательное можно разсматривать и какъ имя существительное, произведенное отъ глагола, которое ужъ естественно требуетъ послѣ себя падежа родительнаго. Примѣры на разсматриваемый случай встрѣчаются повсемѣстно:

не придъ правьдьникъ зъватъ Савв.кн.; посла и пастъ свинии; приде почрьпатъ воды и т.д. Др.-русс. ходи миритъ Кыянъ Новг. лѣт. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ родительный по той же причинѣ, какъ и въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ: чесо изидосте видѣти; прииде дѣлати дѣлесь своихъ /Mikl. IУ, 489/, т.е. во всѣхъ такихъ случаяхъ объектомъ служитъ часть предметовъ. Бываютъ, конечно, хотя и рѣдко, случаи и винительнаго падежа послѣ супина: посълана быста мѫчитъ рекомыѩ рабы божиѩ Супр.р.- По памяти о старомъ родительномъ при достигательномъ, а можетъ быть и просто родительный части или временнаго, такъ сказать, пользованія въ такихъ народныхъ оборотахъ, какъ бѣлорусское: пошли глядзѣць маста́ и под.

При глаголахъ ставится и родительный времени, но связь его съ глаголомъ очень незначительна, такъ что его можно считать родительнымъ независимымъ. Онъ находится и въ нѣкоторомъ отношеніи къ родительному партитивному, такъ какъ онъ обыкновенно обозначаетъ одинъ моментъ, въ который происходитъ дѣйствіе. Этотъ падежъ свойственъ и другимъ языкамъ: греч. ταῦτα τῆς ἡμέρας ἐγίγνετο, ὄρθρου, ἑσπέρας, νυκτός, лат. castris aberam bidui; по-латыни чаще прилагательное /nocturnus abiit/. Примѣры: ѩждь сего лѣта φάγε τοῦτον τὸν ἐνιαυτόν ; въжделѣете единого дьне сына

человѣча видѣти; събрашася мѣсяца маа епископи Супр.р. и др. /Mikl. IУ, 509/; того же лѣта родися у... князя Всеволода... сынъ, мѣсяца октября въ 25; тое же зимы ходи Романъ Лавр.лѣт. Теперь этотъ родительный больше употребляется для обозначенія дня и числа, а также части дня: 1903 года 26 ноября у насъ окончились занятія; и той же ночи въ подземельѣ зарылъ мѣшокъ и съ нимъ свое веселье. Крыл. Къ этому падежу относится и нѣсколько нарѣчій въ родительномъ падежѣ: сегодня, вчера /цсл. вьчера - происхожденіе не совсѣмъ ясно/, нар. сёлѣта.

Отличительную особенность современнаго русскаго языка /литературнаго и народнаго великорусскаго/ составляетъ употребленіе у названій лицъ и предметовъ одушевленныхъ мужескаго рода /съ основ. на ŏ и ĭ/ въ единственномъ числѣ и во множественномъ, а у словъ другихъ родовъ только во множественномъ числѣ формъ родительнаго вмѣсто винительнаго: люблю отца, послалъ сына, пасетъ овецъ, угналъ лошадей и т.д. Въ бѣлорускомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ сказанное относится только къ лицамъ; предметы же вообще одушевленные муж рода основъ на ŏ и ĭ только въ единственномъ числѣ замѣняютъ винительный родительнымъ, во множественномъ же старый винительный: пасе кони, зарѣааў дзвѣ казы и под. Въ дру-

гихъ живыхъ славянскихъ языкахъ въ единственномъ числѣ дѣло обстоитъ такъ, какъ въ русскомъ, а во множественномъ же больше, какъ въ малор. и бѣлор. нарѣчіяхъ. Съ другой стороны въ малор. и бѣлорусскомъ въ единственномъ иногда и неодушевленные предметы пользуются формой родительнаго для обозначенія винительнаго /відпусти, Боже, гріха; хто хоче пса ударити, той кия знайде; знайшоу грыба; сцяу дуба и т.д./; и эта черта извѣстна отчасти и другимъ славянскимъ языкамъ. Если отъ современнаго состоянія языка обратимся къ старинѣ, то тамъ найдемъ, что во множественномъ числѣ вообще винительный употребляется правильно, да и въ единственномъ обычное явленіе правильное употребленіе стариннаго винительнаго. Напр. посъла рабъ свои; породитъ тебѣ сынъ; приведохъ сынъ мои къ тебѣ, имѣшть доухъ нѣмъ и т.д. Въ древнерусс. дары ему дастъ великыа и конь свой борзый сивый. Ипат.лѣт.; Игорь къ Дону вои ведетъ Слово о п. Игор. и т.д. До сихъ поръ употребляется винит. въ нарѣчномъ выраженіи "замужъ", а также въ оборотахъ послѣ предлога въ /пришли въ гости, произвели въ генералы и под./. Однакоже и старый языкъ не чуждъ былъ употребленія родительнаго вмѣсто винительнаго, часто даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ это не допускается теперь. Такъ уже издревле употребляется

въ роли винительнаго форма "кого"; личныя мѣстоименія и возвратное, когда на нихъ бываетъ логическое удареніе, тоже стоятъ въ формѣ родительнаго вм. винительнаго: мене, тебе, себѣ /не тебе оуничижиша, нъ мене оуничижиша; помѣтаѣть себе/; далѣе нерѣдокъ родительный вмѣсто винительнаго и у названій предметовъ одушевленныхъ и даже неодушевленныхъ /особенно, если они бывали раньше названы и послѣ предлоговъ/: видѣ дъва брата: симона нарица мааго Петра и андрѣѫ Остр. Ев.; она же абие оставльша корабь и отьца своего Зогр. Ев.; иже мѧ сътвори цѣла ib.; въдоунѫ намъ доуха свѧтаааго Супр.; съвѧзаша великааго сампсона, сльньца Христоса Супр. р.; при неодушевленныхъ: живота вѣчьнаааго имате Остр. Ев.; азь побѣдихъ въсего мира Асс. Ев. и т.д. Mikl. IУ, 496-497. У многихъ основъ на согласные родительный часто замѣняетъ винительный: камене, матере, дъштере, црькъве, любъве, хотя бываютъ неправильныя формы на -ь /матерь/. Спрашивается, какая причина вызвала замѣну винительнаго родительнымъ? Несомнѣнно, тутъ была не одна причина, а цѣлая совокупность ихъ. Прежде всего аналогія мѣстоименій личныхъ, возвратнаго и вопросительнаго къто. Въ нихъ родительный, быть можетъ, и по формѣ своей недалекъ отъ винительнаго. Мѣстоименіямъ слѣдовали основы на согласные, вообще близкія къ нимъ по окончанію падежей въ древнемъ языкѣ и но-

вомъ. Далѣе, распространенность родительнаго partitiv´наго: онъ особенно примѣнимъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ род. вм. винительнаго у словъ неодушевленныхъ. Эта синтактическая особенность очень примѣнима къ русскому языку. Затѣмъ, стремленіе языка различать сходныя формы именит. и винительнаго; отсюда понятно, почему у основъ на ā родительный не вытѣснилъ винительнаго, отличавшагося отъ именительнаго по формѣ. Совпаденія же род. и винительнаго у основъ на ŏ языкъ не боялся, такъ какъ родительный partitiv´ный уже и безъ того замѣнялъ винительный. Замѣна винительнаго падежомъ родительнымъ во множественномъ числѣ явленіе болѣе позднее, и развилось оно, несомнѣнно, подъ вліяніемъ единств. числа.

Собственно родительный при именахъ. Этотъ родительный зависитъ отъ существительныхъ, означающихъ названія предметовъ вещественныхъ и отвлеченныхъ. И другія имена распредѣляются по этимъ же категоріямъ. Здѣсь различаются слѣдующіе случаи.

Родительный части /partitivus/. Онъ можетъ зависѣть отъ существительнаго: мъногы тъмы мѫжь и женъ събираахѫсѧ Супр. р.; три споуды моукы чисты τρία μέτρα σεμιδάλεως Пятикн. Мих.; чашоу пькла испити и т.д. /Mikl. IУ, 473/. Русск. прокъ ихъ пробѣгоша Лавр. лѣт.; прожилъ онъ поры - вре-

мени три года Рыбн. I.474. Малор. у мене гроший збанъ.

Въ старомъ языкѣ этотъ родительный части очень обыченъ также послѣ превосходной степени прилагательныхъ: боудеть боле всѣхъ зелий; каꙗ ѥсть заповѣдь прьвѣйша /прьвѣйши/ всѣхь и т.д. По-русски въ этомъ случаѣ обыкновенно съ предлогомъ "изъ".

Родит. части при мѣстоименіяхъ: къто тѣхъ трии искрьнии τίς τούτων τῶν τριῶν ; въ своѥ къждо ихъ идетъ отечьство unusquisque eorum; которааго васъ волъ или ослъ въ стоуденьць въпадеть; др.-русс. а который насъ въ лицѣхъ, на томъ деньги 1577 г.; что бяше бояръ осталося; што погынеть товара и т.д. Въ современномъ русскомъ при мѣстоименіяхъ, какъ и при превосходной степени обыкновенно бываетъ предлогъ "изъ" /кто изъ насъ, который изъ насъ и т.д./. Сюда же принадлежатъ и такія выраженія, какъ "въ то года" in id temporis Супр., въ настоящее время совершенно невозможные.

Родительный части при числительныхъ. Тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ форму мѣстоименій или прилагательныхъ, подходятъ подъ уже разсмотрѣнные случаи: ни ѥдиномоу мимоидѫштиихъ пакости сътвори Супр. р.; посъла дъва оученикъ своихъ δύω τῶν μαθητῶν αὐτοῦ Ев. - При числительныхъ отъ 5 и дальше стоитъ родительный падежъ, какъ при именахъ

существительныхъ, однако во множ. числѣ: пѧть десѧтъ; по девѧти сѣтъ; двѣма сѣтома пѣнязь; пѧти хлѣбъ пѧть тысѧщь насытившоу; съборъ свѧтыихъ съта и пѧти десѧтъ отьцъ Свят. Сб. 1073 г. и т.д.; подобьно ѥсть цр҃ствиѥ небесьноѥ десѧти дѣвъ Остр. Ев.; четырьми десѧты и шестиѭ лѣтъ ib. и т.д.

Въ послѣдствіи, когда [illegible]ченное понятіе числа взяло верхъ надъ этимологическою формою, въ употребленіи родительнаго послѣ указанныхъ числительныхъ оказалось нѣкоторое разстройство. Не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ род. "десѧтъ" и "сѣтъ" слились съ первою частью въ одно слово, при чемъ эти слова вторично начали даже измѣняться по падежамъ /пятидесяти, шестистамъ и т. п./, и имена существительныя, стоящія послѣ 5 и т.д., только въ именительномъ, винит. и родительномъ сохраняютъ форму родительнаго, а при другихъ падежахъ числительнаго сами согласуются съ числительнымъ: остался съ шестьюдесятью человѣками Пушк. пятидесяти человѣкамъ и т.д. Другія отступленія въ употребленіи числительныхъ, начавшіяся уже на почвѣ ц.-слав. языка, отмѣчены у Миклошича, IУ, 477 и слѣд.

Въ зависимости отъ именъ употребляется родительный принадлежности /genet. possessivus/, указывающій на предметъ или лицо, которому принадлежитъ что-либо, или который является владѣльцемъ че-

го-нибудь. Этотъ родительный во всѣхъ родственныхъ языкахъ чередуется съ именемъ прилагательнымъ притяжательнымъ, напр. по ц.-слав. тектоновъ сынъ-ὁ τοῦ τέκτονος υἱός ; домъ Путятинъ и т.д. Вслѣдствіе этого въ др.-русскомъ произошло полное смѣшеніе родительнаго падежа и имени прилагательнаго: разграбиша домъ Путятинъ тысячьскаго Ипат. лѣт.; золото княгиини моѥѥ Ольгино и т.д. Вотъ нѣсколько примѣровъ правильнаго употребленія этого падежа: котораго ихъ будетъ жена τίνος αὐτῶν γύνεται γυνή; тѣхъ ѥсть цѣсарьствиѥ небесноѥ; твоѥго то ѥсть чловѣколюбьствиѧ и т.д.; отъ трепєзы богатаего; образъ раба приемъ.

Изъ особенностей въ употребленіи этого падежа въ русскомъ коснемся слѣдующихъ:

Въ народномъ языкѣ онъ иногда употребляется для обозначенія рода, происхожденія и мѣста жительства: Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ; ты какова отца - матери?

Иногда фамилія /явившаяся изъ отчества или прозвища/ ставилась въ родит. принадлежности какъ единственнаго, такъ и множ. чиселъ: передъ княземъ Иваномъ Григорьевичемъ Долгорукого 1612 г. Акт. Юрид.; княжны старицы Александры Гагариныхъ да старицы Ѳедосьи Давыдовыхъ 1679. Отсюда явились нѣкоторыя изъ извѣстныхъ фамилій, имѣющія форму родительнаго: Живаго, Дурново /= Дурного/,

Косыхъ и под.

Къ родительному принадлежности очень близокъ родительный, показывающій свойство предмета временное или постоянное /называемое эпитетомъ/, выражаемое обыкновенно именемъ въ соединеніи съ прилагательнымъ или числительнымъ /gen. qualitatis/: человѣкъ етеръ добра рода иде на страноу ἄνθρωπός εἰς ἑτερὴς ; егда бысть двою на десѧте лѣтоу; прииде моужь благолѣпьна образа и т.д. Русск. ты не жги свѣчу воску яраго; кровать слоновыхъ костей; потолокъ черныхъ соболей; да только женихи средней ужъ руки и т.д.; чоловікъ літъ може сорока и т.д. - Въ подобномъ употребленіи родительный безъ прилагательнаго свойственъ только рѣчи витіеватой: мужъ крови и льстивъ не преполовитъ дней своихъ Лавр. л. изъ Св. Писанія; мнѣ усладительницѣ бѣдъ, вождю спасенья и побѣдъ Жук. и т.д.

Въ зависимости отъ именъ существительныхъ отглагольныхъ бываетъ еще родительный объективный и субъективный. Первый при глаголѣ обыкновенно служитъ объектомъ, а второй субъектомъ. Въ древнемъ языкѣ эти падежи встрѣчались довольно часто, хотя чередовались и съ другими образованіями, напр., вмѣсто родительнаго объективнаго могло быть имя прилагательное. Примѣры: ѩтиѥ краѥ ризы Супр. р. /объективн./; владыкы человѣколюбьѥ Супр. /субъект./; греч. ἡ τοῦ πτένητος ῥᾳδιουργία

въ однихъ переведено "а ѣже на доухъ хоула" въ другихъ: "доуховное хоуление" /Савв. кн./; въ этомъ же родѣ: бѣжѧшта въпрѣштениѧ исавова Супр.р.; любы брата /Жит. Ѳ. = любовь къ брату/; страхъ о҃ца /с передъ отцемъ/ и рядомъ съ ними: страхъ иѡдейскъ и под. Современный языкъ этихъ родительныхъ не знаетъ. Память о родительномъ, объективномъ сохранилась лишь въ такихъ выраженіяхъ, какъ "жаль денегъ" "жаль жены", "жаль ему мила брата Всеволода" Сл. о п. Игор., но во всѣхъ этихъ случаяхъ въ литературѣ рѣчи "жаль" уже не играетъ роли имени; народная рѣчь впрочемъ еще помнитъ истинное значеніе этого слова: "Зъ жа́лю обомлѣ́ла" бѣлор.

Случаи употребленія родительнаго въ смыслѣ аблятивнаго, удалительнаго.

Въ этомъ случаѣ въ родительномъ ставятся слова, показывающія исходный пунктъ дѣйствія, удаленіе, отдѣленіе отъ него. Первоначально такіе случаи имѣли значеніе пространственное, а затѣмъ стали употребляться и въ переносномъ смыслѣ. Употребляется онъ какъ послѣ глаголовъ, такъ и послѣ прилагательныхъ, имѣющихъ указанное значеніе, или развившееся изъ него, и послѣ другихъ подобныхъ словъ. Глаголы бываютъ простые и сложные съ предлогами. Въ старомъ языкѣ родительный безъ предлога употребляется довольно часто; тогда какъ въ новомъ онъ обыкновенно бываетъ съ предлогами отъ, изъ и под.

Этотъ падежъ /genet. separationis/ бываетъ а/ послѣ глаголовъ: бѣжати /бѣжимъ кычени fugiomus superbiam Супр. р./, гонезнѧти /никтоже того мрѣжь гонезнѧ nemo huiuss retia effugit Супр.р./, крыти /не крыита сѧ его Тип. Шаф./, лишити /лишити мѧ хотѧ славы хвы Супр./, объльгъчити /васъ таковыѧ скръбь объльгъчѧ/, свободити /бѣдъ свобождени бышѧ Супр./ и т.д. /ср. Mikl.IУ. 451 слѣд./. Тоже при именахъ существительныхъ и прилагательныхъ съ подобнымъ значеніемъ: бештадъ /бесчяда буду обою ваю/, лихъ, лишеніе /егоже ты лихъ еси quo tu cares Супр. р./, поустъ /поусть твоего прѣдъстроеніѧ/, сиръ /твоего застоуплениѧ сиръ-tuo praesidio orbus/, страньникъ /еда страньникъ еси сихъ мѣстъ Супр.р./ и т.д. Въ древнерусс. тоже: радимичи волчья хвоста бѣгаютъ Лавр. лѣт. Въ современномъ языкѣ въ такихъ случаяхъ больше бываетъ предлогъ.

б/ Особенно употребителенъ родительный аблятивный при глаголахъ, сложенныхъ съ предлогами, требующими род. падежа: изъ, отъ, съ, оу, напр. избыти, избавити /мѧкы да избѫдетъ чловѣкъ тъ eruciatu liberetur homo ille Супр./, изити, истъштити /чьсо истъштивъшесѧ плачетесѧ quibus rebus privati lugetis/ и т.д.; отъбыти, отъвести /отъведетъ злаго обычаѧ/, отъгънати, отити /отити имать сеѧ жизни/ и т.д.; съвлѣшти /ветъхааго чловѣка не съвлѣкѫ сѧ veterem hominem non exuam Супр./, състѫпити и т.д.;

оубѣжати /оубѣжати, всѣхъ сихъ хотѧштихъ быти ἐκφυγεῖν ταῦτα πάντα τὰ μέλλοντα γενέσθαι /, оудалити, оужи, оутаити /татьбою се оутаила мужа своего/, оуцѣлѣти и т.д. Ст.-русс. ада не избудеши; отбѣгоша товара своего; отыти житиѧ, свѣта и т.д. Но въ современной рѣчи обыкновенно съ предлогомъ.

в/ Такой же родительный ставится при глаголахъ страха, боязни: не потаи мене; боѧхѫсѧ людии; иже бо постыдитьсѧ мене и моихъ словесъ; оустраимъсѧ мѫжы; его имени трепетаху страны; стыдно ему стало чужого человѣка.

г/ Родительный аблятивный бываетъ и при нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, означающихъ удаленіе или вообще пространство, и при междометіяхъ, выражающихъ сильное чувство: далече ми бога быти жит θ., изведе вънъ вьси; близъ поустынѧ; о безаконьнааго възбѣшенія Супр. р. То же при другихъ междометіяхъ: веле, оувы и под. и при клятвахъ: тако ми господа моего исоусъ Христоса Супр. р.

Удалительное значеніе имѣетъ родительный при сравнительной степени. И тутъ обозначается тотъ пунктъ, отъ котораго идетъ сравненіе: вьсѣкого звѣрѣ тѧжии omni fera molestior Супр. р. можно сказать и т-ѧжии неже вьсѣкъ звѣрь; ничимь же бѧште сътвориши оубогааго nihilo amplius facies paupere; Ольга была мудрѣе вьсѣхъ; убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй и т. д. Какъ нѣкоторую особенность

русскаго языка въ этомъ случаѣ отмѣтимъ употребленіе послѣ сравнительной степени вмѣсто личныхъ мѣстоименій соотвѣтствующихъ притяжательныхъ: больше моего, лучша твоего. Также и существительныя и нарѣчія, означающія обстоятельство времени, мѣста, при сравненіи переходятъ въ прилагательныя относительныя: надѣлимъ тебя больше прежнева; не грѣть солнцу жарче лѣтнева и т. д..

Наконецъ родительный аблятивный слѣдуетъ видѣть въ случаяхъ постановки родительнаго при глаголахъ дѣйствительнаго залога съ отрицаніемъ. Прежде обыкновенно смотрѣли на этотъ родительный , какъ на партитивный, но какъ доказалъ Потебня /изъ записокъ, II, 324 слѣд./, онъ, несомнѣнно, аблятивный. Въ немъ означается "мысленное движеніе отъ предмета, лишеніе его, разобщеніе съ нимъ." Онъ ставится , какъ уже сказано, а/ вмѣсто винительнаго при глаголахъ переходныхъ въ тѣсномъ смыслѣ и б/ вмѣсто именительнаго съ превращеніемъ субъективнаго оборота въ безсубъективный. Примѣры: главъ своихъ да не обрѣснуть τὰς κεφαλὰς μὴ ξυρᾶσθαι Прор. севкла не тождь Свят. Со. 1073 г.; города не взяша ни одиного и т. д. Этотъ родительный бываетъ и тогда, если дополненіе зависитъ не непосредственно отъ глагола соединеннаго съ отрицаніемъ: не имуштимъ лиха чесо сътворити; нѣсть господьскыхъ вечерѥ /асти. Впрочемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ

возможенъ и вин. падежъ: женѣ юности твоея да не оставиши Злоц. Сб.; иногда вин. и непосредственно послѣ глагола съ отрицаніемъ: не прѣлюбы сътвори Остр. Ев. Подробно этотъ частный вопросъ разсмотрѣнъ въ ст. А. Томсона. Винительный падежъ прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ русс. языкѣ /Фортунат. Сборникъ Варш. 1902/. Примѣры родит. вм. именительнаго въ безличныхъ оборотахъ: не бѣ има чюда отъ [illegible] ; др.-русс. нѣту Кулмѣя; нѣту ихъ здѣ Лавр. л.; якого же зла не было отъ крещенія надъ Кыевомъ ib. Современные: у меня не найдется времени; не слышно топота.

Изъ особенностей русскаго языка въ конструкціи при отрицаніи отмѣтимъ слѣдующія: употребленіе винительнаго какъ у древнихъ писателей и новыхъ, такъ и въ народной рѣчи: приде не успѣвъ ницто же Новг. лѣт.; Блазъ ложа тамъ во мракѣ ночи сидѣлъ онъ не смыкая очи Пушк.; Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ Кыган. Особенно часты подобные обороты, когда неопредѣленное глагола зависитъ отъ "не хочу", "не могу", "не стану" /не стану описывать Оренбургскую осаду Пушк./; впрочемъ въ настоящее время и здѣсь родительный преобладаетъ.

Всѣ глаголы, при которыхъ можетъ стоять

второй винительный, становясь отрицательными, измѣняютъ оба падежа въ родительные: се чл҃къ иже не положи бога помощьника себѣ Сб. 1073; не заста отца живого Ип. Въ безличныхъ предложеніяхъ и на мѣстѣ двойного именительнаго двойной родительный: По примѣтамъ знать, Добрынюшки живого нѣтъ; привозилъ онъ вѣсточку не радостну, что нѣтъ жива Добрыни Никитича.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ.

Литература: Буслаевъ, II, 257 - 261.
Вондракъ, Altsl. Gr., 284 - 292.
Miklosic, Syntax, 578 - 636.

Дательный падежъ употребляется для означенія лица или предмета, къ которому направляется дѣйствіе, выраженное глаголомъ, или же къ которому относится все содержаніе предложенія. Связь объекта съ глаголомъ здѣсь не такая тѣсная, какъ при винительномъ или даже родительномъ падежѣ. Первоначально дательный употреблялся для означенія пространственныхъ отношеній на вопросъ "куда", а затѣмъ это пространственное отношеніе ослабилось и отчасти замѣнилось другими. Въ церковнославянскій и древнерусскій языки дательный перешелъ уже съ широкимъ значеніемъ. Здѣсь онъ можетъ употребляться и въ зависимости отъ глаго-

ловъ и отъ именъ и даже почти независимо.

I. Чаще всего дательный лица или вещи употребляется для означенія пользы, выгоды, удовольствія и т. д. или противоположныхъ свойствъ: невыгоды, неудовольствія, вреда и т. д. Это извѣстный вамъ изъ классическихъ языковъ dat. commodi. Область его очень обширна, но имѣетъ очень незначительное отношеніе къ пространственному значенію дат. падежа. Примѣровъ этого дательнаго масса въ старомъ языкѣ и новомъ: господи помози ми; крьсти номъ приꙗѥта /Супр. р./; оугоди иродови; не отъдазь нашего тоузимъ noli tradere quae nostra sunt aliensis Кіев. л.; пожьри богомъ Супр. р.; особенно этотъ дательный обыченъ при глаголахъ съ нѣкоторыми предлогами: приспѣи намъ помоць твоѣ adesto nobis praesidium tuum Кіев. л.; ѣдите предълагоемаа вамъ; отѥмлѭштемоу тебѣ ризѫ и срачицѫ не възбрани; нѣсть добро отѧти хлѣбъ чѧдомъ и т. п. Въ древнерусскомъ дат. commodi и incommodi очень обычны: дадите ми отъ двора по 3 голуби Лавр. л.; постави намъ игумена ib.; Игореви князю Богъ путь кажетъ Сл. о п. Игор.; се ли сътвористе моей сребренѣй сѣдинѣ ib.

Къ дательному commodi и incommodi примыкаетъ и дат. падежъ, означающій лицо или предметъ, къ которымъ направлено извѣстное душевное движеніе, выраженное или предполагаемое лексическимъ значе-

ніемъ глагола. Пространственное отношеніе здѣсь болѣе замѣтно, нежели въ предыдущемъ случаѣ. При такихъ глаголахъ первоначально видѣли направленіе душевнаго аффекта въ какую-либо сторону. Примѣры: милости хоштѫ а не жрътвѣ - ἔλεον θέλω καὶ οὐ θυσίαν; не дивитеся семоу; радоуѭшися съкрьти дроужьнии Супр. р.; рѫгаахѫся ѥмоу; поносѧть вамъ и т. д.; томоу зълоу одолѣти иматъ hoc malum vincet Супр. р.; врата адова не ѹдолѣѭть /црькъви/Остр. Ев. Въ др.-русс. дружинка сему смѣятися начнуть Лавр. л.; велить послушати земли незнаемѣ Сл. о п. Игор. негодовахуть ему новгородьци Новг. л.; гнушашеся играмъ ихъ Жит. Ѳ. и т.д. Въ современномъ языкѣ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ больше ставятся другіе падежи безъ предлоговъ же или съ предлогами.

Сюда же принадлежитъ и дательный при глаголѣ ѥсмь - быти съ отрицаніемъ или безъ него: ѥдьноумоу нѣстъ вѣньца Супр. р.; обычаи бѣ игемоноу Остр. Ев.; не бѣ има чѧда и т. д. Нѣтъ житья сиротѣ; чему быть, тому не миновать; не бывать плѣшатому кудрявому и т. д.

Къ дательному же commodi примыкаетъ и dat. ethicus, состоящій изъ дательнаго нѣкоторыхъ мѣстоименій, мало поясняющаго глаголъ и почти не зависящаго отъ него; онъ обозначаетъ лицо, для котораго важно выполненіе его требованія или же-

ланія, или которое интересуетъ извѣстное состояніе: съмотрите ми зълодѣиства имъ; къде си мънѣ єси; др.-русс.:отецъ ти умерлъ, а братъ ти убитъ отъ Святополка Ипат. лѣт.; что ми шумитъ, что ми звенитъ Сл. о п. Игор.; сицеви ти бѣху людіе Жит. Ѳ. Послѣдній случай особенно интересенъ тѣмъ, что имѣетъ въ виду не опредѣленное какое-нибудь лицо, а предметъ вообще; къ нему ближе всего современное: вотъ тебѣ и разъ. Въ современной рѣчи особенно распространено себѣ: лисичка лежитъ себѣ какъ мертвая.

Близокъ къ разсматриваемчмъ дательнымъ и дательный лица-участника или производителя при страдательномъ залогѣ /dat. auctoris /; особенно распространенъ онъ при безличныхъ предложеніяхъ: изволися и мънѣ ἐδοξε κἀμοὶ ; чьто ти ся мьнитъ симоне τί σὺ δοκεῖ Σίμων. Русск.: видѣлось мнѣ; мнѣ думается; мнѣ кажется; намъ такъ прислышалось и т. д. Отсюда, вѣроятно, идетъ и вообще дат. надежъ лица въ безличныхъ предложеніяхъ: уже намъ своихъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою съдумати Сл.о П. Игор.; виниде Игорь въ Киевъ, и не годно бысть людемъ Лавр. л.

2. Изъ того же представленія движенія къ предмету вытекаетъ и дат. цѣли /dat. finalis/. Въ церковнославянскомъ онъ былъ довольно распространенъ, въ др.-русскомъ употреблялся значитель-

но рѣже, въ современномъ слѣды его имѣются лишь въ незначительныхъ остаткахъ. Примѣры: Камень, Егоже неврѣдоу сътвориша зиждителеи; съмрьти осѫжденъ бѫди; положѫ врагы твоѭ подъножию ногама твоима; уже удавленію плетѣху; вѣномъ да вѣнить по себѣ женѣ и т. д.; ходиша ротѣ /Лавр.л./По формѣ да и употребленію дат. цѣли въ выраженіяхъ: трѣбѣ /трѣбѣ е намъ видѣти/, годѣ /мал. и бѣл. годи/, львѣ, чему /мал. и бѣлор./=зачѣмъ.

3. Вполнѣ пространственное значеніе имѣетъ дательный, когда онъ обозначаетъ предметъ, въ который или къ которому происходитъ движеніе въ пространствѣ, на вопросъ "куда". Въ ц.-слав. этотъ дательный употребляется рѣдко: шедъши домови, поусти себе долоу - оба изъ Зогр. Ев. Обыкновенно въ ц.-сл. здѣсь бываетъ предлогъ. Но др.-русс. языкъ богатъ подобными оборотами: въ немъ въ дательномъ безъ предлога ставятся всѣ тѣ слова, которыя, въ другомъ значеніи, знаютъ и мѣстный безъ предлога: бѣжа Полотъскоу, иде Смольньскоу, ходи Кыевоу и т. д., не говоря уже о такихъ общераспространенныхъ формахъ, какъ домови, долу, рядомъ съ "домовь" и "доловь", которыя, быть можетъ, и мѣстные падежи. Современный русскій дательнаго въ отмѣченномъ смыслѣ безъ предлога не знаетъ; послѣдній составляетъ живую особенность лишь въ современномъ сербскомъ языкѣ: он отиде пољу широко-

ме.

4. Очень характерную особенность ц.-славянскаго и отчасти другихъ славянскихъ языковъ составляетъ дат. принадлежности /dat. possessivus/. Онъ развился изъ мѣстнаго значенія дательнаго падежа, на вопросъ "гдѣ". Употреблялся онъ и при глаголахъ /напр. есмь/, гдѣ его мѣстное значеніе особенно замѣтно /этотъ случай мы разсмотрѣли по инымъ соображеніямъ въ другомъ мѣстѣ: не бѣ има чѧда/, и при именахъ существительныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ этотъ дательный составляетъ выдающуюся особенность славянскихъ языковъ, и лишь въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ /при личныхъ мѣстоименіяхъ/ извѣстенъ языкамъ др.- индійскому, греч. и латинскому. Какая цѣль достигалась употребленіемъ дательнаго вмѣсто родительнаго, трудно сказать, но врядъ ли этимъ оборотомъ придавалось больше живости рѣчи, какъ полагаетъ Буслаевъ /II, 258/. Примѣры: не обрати насъ въ плѣнъ народомъ поганьскымъ Кіев. л.; начѧтъ оумывати новѣ оученикомъ /τῶν μαθητῶν / Остр. Е. Въ приведенныхъ примѣрахъ и подобныхъ имъ дательный отчасти зависитъ и отъ глагола /обратить - куда, умывать - кому/. Затѣмъ слѣдуетъ поставить цѣлый рядъ примѣровъ съ дательнымъ личнаго мѣстоименія и отчасти другихъ, какъ: въ своѣ си = во свояси /εἰς τὰ ἴδια/, въ своихъ ми /ἐν τοῖς ἐμοῖς /, къто естъ искрьнии ми / μου πλησίον/ Зогр Е.; бѣжѧтъ отъ лица емоу

емоу Супр. р. Во всѣхъ случаяхъ этой группы дательный очень древняго происхожденія, развившійся отчасти уже на праславянской почвѣ: извѣстенъ онъ отчасти русскимъ, болгарамъ, сербамъ и верх. лужичанамъ и нѣк. др. Подъ вліяніемъ указанныхъ примѣровъ современемъ развилось ихъ значительное количество, при чемъ въ дательномъ, въ зависимости отъ существительнаго, ставились не только лица, но и предметы неодушевленные: храмъ мои храмъ молитвѣ наречетьсѧ /οἶκος προσευχῆς / Зогр. Е.; тоу бѫдетъ плачь и скрьжетъ зѣбомъ /βρυγμὸς τῶν ὀδόντων/ ів.; п-ѫть морю /ὁδὸν θαλάσσης / Остр. Е.; въ врѣмѧ жѧтвѣ /ἐν τῷ καιρῷ τοῦ θερισμοῦ / О. Е. Въ др.-русскомъ: игуменъ Печерьскому монастирю Лавр. л.; мужъ хытръ книгамъ и ученію ів.; очима управленіе, языку удержаніе Поуч. В. М.; мужъ дому строитель, нищетѣ отгонитель посл. XVII в.; онъ мнѣ отецъ; какъ вамъ имя и под. Въ др.-русс. дательный принадлежности довольно обыченъ въ памятникахъ XI - XII вѣка.

5. Еще слѣдуетъ остановиться на употребленіи дательнаго падежа при неопредѣленномъ /dativus cum infinitive/. Здѣсь дательный первоначально принадлежалъ къ управляющему глаголу; а современемъ онъ сталъ чувствоваться какъ субъектъ при неопредѣленномъ. Сначала эта конструкція и ставилась при глаголахъ, которые требовали дат. падежа, а затѣмъ

дательный съ неопредѣленнымъ былъ возможенъ и при другихъ глаголахъ. Иногда замѣчается зависимость /хотя и слабая/ дательнаго падежа отъ личнаго глагола. Примѣры: ꙗкоже се полѥ сътворено бысть конѥмъ тешти Супр. р.; чаѭште ѥмоу живоу быти ib.; не добро ѥсть мъногомъ богомъ быти ib.; глаголѭште въскрѣшению не быти ἀντιλέγοντες ἀνάστασιν μὴ εἶναι. Нѣсколько иного рода обороты въ слѣдующихъ случаяхъ: дастъ имъ область чѧдомъ божиѥмъ быти /ἐξουσίαν τέκνα θεοῦ γενέσθαι/, гдѣ „чѧдомъ божиѥмъ" по ассимиляціи съ "имъ". Въ русскомъ языкѣ есть рядъ случаевъ, гдѣ употребляется дательный при неопредѣленномъ, означающемъ необходимость, возможность, повелѣніе: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати Сл. о п. Игор.; быти грому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти... ib.; быть бѣдѣ; быть биту. Въ послѣднемъ случаѣ въ дательномъ уже прилагательное. Въ старомъ и народномъ языкѣ подобные обороты очень обычны: въ горѣ жить - не кручинну быть; бранью праву не быть; въ Москву итти - перехватаннымъ быть, по разнымъ городамъ разосланнымъ. Въ послѣднихъ случаяхъ уже причастіе страдательнаго залога.

6. Наконецъ, намъ нужно разсмотрѣть такъ называемый дательный самостоятельный /dat. absolutus/.

Литература: Бѣлоруссовъ: Русск. фил. Вѣстн. 1899 №№ I и 2.

Вондракъ: Altk. Gr. 292 - 295.

Потебня: II^{2}, 330 - 342.

Этотъ оборотъ хорошо извѣстенъ вамъ, по обилію его случаевъ въ разныхъ памятникахъ, а также по аналогіи подобныхъ оборотовъ въ латин. и греческомъ языкахъ, гдѣ имѣются alb. absolutus и genet. absolutus. Онъ всегда стоитъ при сказуемомъ главнаго предложенія, или, лучше сказать, при цѣломъ предложеніи; состоитъ онъ изъ дательнаго имени и согласованнаго съ нимъ причастія. Развился онъ на славянской почвѣ изъ дат. падежа дополненія къ глаголу, съ которымъ согласовался аттрибутъ причастіе. Со временемъ подобный оборотъ могъ употребляться и послѣ глаголовъ главныхъ, не требующихъ послѣ себя дательнаго; мало того, со временемъ дательный самостоятельный принялъ на себя функціи не только дательнаго падежа, но и многихъ другихъ, выражая время, причину, условіе и т. п. Ц.-славян. языкъ во всю эпоху его существованія знаетъ дательный самостоятельный; др.-русскому онъ былъ извѣстенъ лишь до тѣхъ поръ, пока въ немъ склонялись причастія въ краткой формѣ /каковою обыкновенно и выражается дат. самостоятельный/, затѣмъ онъ постепенно подвергается разрушенію, замѣняя сначала дат. п. причастія дѣепричастіемъ, какъ въ памятникахъ

западнорусскихъ, и наконецъ совершенно выходитъ изъ употребленія, уступая мѣсто полному предложенію съ союзомъ времени или причины. Подтвердимъ все сказанное примѣрами: исоусъ бо оуклонисѧ народоу сѣштоу на мѣстѣ ὁ γὰρ Ἰησοῦς ἐξέκλινεν ὄχλον ὄντος ἐν τῷ τόπῳ ; здѣсь "народоу сѣштоу", несомнѣнно, зависитъ отъ "оуклонисѧ. То же въ др.-русс. Брату твоему Михалку умершю еще девятаго дне нѣтуть Лавр. л. Даже въ такомъ оборотѣ, какъ "аки колесьничьникоу съмоутившоусѧ кони бес чиноу риштоуть, тако же и оумоу съмоутившоусѧ все измоутитьсѧ и развратитьсѧ " Изб. Свят. 1073 - дательный еще не чувствуется самостоятельнымъ, а скорѣе дат. принадлежности, или dat. ethicus. Со временемъ, какъ сказано, эта связь dat. absoluti съ глаголомъ главнаго предложенія могла и совсѣмъ ослабѣть и даже прекратиться: обладаѣштоу поньтьскоумоу пилатоу июдѣѧ .... бысть глаголъ божии къ иоаноу Зогр. Ев.; разболѣвшуся ему вельми посла /по/ сына своего Володимера Чернѣгову Ипат. л. Дѣло дошло даже до того, что дат. самостоятельный могъ быть и безъ дат. имени, а состоялъ изъ нарѣчія и причастія въ дательномъ: поздѣ бывъши Клоц. С., и поздѣ бывъшоу ib. ὀψίας γενομένης

Нарушеніе правильности дат. самостоятельнаго началось съ оборотовъ, въ родѣ слѣдующаго: бѣжи ѥіѧ /сласти/ вькоуса: сладька ти ѥсть вькоушаѣ-

ште, нъ горька по вькусѣ Супр. р.; не бывъ намъ у папы, съ чѣмъ идти къ государю своему царю 1583 г. Въ нихъ уже дѣепричастіе при дат. падежѣ Въ памятникахъ западно-русскихъ дѣепричастіе это обыкновенно оканчивается на учи, напр. еще будучи покорму ув устох их, а гневъ божій взышол на нихъ Псал. XVI в. Рум.м. № 335.

Въ современной литературной русской рѣчи /кромѣ старыхъ писателей/ никакихъ слѣдовъ дательнаго самостоятельнаго нѣтъ. Даже дѣепричастія въ придаточныхъ предложеніяхъ допускаются тогда только, если они /дѣепричастія/ относятся къ подлежащему главнаго предложенія. Въ народныхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ нѣкоторый слѣдъ уже подвергшагося разложенію дательнаго самостоятельнаго живетъ до сихъ поръ: побачивши тебе учора, свiт менi повернувся Кв. Осн. Женучи намъ вепроў, то панъ споткаў насъ.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ.

Литература: Буслаевъ, II, 262 - 263.
Миклошичъ, IУ, 683 - 762.
Потебня: Изъ зап. II , 443 - 535.
Вондракъ, Aksl. Gr., 298 - 305.

Творительный падежъ славянскихъ языковъ соотвѣтствуетъ лишь тому падежу, который въ род-

ственныхъ языкахъ называется instrumentalis, такъ какъ функціи ablativa взялъ на себя падежъ родительный, какъ объ этомъ у насъ уже была рѣчь. Всѣ значенія творительнаго выводятся изъ пространственныхъ отношеній: онъ первоначально обозначалъ движеніе по чемъ, при чемъ, возлѣ чего. Отсюда естественно развиваются значенія - съ кѣмъ, съ чѣмъ /сопровождающій предметъ/ и чѣмъ /орудіе дѣйствія/. Дальше всего отстоитъ отъ первоначальнаго значенія творительнаго его предикативное употребленіе, показывающее, во что превращается что-нибудь. Но и здѣсь то, чѣмъ завершается какая-нибудь дѣятельность, также является результатомъ пути, по которому прошла извѣстная дѣятельность.

Придерживаясь Потебни, у котораго творительный изложенъ лучше всего, отмѣтимъ прежде всего твор. соціативный или комитативный. Дельбрюкъ /ablativus, locativus, instrumentalis/ это значеніе даже считаетъ основнымъ, и изъ него выводитъ всѣ остальныя. Употребляется онъ въ славянскихъ языкахъ довольно рѣдко, чаще при немъ бываетъ предлогъ. Онъ обозначаетъ а/ предметъ самостоятельный по отношенію къ главному, сопровождающій его, сосуществующій съ нимъ: радовашася вьсѣмъ домомъ Супр.р.; ноужда ѥмоу бѣаше ити вои proficisci cum militibus ib.; приобштивъшася страстьми participes facti passionis Mixl. IУ, 723. Др.-р. сѣде ро-

дѣмь своимь, ста полкы - нерѣдко въ др.-р. лѣтописяхъ. Въ современномъ языкѣ только съ предлогомъ съ. Несомнѣнно въ связи съ творительнымъ соціативнымъ б/ и творительный качества /abl. qualitatis/, показывающій несамостоятельный предметъ относительно главнаго, сосуществующій съ нимъ, больше составляющій часть главнаго: бѣ на соньмиштихъ чловѣкъ нечистомь доухомь ἦν ἐν τῇ συναγωγῇ αὐτῶν ἀνθρωπος ἐν πνεύματι ἀκαθάρτῳ - - - - Зогр. Ев.; кротъкъ и безълобы бѣаше и рѣчиѭ простѣѭ Супр. р. Екаьи - любочестива и доброю бесѣдою; Касандра нивка, кроуговатѣмь лицемъ, чиста зѣло, моужескымъ творомь Пов. о взятіи Трои. Калайд. I. Э. Б. Глагола немоу веселѣмь лицьмь Жит. θ. Въ современномъ языкѣ и здѣсь творительный съ съ.

Очень близокъ къ разсмотрѣннымъ случаямъ твор. соціативнаго тв. мѣста, сохраняющій древнее значеніе движенія по чемъ. Связь дѣйствія съ мѣстомъ здѣсь особенно замѣтна. Въ старину случаевъ подобнаго употребленія встрѣчалось немало, особенно въ соединеніи со словами "пѧть", "двьрь": съхождааше пѧтьмь тѣмь Зогр. Ев.; не въходѧи двьрьми въ дворъ овьчии ὁ μὴ εἰσερχόμενος διὰ τῆς θύρας εἰς τὴν αὐλὴν ib. ; вѣнидѣте ѧзъкыми враты ib ; половцы неготовами дорогами побѣгоша Сл. о п. И.;

подоваше ему оконцемъ /пищу/ Лавр. л. Современное: идти берегомъ, лѣсомъ, горою, путемъ-дорогою. Сюда же принадлежитъ нѣсколько нарѣчій: кругóмъ, слѣ́домъ, передóмъ /напр. бѣжать/. По формѣ твор. мѣста и такія нарѣчія народныя, какъ: куды, туды, сюды; связь съ творительнымъ еще больше выражена въ малор. и бѣлорусскомъ, гдѣ имѣемъ: кудою, сюдою, тудою. Литературные "домой", "долой" относятся сюда-же: изъ "домою", "долою" - образованія конечно вторичныя.

Аналогиченъ съ разсмотрѣннымъ падежомъ и творит. времени. Здѣсь время представляется путемъ, а дѣйствіе во времени - движеніемъ въ пространствѣ. Обороты съ твор. времени встрѣчаются уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ: четырьми десѧты и шестиѭ лѣтъ съзьдана црькы си, а ты ли трьми дьньми въздвигнеши ѭ Остр. Ев.; ноштиѭ и дьниѭ Супр. р.: тако идыи трьми недѣлями /въ теченіе.../ доиде прежереченааго /Кыѥва/ Ж. Ѳеод.; Архангельской городъ древянной однимъ годомъ поставили Карамз. И. Г. Р. Прим. 135. Въ новѣйшемъ языкѣ эти обороты встрѣчаются довольно рѣдко: Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ, какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ Тютч.; сюда относятся нарѣчныя выраженія: днемъ, вечеромъ, разомъ, махомъ, духомъ. Сюда же народныя: часомъ, тогды /уже въ Лавр. л. тогды/, когды - колды, чѣмъ -чимъ /чѣмъ время терять, такъ сѣсть да сыграть;

Тип.-Лит. Ф. РЕГУЛЬСКІЙ и К-о Видокъ 24.

ям хліб віддавати, так він и собі пригодиться/. Сюда же принадлежатъ и творительные отъ числительныхъ: єдиноѭ /единою бо ему стоящю въ церкви Лавр. л./, пятью, шестью /хоть семью подой, такъ каша съ водой Даль./.

Наибольшее распространеніе имѣетъ творительный орудія /abl. instrument. въ собственномъ смыслѣ/. Онъ обыкновенно обозначаетъ тотъ предметъ, которымъ что-либо дѣлаютъ; при глаголахъ движенія онъ нѣсколько близокъ къ соціативному, но при другихъ онъ произошелъ изъ представленія пути, которымъ прошло извѣстное дѣйствіе. Творительный орудія всегда бываетъ при глаголахъ. Близокъ къ соціативному твор., напр., въ слѣдующемъ примѣрѣ: и идѧ въ поусто мѣсто кораблемь едини ἀπῆλθον εἰς ἔρημον τόπον τῷ πλοίῳ Зогр. Ев. Но въ другихъ случаяхъ явное орудіе: господи, аще оударимъ ножемъ εἰ πατάξομεν ἐν μαχαίρᾳ Зогр. Ев. Орудіе можетъ быть выражено даже лицомъ: тькомъ рече dixit per interpretemСупр. р.; оже ти не оугодьно дьржати Новагорода сыномъ Новг. лѣт. Область этого падежа очень велика. Онъ ставится, напр., при глаголахъ: двигать, бросать, пить, говорить, считать, наполнять / такоже листомъ вьсѣмъ естьствомъ двизааше Супр. р., не пѧть ли птицъ вѣнитьсѧ пѣнѧзема дъвѣма οὐχὶ πέντε στρουθία πωλεῖται ἀσσαρίων δυοῖν , исполънисѧ доухомь свѧтымь и

т. д., любо испити шеломомь Дону Сл. о п. И.; чимь коупимъ хлѣбы Остр. Е.; да бо Ростиславъ Святославу собольми, и горностаими, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы Ип. л./. Сюда же принадлежитъ обозначеніе матеріала, изъ котораго что-либо дѣлается: цркъвь каменѣмь възградити Кит. О. Очень интересенъ оборотъ при "оженитисѧ": у насъ при "жениться" дополненіе "на комъ", а здѣсь "кѣмъ", какъ при "обзавестись женою": оженисѧ еѩ Зогр. Е.; женѧисѧ потьбѣгоѩ прѣлюбы творить Остр. Е.; князь Юрги ожени сына своего Всеволода Володимерною Рюриковича Лавр. л. Иногда средство бываетъ не явное, а больше воображаемое, отвлеченное: влъшьбами своими пъваѣши Супр. р.; воинъ пъваѧ своѥѩ силоѩ ib.; сряцами вѣруютъ sortibus / occursibus / fidunt Mikl. IV, 718. Кто этотъ Скаловубъ? отецъ имъ сильно бредитъ. Гриб.; кривить дѣломъ; ускорить свадьбою и т. д.

Къ творительному орудія примыкаетъ и творительный при глаголахъ страдательныхъ, будетъ ли онъ выраженъ лицомъ или вещью: трьсть вѣтромь движема κάλαμος ὑπὸ ἀνέμου σαλευόμενος нареченъ сѧ прѣпростыи вьсеѩ братиѩ Dictus est simplex ab omnibus fratribus Супр. р.; тако живяста у любви и сватьствомъ обуемшесѧ Ип. л. /въ

дѣйств. любы обуяла/; церквамъ,... идѣже имя Божіе славиться, сими же погаными хулиться Ип. л. Въ старину сюда принадлежалъ глаголъ "пещисѧ ", матеріальное значеніе котораго иногда было яснѣе,чѣмъ теперь: не пьтѣцесѧ доушеѭ вашеѭ чьто ѣсте.... Такового же рода современные русскіе обороты: заниматься чѣмъ, радоваться чѣмъ. - Страдательное значеніе иногда имѣютъ нѣкоторыя прилагательныя, напр. на - ьнъ, напоминающія причастія страдательнаго на - енъ, /довольни бѫдѣте оброкы вашими/ и нѣкоторыя существительныя /привѣсѧ емоу длъжьникъ единъ тъмоѭ талантъ/; повиньни будутъ то створьшии прежереченою епитимьею Лавр. л.; мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей, которымъ нѣкогда былъ должень Римъ спасеньемъ Крыл.

Не при глаголѣ, а при сравнительной степени прилагательныхъ ставится творительный мѣры /mensurae/, для означенія того, чѣмъ одинъ предметъ превосходитъ другой: ничимже хоуждии Слово Мих., головою выше, рублемъ дороже, многимъ легче /ср. лат.multo , греч. πολλῷ /. Сюда же принадлежатъ и такія нарѣчныя выраженія, какъ: тѣмъ паче..., тѣмъ болѣе...., чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ и под.

Близокъ къ твор. орудія и творительный отношенія /limitationis/. Онъ употребляется при име-

нахъ прилагательныхъ и изрѣдка при существительныхъ для означенія отношенія, въ какомъ извѣстное качество приписывается предмету: высокъ саномъ Супр. р.; Пріамосъ тѣломъ высокъ, чистъ бровма, Екторъ силенъ крѣпостію Пов. о взятіи Трои; чловѣкъ богатъ.... именемъ иосифъ Зогр. Е.; бѣ же Ростисловъ мужъ доблъ ратенъ, взрастомъ лѣпъ и красенъ лицемъ Лавр. л.; моуринъ тѣломъ αἰθίοψ τὸ σῶμα. Будил. Изслѣд. 38; современныя: красавецъ собой; казакъ душой. Творит. отношенія можетъ быть и при нѣкоторыхъ глаголахъ: оумрѣ плътиѭ Супр. р. възвеселисѧ доухомь ів.

Исключительно при глаголѣ бываетъ творительный причины /causae/. Онъ очень близокъ къ творительному лица при страдательномъ залогѣ. Но, тогда какъ лицо въ именит. падежѣ можетъ быть только при обращеніи страдательной конструкціи въ дѣйствительную, здѣсь, въ творительномъ причины, имен. падежъ можетъ быть при обращеніи средняго залога въ глаголъ причинный /міръ сотворенъ Богомъ и Богъ сотворилъ міръ; а здѣсь: жаждоѭ съхнѫ и жажда сушитъ/. Примѣры: азъ же гладомь гыблѭ; вьса тѣмь бышѧ; не можѣахѫ бесѣдовати къ нему народомь; иніи Псковичи безсоніемъ одурѣли Пск. л., нельзѣ бо бяше перевезтися крами /изъ-за льдинъ/ Ип. л.; Игуменъ своею простотою не вписанъ и грамотъ не клалъ Юридич. Акты 1627 - 1633. Въ современномъ языкѣ творит. при-

чины выходитъ изъ употребленія: владѣютъ городомъ а помираетъ голодомъ; болѣетъ желудкомъ. Обыкновенно съ предлогомъ: черезъ это, по болѣзни, изъ-за страху, съ голоду и под. Къ твор. причины относится еще союзы: имьже, тѣмь, тѣмьже: сего дѣля варихъ бѣжати въ Тарсисъ, имже разумѣхъ, яко милостивъ ты єси Потебн 431; у Киева бо бяше перевозъ тогда... тѣмь глаголаху: "на леревозъ на Киевъ" Лавр. л. Вотъ еще интересный примѣръ, заключающій въ себѣ твор. лица и причины: Льстьно убѣенъ бысть... Святополкомъ Одовичемъ совѣтомъ бояръ невѣрныхъ Ип.л.

Особую группу составляетъ творительный образа дѣйствія /modi/, стоящій при глаголѣ и отвѣчающій на вопросъ "какъ". Творительный, служащій отвѣтомъ на поставленный вопросъ, въ большей или меньшей степени теряетъ реальность объекта и приближается къ нарѣчному обороту. Подъ творительный образа дѣйствія въ обширномъ смыслѣ могутъ подойти и нѣкоторые другіе виды инструментальнаго падежа, разсмотрѣнные нами выше. Ихъ мы касаться не станемъ. Примѣровъ много въ старомъ языкѣ и новомъ: възъвавъ гнѣвъномъ лицемъ Супр. р., сьниде доухъ святыи тѣлесьнымъ зракомъ Зогр. Е.; кръвь течаше рѣками Супр. р.; народъ иде тьмами *ib.*; явися звѣзда велика на западѣ конѣйнымъ образомъ Лавр. Л.; предъ княземъ же паче бойся лъжью глаголати Busl. кр.,

649, XIУ в.; новгородци вѣчемъ сташа на Ярославлѣ дворѣ Новг. л.; полечю, рече, зезицею по Дунаеви Сл. о п. Иг.; коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Вдуръ влъкомъ потече и под.; хто хмѣльнымъ дѣломъ промежъ себя подеретца 1622 г.; выдать кого головой; соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла и т. д. Изъ творительнаго образа дѣйствія образовался цѣлый рядъ нарѣчій въ формѣ твор. ед. или мн. числа: даромъ, нагишомъ, пѣшкомъ, бѣгомъ, рысью, верхомъ и верхами и т. д. Сюда же принадлежатъ такія старинныя образованія, какъ: тихы /тихы шедъ Ж. Феод./, малы /малы бо насъ не взяша Печенѣзи Лавр. л./, ср. бѣл. и малор. трохи; опакы = назадъ /опаки руцѣ связываху Лавр. л./, акы, такы /откуда наше "таки"/; матерны лаяти кому XУI в. Акт. Ист. I, 252; сюда же цѣлый рядъ нарѣчныхъ образованій на - ьскы: русьскы, грьчьскы и т. д. Послѣднія образованія въ современномъ языкѣ обыкновенно съ предлогомъ "по" /по-русски, по-дѣтски и т. д./, который присоединяется къ нимъ безъ представленія падежа. Безъ предлога такія нарѣчія рѣдки: онъ дѣтски наивенъ. Сюда же относятся и такія церковнославянскія нарѣчія, какъ: больми /больми тѣжаше Супр. р./, большьми /глагол большьми ./, тольми, нельми, тольма, бъхъма omnino, дѣльма, ноудьма и под. Иногда этотъ творительный употребляется лишь для обозначенія усиленія

другого понятія или признака, выраженнаго управляющимъ словомъ, какъ при винительномъ внутренняго объекта: оужасняшася оужасомъ вельемъ Зогр. Е.; възъписта великомъ гласомъ Супр. р.; въжделанѥмь зѣло въжделахъ Св. Сб. 1073 г ; таковы современныя выраженія: ходенемъ ходитъ, бѣгомъ бѣжитъ, чернымъ черно, поѣдомъ ѣстъ, вода водой и т. д.

Наконецъ, творительный падежъ бываетъ при сказуемомъ - предикативный вм. именительнаго, а также въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто винительнаго, о чемъ у насъ уже была рѣчь въ свое время.

МѢСТНЫЙ ПАДЕЖЪ.

Литература: Miklos. IV. 636 -683.
Vondrák Altk. Gr. 295 - 298.

Въ морфологіи ц.-слав. и древнерусскаго языковъ я имѣлъ случай говорить, что древнѣйшему періоду славянскихъ языковъ былъ свойственъ мѣстный падежъ, который могъ употребляться безъ предлога; въ болѣе позднюю же эпоху названныхъ языковъ онъ сталъ употребляться исключительно съ предлогами, вслѣдствіе чего, напр., въ русской грамматикѣ онъ и называется падежомъ предложнымъ.

Если при разсмотрѣніи разныхъ падежей мы часто исходимъ изъ мѣстнаго значенія, то это особенно при-

мѣнимо къ разсматриваемому падежу, который и является истиннымъ представителемъ всякаго значенія. Онъ показываетъ мѣсто, въ которомъ находится извѣстный предметъ, или происходитъ то или другое дѣйствіе; показываетъ онъ также время совершенія дѣйствія. Наконецъ, онъ употребляется въ зависимости отъ нѣкоторыхъ глаголовъ. Есть нѣсколько случаевъ нарѣчныхъ образованій въ формѣ мѣстнаго. О мѣстномъ послѣ предлоговъ, какъ и о другихъ падежахъ, зависящихъ отъ предлоговъ, говорить не станемъ.

Для обозначенія мѣста мѣстный падежъ ставится на вопросъ "гдѣ", при чемъ совершенно безразлично, къ чему прибавляется этотъ вопросъ, т. е. зависитъ ли мѣстный отъ глагола, или нѣтъ. Въ мѣстномъ могутъ стоять и собственныя имена и нарицательныя. Примѣры: съконьча свѧтыи Нисии Оусоровѣ своѥи ѥмоу вьси Супр.р.; живоуштеи Междоурѣчии κατοικοῦντες τὴν Μεσοποταμίαν. Шиш. А.; ꙗко сѫтъ съхранѥны кости нашѧ семь мѣстѣ Супр. р. Въ переводахъ евангелія мѣстные безъ предлоговъ не встрѣчается; да и вообще въ памятникахъ чисто церковнославянскихъ мѣстные безъ предлога довольно рѣдки; зато они очень обычны въ памятникахъ собственно русскихъ. Такъ уже въ послѣсловіи къ Остромирову Ев. читаемъ: самъ же изꙗславъ кънѧзь правлꙗше столъ оц҃а своего ꙗрослава кыевѣ, а брата своего столъ порѫчи праьити близокоу своемоу остромироу

новѣгородѣ. Въ лѣтописяхъ: сѣде Святополкъ Кыевѣ Новг. л.; поя Дмитровну Новѣгородѣ ib.; Дивъ кличетъ връху древа Сл. о п. Игор.; загорѣся Савкине дворе Новг. л. Памятники ХУ в. и слѣд. времени мѣстнаго уже не знаютъ. - Тутъ отмѣтимъ еще нѣкоторыя нарѣчія, имѣющія форму мѣстнаго и означающія мѣсто; нѣкоторыя изъ нихъ отъ старины держатся до сихъ поръ: зади /и ставъши зади при ногоу его Зогр. Е./; кромѣ; ꙗвѣ; вънѣ; долѣ; горѣ; развѣ; сквозѣ. Всѣ они такого же происхожденія, какъ греч. οἴκοι, οἴκει, лат. domi.

Мѣстный безъ предлога употребляется и для обозначенія времени, въ которое совершается какое-либо дѣйствіе. Впрочемъ словъ, которыя обыкновенно стоятъ въ мѣстномъ, немного. Это: часъ, дьнь, ноштъ, лѣто, зима, напр. исцѣлѣ дъшти ѥи томъ часѣ Остр. Е.; полоуношти въпл҃ь бысть ib.; да не бѫдетъ бѣство ваше зимѣ ни въ сѫботѫ Зогр. Е.; томъ же лѣтѣ роспрѣся Степанъ Твьрдиславиць съ Водовикомъ Новг. л.; прысну море полунощи, погасоша вечеру зари Сл. о п. И. - Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя нарѣчія на - ѣ, какъ поздѣ, оутрѣ /оутрѣ въ огнь въметаемо/, нынѣ, показывающія время и имѣющія форму мѣстнаго.

Мѣстный ставится, какъ уже было сказано, при нѣкоторыхъ глаголахъ. Представителемъ такихъ глаголовъ является коснѫтисѧ : коснѫсѧ краи ризѣ

его Савв. кн.; коснѫсѧ емь ib.; христовоу ногоу касаѭштисѧ Супр. р. и т. д. Таковъ же глаголъ вѧзѣти: овцю вѩзѩщю доубѣ Mikl. IУ, 640; ѩтисѧ: дѣлѣ сѩ своѥмь къждо имѩшеть Жит. Ѳ. и др. /ср. Mikl. IУ, 640/.

Мѣстный ставится также при цѣломъ рядѣ глаголовъ, сложныхъ съ предлогами: въ, до, за, на, объ, по, при, прѣ, съ, оу. Такая же конструкція, какъ при глаголахъ, бываетъ и при производныхъ отъ нихъ именахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: не могѫ зазьрѣти глаголѣ его Зогр. Е.; надѣѩсѧ словеси владычьни Супр. р.; обѣшѫсѧ вьи твоѥи ib.; ѩзыкъ мои прилъпе грътани моемь Син. ж.; рана не пристѫпитъ тѣлеси твоемь ib. и т. д.

При нѣкоторыхъ глаголахъ мѣстный указываетъ на причину, вызвавшую то или другое душевное настроеніе: не веселися мнозѣ брашьнѣ; каяся зьлобахъ вашихъ Mikl. IУ, 653.

Мѣстный иногда показываетъ отношеніе, въ которомъ допустимо сказуемое: конь добръ зѣло озрьчи equus valde pulcher aspectu. Mikl. IV. 653.

Наконецъ, форму мѣстнаго принимаютъ нѣкоторыя нарѣчія, произведенныя отъ именъ или прилагательныхъ и даже мѣстоименій, больше показывающія образъ или способъ дѣйствія. Таковы: годѣ /малор. и бѣлор. годи, если это не дат. п./: годѣ ми зѣло бысть про-

шенъѧ твоѧ Супр. р.; бѣдьнѣ; кротъцѣ; крѣпъцѣ /бъѧшесѧ крѣпъцѣ/; малѣ; лютѣ; цѣ и quamquam къ мѣст. къ; добрѣ: добрѣ пророчьствова о васъ.

Варшава
Апрѣля 1913 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

--oooOooo--

15—